

S1: ИМЕНОВАНИЕ СКРЕПЛЕНИЕ УВЯЗЫВАНИЕ

Четыре перевода с французского

Содержание

Об этом собрании переводов.....	3
<i>Эрик ЛОРАН</i> . Невозможное именование, его кажимости, его синтом	4
<i>Жиль КАРОЗ</i> . Некоторые замечания о направлении лечения в случае ординарного психоза.....	19
<i>Софи МАРРЕ-МАЛЬВАЛЬ</i> . 'N'homme', акт высказывания (dire) от Лакана до Джима Моррисона	30
<i>Жан-Клод МАЛЬВАЛЬ</i> . Аутистическая структура	51
<i>Глеб НАПРЕЕНКО</i> . Вместо послесловия. Этические резонансы специфики понятия «означающее» в психоанализе	80

Переводчики: Иван Жарук, Алексей Зайчиков, Василий Семёнов, Александр Силкин,
Егор Цветков, Полина Чижова.

Научная редакция переводов: Глеб Напреенко

Литературная редакция переводов: Дина Силкина

Верстка: Эдуард Шимкунас

В оформлении обложки использована миниатюра Абердинского бестиария «Адам
именует животных» (folio 5r).

Об этом собрании переводов

Среди русскоговорящих, так или иначе связанных со Всемирной ассоциацией психоанализа (WAP/AMP) и, в частности, с инициативой Новой лакановской школы (NLS) в России, набралось немалое количество переводов статей и фрагментов книг по психоанализу лакановской ориентации. Некоторые из переводчиков, проживающие ныне в разных городах и странах — Санкт-Петербурге, Париже, Москве, Алматы, были бы рады опубликовать свои переводы и искали этой возможности. Так родилась идея выпустить коллекцию переводов, объединённую общей темой и состоящую из неопубликованных ранее материалов.

В это собрание переводов, озаглавленное «S1: именование, скрепление, увязывание» вошли четыре статьи: «Невозможное именование, его кажимости, его синтом» Эрика Лорана, «Некоторые замечания о направлении лечения в случае ординарного психоза» Жиля Кароза, «'N'homme', акт высказывания (dire) от Лакана до Джима Моррисона» Софи Марре-Мальваль и «Аутистическая структура» Жана-Клода Мальваля. Все переводы публикуются с любезного согласия авторов статей.

Невозможное именование, его кажимости, его синтом

Эрик ЛОРАН

Какие выводы мы можем сделать из топологических разработок и деформаций, произведённых Жаком Лаканом в ходе его преподавания, касательно определения конца анализа, касательно самого опыта перехода (*passé*) и, соответственно, касательно интерпретации?

Фрейд оставил нам проблему, заключающуюся в том, что психоанализ состоит в пересечении (*traversée*) определённого количества идентификаций, особенно фаллических; последние по-разному распределяются с мужской и женской стороны, причём каждый пол имеет свой собственный способ *быть не без этого*. Эта диалектика находит свое неизбежное завершение в конце психоаналитического опыта, когда мужчины и женщины сталкиваются с различными камнями преткновения в зависимости от своей позиции в сексуации.

Более поздние разработки в психоанализе постоянно смещали акцент по ту сторону фаллической идентификации, а именно на идентификацию субъекта в качестве объекта. Таким образом, по ту сторону фрейдовского тупика «скалы кастрации» попытка Мелани Кляйн исследовать наслаждение фантазма и ухватить фундаментальные способы его образования открыла другие исходы опыта лечения.

Начиная с 1950-х годов Лакан стремился навести в этих вопросах порядок, подходя к концу лечения с точки зрения возможного пересечения (*traversée*) фантазма, в то время как постфрейдисты — и в особенности *french group* — настаивали на фиксации в фантазме. В частности, Лакан учился от противного у Мориса Буве, который в то время считался выдающимся теоретиком. Чем больше Буве придавал плотности (*faisait consister*) фантазматической фиксации как «реально» пережитому опыту, как «тестированию реальности» в лечении, тем больше Лакан стремился к разуплотнению (*desserrage*) фантазма вплоть до его знаменитого «пересечения» (*traversée*).

Топологические переворачивания (*Rebroussements topologiques*)

В начале его преподавания это «пересечение» представлено как серия пересечений идентификаций. Схема с двумя зеркалами, предложенная в «Замечании к докладу Даниэля Лагаша», предполагает пересечение плоскости идентификаций.

Эту формализацию можно понимать либо в терминах прохождения через определённое количество идентификаций, исследуемых в систематической матрице (например в матрице, которую Лакан предлагает для лечения маленького Ганса¹), либо в топологических терминах перехода на другую сторону (когда идентификации исследованы, мы переходим на их другую сторону), что также может быть описано в терминах эффектов переворачивания (*d'effets de rebroussement*)². Посту-

1) Lacan J., *Le Séminaire, livre IV, La relation d'objet*, Paris, Seuil, 1994, P. 385. — Здесь и далее сноски автора, если не указано иначе.

2) Лакан Ж., «О наших предшественниках», Написанное, «Ад Маргинем Пресс», 2024, С. 10.

пательное движение раскрытия идентификаций позволяет нам в определённый момент перейти от точки, наделённой особыми топологическими свойствами, к точке, которая работает как её изнанка. Это мёбиусное переворачивание происходит в фундаментальной точке перегиба поверхности.

Лакан прибегал к различным топологическим объектам, способным дать понимание этой операции; однако по мере развития своего преподавания он столкнулся с тем, что за пределами единичной черты идентификации, когда идентификация пересечена, то, что обнаруживается, — это значение маленького *a*.

В его Семинаре об идентификации пересечение плоскости идентификаций уступает место записи дроби³. Проблема уже не в идентификации [I(A)], которая как бы «перечёркнута», а в развитии, до бесконечности, дроби.

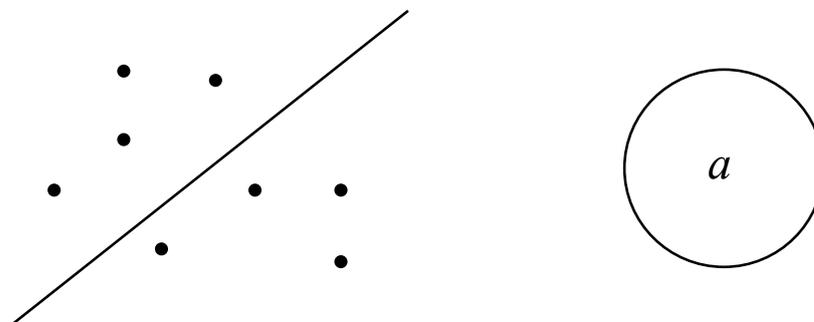
I (A)

~~I(A)~~

В самом деле, единичная черта не может существовать без учёта этой упущенной встречи с наслаждением, а также без того значения, которое она приобрела для субъекта. Через своё бесконечное развитие эта дробь, в свою очередь, приводит нас к разворачиванию бесконечной прямой⁴; объект *a* представлен тут дырой, расположенной вне прямой — здесь мы получаем парадигму, существенно отличающуюся от парадигмы «края», способного очертить объект *a*.

$$\frac{1}{a} = 1 + a \qquad \frac{1 + a}{\frac{1 + a}{1 + a}}$$

Formule initiale

3) Lacan J., Le Séminaire, livre IX, “L’identification”, leçon du 10 janvier 1962, inédit.

4) Ср., в частности, последовательность Фибоначчи, как её представляет Лакан в Le Séminaire, книга XVI, D’un Autre à l’autre (Paris: Seuil, 2006), P. 128; урок от 13 мая 1975 года из Le Séminaire, книга XXII, R.S.I., Ornicar ?, № 5, 1976, P. 57-66; разработки Лакана о бесконечных прямых в Le Séminaire, книга XXIII, Le sinthome (Paris: Seuil, 2005).

Это изменение перспективы имеет последствия для практики психоанализа. Например, оно открывает нам критическую точку зрения на формулу, выведенную Сержем Леклером, который получил из своего анализа представление о том, что для перехода через плоскость идентификаций необходима некая идентификация вне смысла. Леклер весьма хорошо рассказывал о собственном опыте лечения, приписывая его пациенту, маленькому Филиппу⁵, однако мы знаем, что это был рассказ о случае Сержа — в какой-то момент он и сам того не скрывал. Так, он представил в некотором роде своё свидетельство о переходе (*passé*). Мы обнаруживаем в этом свидетельстве идентификацию в качестве любимого ребёнка тети — «бедного Филиппа», когда он был болен, а также изобилие единорогов и множество прочих фаллических дам... В конце концов, это разрастание редуцируется благодаря работе вне смысла, выделяющей знаменитое «Poordjeli», синтагму, в которой сгущены «бедный Филипп», единорог и т. д. Теперь для Леклера — именно так он это представляет — это лишённое смысла означающее приводит к формуле, с помощью которой он обретает Ты есть это, следуя перспективе конца лечения, намеченной в «Функции и поле речи и языка...»⁶. Эта формула — способ не только утвердить пересечение плоскости идентификаций и некоторое вне-смысла, которое больше ничего не означает, но и представить своё бытие.

Лакан возражает на это в тексте «Положение бессознательного»⁷, подчёркивая, что это лишь операция отчуждения; остается операция сепарации. Проблема не столько в том, чтобы выделить серию более или менее осмысленных фонем, сколько в том, чтобы определить, какую игру с Другим поддерживают эти фонемы. Что за часть — строго говоря, значение наслаждения — задействована в сепарации с Другим? Операция сепарации является более сложной, потому что она всегда кажется подчинённой бесконечной прямой повторения, никогда по-настоящему не закругляясь (*se boucler*).

Эта проблема, мобилизовавшая усилия Лакана, трансформируется следующим образом: учитывая бесконечность символической прямой, невозможно ограничиться описанием плоскости идентификаций или её пересечения.

Символическое повторение следует понимать не столько как *идентификацию*, сколько как *именование*⁸: оно включает в себя креационистское значение имени, о котором говорил Паскаль Перно в своей вводной лекции⁹. Пройдя через определённое количество идентификаций, становится возможным дать новое имя — позже

5) Cf. Leclaire S., «Le rêve à la licorne», *Psychanalyser*, Paris, Seuil, 1968, P. 99-117 & Laplanche J., Leclaire S., *L'inconscient. Une étude psychanalytique*, Paris, Desclée de Brouwer, 1966, P. 95-130 & 170-177. Cf. aussi Laurent É., «Serge Leclaire ou se méfier de ce que l'on s'est», *La Cause freudienne*, no 29, 1995, P. 16 -21.

6) Следует напомнить, что «Ты есть это» вдохновлено буддийской формулой *Tât twam asi*, и поэтому не лишено исключительной парадоксальности: в буддизме «Ты есть это» может быть только колеблющимся, никогда не стабильным, это также *Tu n'es aucun objet du monde* и так далее. Лакан Ж., «Психоанализ истинный и ложный», МПЖ № 7, С. 11.

7) Лакан Ж., «Положение бессознательного», Написанное, особенно С. 403 и 412.

8) Ср., в частности, вклад Э. Лорана в курсе Ж.-А. Миллера «L'orientation lacanienne. Le lieu et le lien», enseignement prononcé dans le cadre du département de psychanalyse de l'université Paris VIII, cours des 13 décembre 2000, 24 janvier, 7 février & 7 mars 2001, inédit, ainsi que ses articles parus dans *La Cause freudienne*: «Symptôme et nom propre» [no 39, mai 1998, p. 19-33]; «Le «nom de jouissance» et la répétition» [no 49, novembre 2001, p. 21-31]; «Le Nom-du-Père entre réalisme et nominalisme» [no 60, mai 2005, p. 131-149].

9) П. Перно открыл вечер 10 ноября 2010 года, выступив с докладом «À ordre symbolique inconsistant, clinique créationniste du nom». См. статью П. Перно, опубликованную в *La Cause freudienne* 2011/1 N° 77: «La Bedeutung du nom. Noms-du-Père et complément».

Лакан использует термин *синтом*, который подразумевает как имя, так и значение наслаждения. Как назвать это новое, не получив в итоге *Ты есть это*, которое можно схватить, взять в руки, как формулу *Poordjeli*? Оно ускользает. Но, что же, тогда больше не будет конца?

Поскольку вопрос больше нельзя свести к плоскости, то как мы сможем закрепить, зажать (*coincer*) что-то, исходя из бесконечной прямой? — Например, добавив две другие бесконечные прямые, переплетение которых имеет форму узла между символическим, воображаемым и реальным, причём в каждом из этих регистров есть дыра.

Таким образом, Лакан превращает проблему в решение. Как неоднократно показывал в своих лекциях Жак-Ален Миллер, Лакан часто создавал для себя проблему, которая заводила его учение в тупик, и каждый раз благодаря этому тупику находил новое решение — например, пролагая путь перехода (*passé*) как путь стягивания узлов, что вновь вводило перспективу возможного конца анализа после того, как было разрушено то решение этого вопроса, которое он сам вначале предложил.

От точки пристёжки через бесконечную функцию мы приходим к бесконечной прямой, а затем к тройному стягиванию, которое позволяет воссоздать эквивалент уже не точки пристёжки, а точки стягивания, — иначе говоря, скрепление (*agrafe*). *Ты есть это* — *Tât tvam asi* — из «Функции и поля...» превращается в *Я есть то, что является продуктом моего анализа и полученных мною в этом анализе имён*. Речь, тем самым, идёт не столько о противоположности идентификации и дезидентификации, сколько об имени, которое включает в себя как символическую черту, так и значение наслаждения.

Ниспровержение имени собственного

Это предполагает изменение концепции того, что мы называем именем собственным. То, что «*Ты есть это*» может составить имя собственное субъекта, означает шаг в сторону от лингвистических споров об именах собственных и именах нарицательных. Поскольку имя собственное — это то, что не имеет *Sinn*, оно является «чистым *Bedeutung*»¹⁰: если имя собственное не может быть переведено, оно не может относиться к различным *Sinn*, оно *sinnlos*; с другой стороны, его *Bedeutung* совершенно определён. Этот вопрос породил огромное количество логических разработок. Гуссерль прямо противопоставил себя Фреге, своему современнику, отказавшись проводить различие между *Sinn* и *Bedeutung*; его феноменология основана на этом основополагающем споре, который предшествовал спору о логических описаниях, развернувшемуся впоследствии более чем на полвека.

Однако «в имени собственном есть нечто, что всегда требует дополнения»¹¹; как показывает Ж.-А. Миллер, Лакан использует этот спор об имени собственном, чтобы поместить имя собственное и имя нарицательное на одну сторону, ниспровергая при этом оппозицию *Sinn/Bedeutung*. Безоговорочно придерживаться различия, введённого Фреге, значит отказывать себе в гибкости, необходимой для учёта значения *Bedeutung*, о котором можно сказать лишь между строк, которое нельзя высказать, или которое, по крайней мере, *не всё* (*pas toute*). Ускользающий, несхва-

10) Miller J.-A., «Joyce-le-Symptôme. Lacan avec Joyce: le Séminaire de la Section clinique de Barcelone», *La Cause freudienne*, N° 38, 1998, P. 13.

11) *Ibid*, С. 12-13.

тываемый, объект **a** становится инструментом подрывной деятельности, расшатывающим логические теории референции.

Поэтому необходимо смастерить логику именования так, чтобы сделать из него инструмент, который можно использовать в психоанализе. В начале Лакан опирается на Клода Леви-Стросса, который отвергает оппозицию между именами собственными и именами нарицательными¹²: для автора «Неприручённой мысли» любое имя собственное в конечном счёте не более, чем имя нарицательное, используемое для классификации видов. Даже если эти виды состоят из единственной особи, они остаются общими видами, системами классификации. Действительно, Леви-Стросс верит в такое бессознательное, которое, в своей восхитительной логической матрице, держалось бы само по себе, отделённое от любого наслаждения... И здесь мы снова оказываемся в чистом отчуждении, поскольку не улавливаем ничего из наслаждения субъектов, прищипленных этой системой. Это критика, сформулированная Лаканом: как только мы сводим субъектов к точке в матрице означающих перемещений, кодифицированных и фиксированных, мы отвергаем их речь и то, что она передаёт — и в особенности мифы, которые служили именно для того, чтобы обходиться с наслаждением цивилизации.

Сол Крипке также атакует дихотомию «имя собственное/имя нарицательное», хотя и под совершенно другим углом. По его мнению, независимо от того, является ли имя собственным или нарицательным, что имеет значение с того момента, как имя было вам представлено, так это то, что произошла встреча¹³. Из контингентной эта первая встреча превращается в необходимую в силу самого факта именования. Вы никогда не забудете, как оно предстало вам в тот первый раз, в контингентности, сквозь все возможные миры, сквозь все описания, все повторения, все изменения, которые претерпит ваше знание о вещи, а также те, которые это знание заставит её претерпеть. Для вас оно всегда будет оставаться привязанным к этому опыту открытия. Именно в этом смысле и для Крипке имя собственное и имя нарицательное оказываются на одной стороне.

На пути к обобщённой двусмысленности (équivoque généralisé)

Лакан использует это, чтобы сделать из имени собственного, конечно, всё-таки имя, то есть в высшей степени означающий элемент, но имя особое: оно включает в себя остаток аналитического опыта и трансформаций, которые могли в нём произойти в отношении модальностей наслаждения субъекта.

Благодаря контингентной встрече с наслаждением каждый субъект сохраняет особый способ пользоваться общим языком, чтобы сказать нечто совершенно отличное от того, что этот язык, как обычно предполагается, говорит. Таким образом, субъекту удастся высказать свой фантазм, используя слова своего рода-племени. Он просто кромсает их по-своему: их *омофонизирует*, их *экивокирует*, заставляет быть двусмысленными (*équivoquise*), и каждый раз по-особенному. Послушав некоторое время какого-либо собеседника, можно ощутить, насколько он говорит не на общепринятом языке, который, казалось бы, использует — французском, испанском, английском... На самом деле он говорит на своём собственном языке, языке,

12) См. в частности Леви-Стросс К., «Тотемизм сегодня. Неприручённая мысль», М.: Академический Проект, 2008., С. 383-415.

13) Cf. Kripke S., *La logique des noms propres*, Paris, Éditions de minuit, 1982.

где он выкручивается, изобретая каждый раз особый способ заставить быть услышанной свою сингулярную боль существования и особенности того, как для него проявилась упущенная встреча с наслаждением. С помощью такого приспособления он определяет *имя собственное* — *имя нарицательное*, то есть имя собственное, всегда дополненное чем-то в высшей степени парадоксальным. Это парадоксальное дополнение, которое вовсе не является стабильным и не может быть сведено к какой-либо определённой форме¹⁴, сопрягается с усилиями субъекта по именованию, то есть с его усилиями заставить обычный язык *эquivoкровать*, звучать двусмысленно (*équivoquer*), чтобы достичь объекта своих пожеланий, партнёра-симптома, которому он адресует своё влечение и при котором он восстанавливает часть утраченного объекта.

Это усилие именования совместимо с идеей бесконечной прямой. Жак-Ален Миллер подчёркивает этот парадокс¹⁵: дыра в символическом — то есть разрыв между одним означающим и другим, между одним именем и другим — затыкается другой дырой: именем собственным, которое никогда не появится. Когда Лакан утверждает, что Джойс-Симптом — имя Джойса, это ни в коем случае не означает, будто Джойс и симптом раз и навсегда пожали друг другу руки; будто, написав свое произведение, Джойс довольствуется тем, что является писателем, размышляющим о своём имени собственном перед полным собранием своих сочинений. Вовсе нет! Это "*Finnegans Wake*" Джойса, то есть бесконечная попытка эquivoкации всех языков, всех возможных имён, которые, в крипкеанском смысле, однажды ему явились, всех неудачных именовании его контингентных встреч с наслаждением. Конечно, Джойсу на чисто внешнем уровне удалось выстроить все закольцевать: "*Finnegans Wake*" открывается и закрываются "*riverrun*"¹⁶; но не заблуждайтесь, течение реки непрерывно, это постоянное усилие, оно не прекращается. Джойс-Симптом относится к тем именам, которые в конечном итоге может найти для себя субъект в анализе. Его имя собственное — это его *имя собственное* — *имя нарицательное*, которое всегда должно быть дополнено; оно дополняется именно благодаря усилию сделать язык двусмысленным (*équivoquer*).

Лакан упоминал «усилие ответа» (*effort de réplique*)¹⁷, которое предпринимает Шребер, чтобы сохранить себя в Другом. В конце анализа, пройдя через свои идентификации, через своё имя фантазма и прикоснувшись к своему имени *синтома*, субъект, не обязательно психотический, также обнаруживает себя в какой-то мере в "*Finnegans Wake*". Заставлять язык быть двусмысленным в постоянном «усилии ответа» может стать точкой опоры. Это вместе с тем вполне совместимо со стягиванием чего-то в узле консистенций R.S.I. — которые, как подобает истинному Имени-Отца, представляют собой множество инструментов или орудий для этой цели.

Использование парадоксов именовании

Из некоторых недавних свидетельств аналитиков Школы [АЕ] я выделю несколько моментов, касающихся того, как имеющие опыт лечения и берущиеся говорить

14) В противном случае мы нашли бы некое определённое описание [Бертран Рассел] или один из его логических вариантов, эквивалент «Вы будете этим» или «Я тот, кто...», новую версию "Poordjeli".

15) Cf. Miller J.-A., "Joyce-le-Symptôme. Lacan avec Joyce: le Séminaire de la Section clinique de Barcelone", op. cit., P. 7-20.

16) "Erre-revie" в переводе Филиппа Лаверня [Paris, Gallimard, coll. Folio, 1982, P. 19].

17) Лакан Ж. «О вопросе, предвещающем любой возможный подход к лечению психоза», МПЖ №2, С. 34.

о нём для других, интерпретируют это парадоксальное именование, возникающее в ходе анализа.

Начнем со свидетельства Анн Лизи. «Я не ищу счастья, я хочу видеть ясно! Это выяснилось на первом сеансе, когда аналитик спросил меня, чего я хочу от анализа»¹⁸. Чуть дальше она объясняет: «Мне нужен был особый вид знания: не теоретическое знание, не объяснение. Скорее, я хотела распутать нити; разгадать, как разгадывают загадку, ту загадку, которой я была для самой себя». В конце своего лечения она говорит нам: «Является ли конец истории победой ясности над темнотой? Я бы больше не стала выражать это в таких терминах, решение (solution) как будто не следует искать в этой бинарности, так же как и в разрешении (résolution) загадки. Скорее, оно заключается в возможности принятия решения (décision). Конечно, анализ пролил свет, но самое важное и, возможно, самое трудное для объяснения — это та отстранённость (détachement), которую анализ мне обеспечил [в то же время], когда я отказалась от последнего слова и от прозрачности».

На первый план здесь выходит не операция отчуждения, а операция сепарации, которая разыгрывается в то же время, когда Анн Лизи отказывается от последнего слова. Это точно: не существует последнего слова, но есть продолжающееся усилие экивокации. В конце анализа вопрос уже не ставится в терминах исходной модели «проблема/решение»: я пришла к вам, вы знаете своё дело, мы разберёмся с проблемой и разгадаем загадку с установлением субъекта предположительно знающего. Анн Лизи перестаёт ставить вопрос таким образом. Что-то отделилось, когда она отказалась от «прозрачности».

Леонардо Горостиза объясняет¹⁹, что вначале он смог засесть свою фаллическую позицию с первым аналитиком, но добавляет: «Я несомненно засеё эту позицию, но не мог найти точное означающее, чтобы поименовать эту вещь. Это стало возможным только во время второго анализа, когда было создано особенное означающее симптома — «рожок для обуви (chausse-pied)». Его имя симптома это я — *рожок для обуви*, который в этом случае представляет собой некий универсальный инструмент. В результате значение маленького **a** не преминуло проявиться: «В моём случае это была привилегированная эпизодическая субстанция, хотя и не исключительная: скопическая форма объекта **a**. Под видом этого либидинального ядра сформировалась фантазия переноса» (la fantaisie transférentielle) — здесь мы находим имя, означающее переноса — всегда быть «в распоряжении гневного ока Другого». В некотором смысле это также угроза отсутствия подходящего рожка для обуви. Субъект осуществляет именование, выделяя единичную черту, означающее «рожок для обуви», и получает в ответ встречный удар его значения — другими словами, его значение как объект **a** — которое немедленно возвращается к нему в переносе: «У меня никогда это не получится, у меня его не будет, он прогневается». Но, добавляет Леонардо, «всё это было не более чем подготовкой, которая позволила мне дать имя “безумие” моей травматической встрече с загадочным женским наслаждением моей матери».

Это лечение привело его к развитию своего имени для фантазма: «С одной стороны, [...] я — око, встроенное в щель, в разделение субъекта, стремящееся заполнить

18) См. также Анн Лизи “Vouloir voir clair et jouir du sombre”, La Cause freudienne 2011/1 (N° 77), С. 25-28.

19) Cf. Gorostiza L., “Et la copule s’ouvrit... Trois scansiones dans le désir de l’analyste”, La Cause freudienne, N° 76, 2010, P. 15-20.

её; с другой стороны, когда я удивляюсь, выясняется, что я — *это мой собственный взгляд*, перенесённый в поле Другого и поселившийся в его радикальной нехватке». Око и гнев перекликаются в омофонии между *epojo* [«гнев» по-испански] и *ep-ojo* [«в глазу»].

В заключение он отмечает, что его лечение было отмечено тремя разрывами между этапами, «через которые, — говорит он, — я смог увидеть пустоту, открывающуюся, когда лживая истина наконец исчезает перед непрозрачностью тёмного молчания». Это был его особый способ столкнуться не с последним словом, а с «тёмным молчанием».

После того, как были произведены эти последовательные именованья, после того, как они были пересечены, остаётся только усилие продолжать занимать это место, зная, что универсальный инструмент уже больше универсальным не является; его даже заменили оксюморонами, расплывчатым и противоречивым, «рожек-для-обуви-без-размера» (*chausse-pied-sans-mesure*), который не только не служит, но и мешает... Мы перешли от инструмента к не поддающемуся классификации изобретению, но такому, с помощью которого Леонардо Горостица действительно ниспровергнул язык и продолжает это делать.

Патрисия Боскан-Кароз²⁰ описывает своё первоначальное удивление: «Что я сказала? [...] Откуда это взялось, откуда это слово пришло ко мне?» — Таким образом, мы видим, что структура субъекта обнаруживается в смещении от вопроса к вопросу. Это заставляет вспомнить текст Жака-Алена Миллера “*Los preguntones*”²¹ [Вопрошающие], в котором он показывает, как истерический субъект, по существу, поддерживается вопросом. Это противоположно тому, как медлит с ответом навязчивый субъект, например, мужчина, который у дверей отеля, где женщина его мечты изменяет ему с другим, восклицает: «Жестокая неопределённость!» Здесь момент знания откладывается, тогда как истеричный субъект исследует знание вопросами, которые могут свести с ума, пока не появится именование, которое положит этому конец. Однако, как хорошо выразилась Патрисия Боскан-Кароз, «анализ не остановился на этой интерпретации, которая, как я могу сказать, привела к раскрытию прожорливого орального наслаждения». От вопроса «Откуда это пришло?» мы переходим к значению $1 + a$, которое вводит серию или серьёзность. В конце концов, она отмечает, что именно появление сна привело её к принятию решения о конце анализа. «Во сне её мать бросила семью [...]. Патрисия записала номер её мобильного телефона и позвонила ей. Мать отвечала непринуждённым голосом. [...] Там было что-то невыразимое для неё (*indicible*)». Встреча в определённый момент с неизменным (*innommable*), с тем, что не имеет формы, позволит ей поддерживать свои усилия речи, принимая этот голос в обратном направлении; эффект переворачивания (*rebroussement*) этого голоса позволяет взять речь, чтобы продолжать свой эквивок.

В рассказе Сони Кириако²² основное внимание уделяется языковому аспекту. «Вы — ходячая ложь», — сказал ей аналитик во время их первой встречи. Об этой интерпретации Соня говорит: [она] «идеально подытожила то, на что я пришла по-

20) Cf. Bosquin-Caroz P. : “Une “a-moureuse”, La Cause freudienne, N° 75, 2010, P. 48-54 & “Pour un nouveau mode de vie”, La Cause freudienne 2011/1 (N° 77), P. 9 -11.

21) Миллер Ж.-А., «Вопрошатели», Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций, Логос/Гнозис, Москва 2017, С. 61-70.

22) Cf. Chiriaco S., “Un jeu de forces contraires”, La Cause freudienne 2011/1 (N° 77), P. 13 -17.

жаловаться, чтобы стать известной ему, то есть двойное имя, которое я носила как позорное пятно: при объявлении о моём рождении регистратор обязал моего отца дополнить имя, выбранное моими родителями, французским первым именем». Это двойное имя включает в себя как обманчивое значение собственного имени, так и его структурное значение, поскольку собственное имя всегда стремится быть дополненным другим. Здесь удвоение происходит с самого начала, с особым субъективным эффектом *истины/лжи*, лживой истины: *где я? под каким означающим я окажусь?* Конец лечения вращается вокруг этой встречи с А: «Ей пришлось перенести операцию, которая заключалась в открытии крышки черепа, чтобы что-то извлечь [...]: извлечь последнее слово... но какое? Появление означающего “*or-meaux*” (морское ушко), которое позже превратится в “*or-mot*”, а затем в “*hors mots*” (вне слов), в высшей степени изысканно: «последний удар по уже разрушенному зданию, удар по самому слову, заставляющий его взорваться». Это и есть настоящая операция “*Finnegans Wake*”: это «господское означающее [...] пало, [...] вплоть до “вне слов”, что сделало его бесполезным; на этот раз уже не было никакой возможности укрыться в хорошо написанных, разумных словах, расставленных по своим местам». После этой встречи мы фактически попадаем в режим всеобщей двусмысленности (*l'équivoque générale*), и это именно то, что означают слова.

В «Удовольствии от текста» Ролан Барт проводит различие между режимом удовольствия и режимом наслаждения. Режим удовольствия от текста — это когда нужные слова находятся в нужном месте, тогда как режим наслаждения — это именно взрыв, двусмысленность, новое слово, вспышка... Именно в связи с эквивоком — Барт поддержал усилия Лакана в этой области — он противопоставляет два типа литературы. Когда Соня Кириако утверждает, что «больше не было возможности укрыться в хорошо написанных, разумных словах, расставленных по своим местам», она предлагает нам ощутить тот момент, где мы прикасаемся к царству эквивокации.

Профиксация²³ и хват припоминания²⁴

Эти свидетельства бесценны для того, чтобы понять, как мы сегодня относимся к парадоксам именования, как мы читаем их в учении Лакана. Они также позволяют нам прочесть эти поразительные слова в «Промах предположительно знающего субъекта (*La méprise du sujet supposé savoir*)»: «Это послужит нам напоминанием о том, что бессознательное — это не утрата памяти. Бессознательное — это когда не припоминаешь себя в том, что знаешь. В не-пуристском узусе существует такая форма: “*je m’en rappelle*”, иначе говоря, я напоминаю о себе бытию (репрезентации), основываясь на... [*je me rappelle à l’être (de la représentation) à partir de cela*]. На чём же? На означающем. Я не вспоминаю себя в этом [*je ne m’en rappelle plus*]. Иными словами, мне там себя не отыскать. Оно [*ça*] не вызывает меня ни к малейшей репрезентации, основываясь на которой можно было бы доказать, что прежде там был мой дом»²⁵. Опыт бессознательного — это не утрата памяти, а неиспользование знания, которое уже здесь; эта концепция противоположна той,

23) *Transfixation*, неологизм Лакана, составленный из слов *fixation* (фиксация) и *transfixion* (прокалывание насквозь) — Прим. ред.

24) *Prises de rappel*, игра слов с альпинистскими терминами (*rappel* – дюльфер) и с *prise* (хват) в контексте *méprise* (промах) — Прим. ред.

25) Лакан Ж., «Промах предположительно знающего субъекта», *Мета-фора* №2, С. 28.

которую Лакан предложил в 1950-е годы, а именно: анализ как состоящий в восстановлении памяти о том, что было забыто, в виде возвращения вытесненного. Напротив, в 1967 году он утверждает, что субъект приходит к бытию репрезентации из означающей цепочки, в которой в данный момент он является ничем иным, как нехваткой²⁶.

Конец анализа приводит субъекта в царство экивокации, а не к воссозданию забытых воспоминаний, из которых он выстроил бы хорошо написанную историю, составленную из разумных слов, расставленных по своим местам, по выражению Сони Кириако. Вопреки утверждениям психоаналитиков-герменевтов, у нас нет доступа к нарративу о себе, к *story-telling*. Впрочем, это была бы скорее очень странная история себя, если бы вы её рассказывали исходя из психоанализа: история разрывов, обобщённый Разрыв *ошуюю* (*Brisure à Senestre*), согласно ошибочному переводу романа Владимира Набокова “*Bend Sinister*” [1947]. Рассказ об анализе больше похож на историю всегда тщетных попыток вернуть эти слова на их место — слова, что в конечном итоге являются не более чем остатками, обрывками, осадками, свидетельствующими о встрече, которая всегда упущена.

Однако «я отсюда себя припоминаю» (“*je m’en rappelle*”), которое Лакан раскрывает для нас, указывает, что субъект использует означающее, как альпинист использует х ват (*prise de rappel*), чтобы выбраться из дыры, в которой он находится, дыры, которая является «чашей наслаждения»²⁷, где он больше не может найти себя. Стремясь выбраться из неё, он пользуется означающим, чтобы назвать, в экивокации, призывая (*faisant appel*) новую кажимость (*semblant*); но эта попытка именованья одновременно является памятью обо всех неудачных, проваленных попытках, которые уже имели место: ошибочных действиях, упущенных встречах и так далее. «Бессознательное — это не подсознание или нехватка освещения. Это свет, не оставляющий места ни тени, ни контуру». Если я отсюда себя не припоминаю (*je ne me rappelle pas*), то потому, что «на призыв означающего, что должен был бы “представить меня другому означающему”, я не отвечаю: “Я здесь!” Ведь следствием этого призыва становится то, что я больше ничего из себя не представляю. Я — камера-обскура, в которой зажгли свет. В результате в ней не сможет нарисоваться внешний образ, проходящий сквозь булавочное отверстие»²⁸.

Мы тут далеки от классического образа *камеры-обскуры* Альберти: модели изображения мира, призванной транскрибировать мир в ренессансной перспективе, мир, который лишён экивоков, умиротворен, где всё на своих местах.

Речь идёт о чем-то совершенно отличном от мира пещеры или тёмной комнаты: *напротив, я нахожусь на ярком свете, как растерянная крыса или кролик, ослеплённый светом фар на дороге*. Именно этот кролик с миксоматозом, «обративший к заходящему солнцу пустоту незрячих глазниц, ставшую вдруг взглядом»²⁹, точно воплощает для Лакана человеческое существо и его боль существования. Этот образ мы находим и в фильме Клода Ланцмана «Заяц Патагонии»; сам Ланцман был очарован бегом ослеплённого зайца навстречу смерти. *Камера света, я захвачен светом наслаждения, который меня профиксирует* (*transfixe*). Бессоз-

26) Там же., С. 28, сноска 1: «Бессознательное [...] представляет мою репрезентацию там где ее не хватает, там где я емь лишь нехватка субъекта».

27) Лакан Ж., «Лекция о литуратерре», Лакан в Японии, С. 62.

28) «Промаях предположительно знающего субъекта», Мета-фора №2, С, 28, сноска 1.

29) Лакан Ж., «Функция и поле речи и языка в психоанализе», Написанное, С. 157, сноска 1.

нательное — это «свет, не оставляющий места ни тени, ни тому, чтобы наметился контур».

Намечание контура — это, можно сказать, задача психоанализа или задача, которую он порождает. Там, где я был профикирован (*transfixé*), мне теперь удаётся различать контуры, устанавливая кажимости (*semblants*), знать, что это возможно и что усилие эquivoкации, которое никогда не прекратится, является великим открытием того, *что означает для человека говорить*. Именно этот опыт позволяет нам знать, что мы можем обходить, обводить, оконтуривать и не оказываться в ужасающей ситуации этой *профиксации* (*transfixation*) абсолютным светом наслаждения.

Свидетельства перехода (*passé*), которые мы собрали, стоит рассмотреть по отдельности, потому что они позволяют понять, как каждый создавал свои собственные контуры и кажимости (*semblants*). Они дают пищу для размышлений о современном состоянии психоанализа; они помогают нам понять, как мы сегодня используем переданные нам инструменты; они позволяют исследовать, что производит опыт лечения и чему мы учимся у его продуктов. Таким образом, эти свидетельства дают нам новый импульс для наших вопрошаний.

Пауло Сикейра: Когда я перечитывал Вашу статью «Симптом и имя собственное», меня поразило отсутствие термина “*sinthome*”.

Эрик Лоран: Это так!

Пауло Сикейра: Вопрос, который я хотел задать Вам, касался повторения неудач, что напомнило мне слова Беккета: «Попробуйте ещё раз. Потерпите неудачу ещё раз. Потерпите неудачу ещё лучше». Что в этой конститутивной неудаче не меняется в конце анализа?

Эрик Лоран: Благодаря двойному своему опыту — с одной стороны, современной литературы как практики «разбивания» и кромсания слов, которую Лакан постигает в «Литуратерре», с другой — его опыту психоанализа, — Беккет был хорошо информирован. Психоанализ, который он прошел у Биона, несомненно, помог ему, и у него остались приятные воспоминания об этом опыте.

Пауло Сикейра: Есть ещё персонаж Фунес у Борхеса³⁰, который не может назвать собаку, потому что в зависимости от момента, движения, собака уже не та — она двигается и так далее.

Эрик Лоран: Фунес — абсолютный номиналист; для него не существует универсального. Он исследует мир, состоящий из индивидуумов, которые поддаются описанию исключительно в своей сингулярности. Фунес живёт в своего рода бесконечной метонимии, в которой ничто никогда не подпадает под понятие: с его претензией на возможность точного наименования понятие кажется ему самой преренной вещью в мире. Вы процитировали статью, которую я написал двенадцать лет назад; когда я перечитал её, то понял, что теперь всё кажется не таким непрозрачным.

Пауло Сикейра: Что, например?

Эрик Лоран: Например, я не мог понять, как переход от бесконечной дроби к бесконечной прямой может, строго говоря, служить опорой для осмысления воз-

30) Фунес в рассказе “Funes el memorioso” [«Фунес или память»] обладает особенностью не забывать ничего из того, что он пережил. Но он не может понять, как нечто мимолетное можно назвать сегодня тем же, чем оно было вчера, если с тех пор оно обязательно изменилось.

можно завершения анализа. Очевидно, что речь не шла о том, чтобы прибегнуть к поклонению узлу, к ритуальной практике, к религиозному аспекту вещи: *это так, потому что это было передано нам, и этого достаточно, и всё, что мы должны сделать, это напустить соответствующий вид, чтобы всё устроилось*. Теперь я лучше понимаю, как трискель появляется в качестве решения; но также и то, как эффекты так называемого переворачивания (*rebroussement*) или создания синтома будут достигать высшей точки вокруг центральной эквивокации, в то же время позволяя нам сжать продукт этой эквивокации, то есть то, что действует в языке и проявляется там из точки наслаждения. Я ухватил это, но, разумеется, надолго ли? Потому что потом нам придется дополнить это, если мы захотим глубже задуматься об отсутствии отношений, об объекте маленькое **a**, поскольку он не сжимается... Всегда нужно ещё немного поломать голову. Наконец, в этот вечер я с удовольствием отметил, что Фрейд в конечном счёте прав: мы повторяем, но это не одно и то же, мы переместились за это время, вектор сместился; когда мы оборачиваемся, чтобы посмотреть на то, чем мы когда-то были, мы больше не видим череп на том же самом месте.

Мари-Элен Бланкар: Наш картель также в значительной степени опирался на Вашу статью «Имя наслаждения и повторение». Мне кажется, что имя собственное как жёсткое обозначение интересовало Лакана потому, что оно было означающим, лишённым смысла. В одной из своих статей Вы писали, что то, что фиксирует референцию, это «критерий влечения», и Вы также упоминали Леви-Стросса.

Эрик Лоран: Я не думаю, что Леви-Стросс занимался вопросом «критерия влечения», потому что это не его мир. Для него правила всегда отсылают к другим правилам, которые их объясняют, и так далее. Тем не менее, Катрин Клеман говорит о своём старом друге как о «пламени подо льдом»³¹. Когда вождь индейцев квакиутль, народа из Канады, о котором Леви-Стросс много писал, пришёл спеть в национальном костюме к нему домой, Леви-Стросс был в восторге. С другой стороны, он ничего не почувствовал, когда профессор университета, который сопровождал индейского вождя и который был раввином, принялся петь на иврите.

Но Вы совершенно правы, когда упоминаете «критерий влечения». Логика Крипке весьма необычна в своей идее, что имя отмечено встречей, показностью (*l'ostentation*). Это ни в коем случае не описание субстанции «вода», с которой мы столкнулись в данный момент; Крипке очень хорошо объясняет, что вы можете изменить её цвет, пустить в неё пузырьки и т. д., но вы всё равно знаете, что это вода. Вы даже можете продолжить изучение химии и обнаружить, что это H₂O. Но после десяти лет изучения вы понимаете, что это уже не H₂O, а что-то совсем другое. Тем не менее, она всегда остается водой, какими бы ни были изменения в её возможных описаниях, в том числе и те, что происходят в научном знании, где этот вопрос встаёт с особой остротой. В науке создаются определённые описания, которые подвержены значительным изменениям: часто бывает, что одно и то же слово через двадцать лет уже не означает того же самого. Несмотря на это, имя (*nom*) остаётся. Но почему?

Потому что именно это название будет представлено вам. Загадка этого первого раза подразумевает нечто вроде опыта влечения, контур влечения, который размыкается в этот момент. И всё, что может впоследствии измениться, все равно

31) Cf. Clément C., *Mémoire*, Paris, Stock, 2009, P. 268-269.

продолжит следовать этому контуру влечения. Если в какой-то момент вы пережили нехватку воды, если у вас был приступ обезвоживания и вода стала для вас агальматической, необходимой, ценной для выживания и т. д., вода всегда будет тем особым объектом, тем драгоценным, запретным, чудесным объектом, который останется высеченным в вашей цепи влечения.

Паскаль Перно: Сказать, что имя сохраняется во всех возможных мирах, значит, в некотором смысле, сказать, что оно сохраняется в обобщённой двусмысленности (*équivoque généralisée*).

Эрик Лоран: Это действительно интересный способ рассматривать возможные миры не как последовательные и определённые описания, а как совокупность возможных двусмысленностей. Если в конце учения Лакана и есть что-то от модальной логики, то это сила обобщённой двусмысленности, сила “L’étourdit”: она описывает мир в такой логике, что эта логика проходит через весь спектр возможных миров наслаждения, полученных в результате постоянной работы двусмысленности и её многочисленных модальностей в разных языках. В нашей ориентации семантика возможных миров заменяется семантикой двусмысленности.

Василики Грегоропулу: Не могли бы Вы сказать несколько слов об интерпретации?

Эрик Лоран: Интерпретация радикализирует эти усилия каждого индивидуума по тому, чтобы удержаться в обобщённой двусмысленности. Она позволяет использовать все возможные двусмысленности, и не только в плане перевода, как это было модно в 1950-е годы. Например, когда субъект застревает в повторении, вы переводите: «*Вы делаете это, но в действительности вы хотите добиться того-то*». Это операция перевода. Но операция перевода всегда углубляется *самой* двусмысленностью. Идея о том, что мы должны стремиться к двусмысленности, открывает гораздо более широкие регистры.

Вспомните, например, муки некоторых психоаналитиков, которые мучаются над тем, действительно ли они дали интерпретацию или это было просто то, что они называют «интервенцией». Однако то, что позволяет поддержать «усилие ответа» в режиме всеобщей двусмысленности, варьируется от загадочного жеста, переворачивающего смысл только что сказанного субъектом — эквивалентного удару палкой, смеху или шуму мастера дзен — до самых разнообразных ужимок, включая отсылки к сонетам Малларме, в зависимости от языка говорящего. В этом и заключается суть интерпретации: поддерживать обобщённую двусмысленность. Это расширяет мир. В то же время это даёт совершенно иное представление о месте, о функции и о роли психоаналитика в эпоху столпотворения языков³². Языки, как сегодня, так и в прошлом, как здесь, так и в других местах, никогда ничего не означали; речи никогда не удавалось по-настоящему обозначить. В разладе языков, столкнувшихся с невозможным *Bedeutung*, двусмысленность может занять своё место, и это очень высокая функция — если, конечно, мы сможем с ней справиться.

Адела Банд-Алькантуд: Я хотела спросить Вас о подписи, которая не связана с именем собственным, но не имеет материального звучания; это S1, знак, метка, черта, каракули, пуансон. Акт подписи придаёт юридическое значение написанному; в

32) Лакан Ж., «Функция и поле...», С. 204: «Пусть изучит получше очередной виток нескончаемой Вавилонской стройки, в которую втянула его эпоха, где ему суждено было родиться, да знает свои обязанности переводчика в столпотворении языков».

произведении искусства она является гарантией автора. Можно также сказать, что чей-то стиль имеет значение подписи. В случае с аналитиком мы говорили о его фирменном знаке, об отметине его желания, о стиле его *синтома*. Итак, подпись — это блеск имени или неименоваемого?

Эрик Лоран: Не в каждой цивилизации есть подпись. Подпись — это сложное устройство, используемое в обществах, которые пытаются определить и закрепить имя собственное с помощью определённого способа письма, который действует как мета-гарантия, своего рода пристёжка для засвидетельствования подлинного акта и т. д. Это устройство для определения места имени собственного. Однако, если бы подписи были действительно подписями, так сказать, мир был бы спокоен. Но, по просту говоря, это не так: подписи неуловимы, особенно подписи произведений искусства, которые ставят бесконечно сложные проблемы — например перед музейными хранителями. Они лежат в основе невероятной индустрии, которая повышает стоимость музеев и их акций на фондовом рынке: в один год десять Рембрандтов приписываются одному из его учеников, на следующий год ещё десять — и так далее. В этой сфере, как и в других, подпись может быстро стать очень нестабильной.

Подпись — это как назначение стиля. Стиля, который, как говорят, так уникален для каждого человека. Лакан переименовал максимум Бюффона, добавив дополнение: человек, к которому мы обращаемся³³. Это подпись того эффекта, который мы хотим получить от другого. Реальная подпись — это фантазм. Для экспертов в области криминалистики подпись преступника — это его *modus operandi*, более определённый, чем маленькая буква, о которой идёт речь. Идёт ли речь о первертном ритуале или о преступном деянии, неизменность ритуала наслаждения во время перехода к действию (*passage à l'acte*) иногда может зайти очень далеко; однако, хотя мы действительно находим что-то вроде стиля, и стиль этот выходит за пределы любых попыток придать акту точное определяющее значение. Так было с *шибболетом*, который должен был стать знаком, подписью, отличающей врагов от друзей: при пересечении границы тех, кто не произносил *шибболет* правильным образом, вычисляли и казнили. Таким образом, в языке мы находим целую систему, которая пытается справиться с апориями имени собственного с помощью процедур, которые должны быть учтены и подорваны.

Бернард Джоти: Можно ли сопоставить отрывок из «Ниспровержения субъекта...» о том, что невротика докучает его имя собственное, с отрывком из Семинара XXIII, где Лакан говорит, что Джойс с его фактическим *Verwerfung* находит своё собственное имя странным?

Эрик Лоран: Невротик обременён не только своим собственным именем, но и своим Эдипом, тем, что влечёт за собой его связь с Именем-Отца. Это мешает ему сделать себе имя по отношению к Имени-Отца. Действительно, хотя он использует Имя-Отца, он, тем не менее, ищет, как сделать себе имя. Невротик, таким образом, ориентируется с особым затруднением, он создаёт свой собственный особый язык, который не только обременён, но и, возможно, гарантирован, стабилизирован в своей общей двусмысленности Именем-Отца.

Что касается Джойса, то он оказывается в положении принципиальной странности, сторонности по отношению к своему отцу и делает себе имя из своих произведений. Это сложное имя циркулирует не между строк, а в самих словах, кромсая

33) Lacan J., «Ouverture de ce recueil», *Écrits*, op. cit., P. 9.

их. Он говорит на языке Стивена, на языке первомученика Стефана, на языке Улисса, на древнегреческом; он также говорит на иврите. В необыкновенном дроблении ему удаётся произнести слова, которые больше не образуются из языка, порождённого Именем-Отца.

Опубликовано на французском тут: Laurent Eric. "L'impossible nomination, ses semblants, son sinthome". La Cause freudienne 2011/1 (N° 77).

Перевод с французского Алексея Зайчикова.

Редактура перевода Глеба Напреенко и Дины Силкиной.

Некоторые замечания о направлении лечения в случае ординарного психоза

Жиль КАРОЗ

Лечение посредством перепоключения

В отличие от невроза и паранойи, где симптомы функционируют как прочный и стабильный узел, в отличие от шизофрении, где мы можем видеть фрагментацию *in vivo* и где вместо узла мы имеем слияние между реальным и символическим (при шизофрении символическое является реальным), в ординарном психозе мы сталкиваемся с колеблющейся клиникой, которую Жак-Ален Миллер описал как диалектическое движение между «подключением», периодами стабилизации и «отключением», моментами декомпенсации.

Если к «подключению» и «отключению» добавить термин «перепоключение», то мы получим первую ориентировку для направления лечения при ординарном психозе. Эту мысль я почерпнул из текста, изложенного Эрве Кастанье и Филиппом де Жоржем в «Антибской конвенции». Авторы подчёркивают последовательность «подключение — отключение — перепоключение». Они указывают, что, «определив, что в данный момент для субъекта является «отключённым» по отношению к Другому, ретроспективно [мы можем пролить свет] [...] на элемент, который был «подключён» для этого субъекта, что позволяет нам направить лечение в направлении возможного «перепоключения»». Таким образом, направление лечения при ординарном психозе может быть ориентировано на то, что было отключено или что рискует быть отключённым для субъекта, чтобы оценить, что позволит ему снова подключиться.

Демократическая беседа

Жак-Ален Миллер описал своего рода демократизацию Другого, присущую ординарному психозу. Имя-Отца как связующее звено между реальным, символическим и воображаемым — лишь один из симптомов среди прочих. Эта демократизация Другого обязывает нас к новым рассуждениям относительно устанавливаемой при помощи переноса связи в лечении. Субъект предположительно (*supposé*) знающий больше не может быть нашим единственным ориентиром, потому что он подразумевает веру в бессознательное, веру в эффекты истины сочленения между означающими. Но само это сочленение зависит от Имени-Отца. Вот почему в отношениях ординарного психотика с психоанализом мы не ожидаем, что субъект поверит, что то, что с ним происходит, «что-нибудь значит» в смысле бессознательного. Но это не значит, что этот субъект не хочет ничего знать, в смысле знания открытого (*exposé*), знания, которое находилось бы поверх черты вытеснения. Недосказанность, двусмысленность (*équivoque*), молчание аналитика и все другие операции, которые открывают путь к знанию на месте истины в бессознательном,

только усиливают отключение. На демократизацию Имени-Отца, на плюрализацию синтомов, обеспечивающих узел RSI, отвечает демократизация отношений между аналитиком и аналитиком, которая часто придает аналитическому сеансу демократический аспект беседы, обмена мнениями. Эта беседа происходит по-разному. В зависимости от того, где произошло отключение, она будет сосредоточена на реальном, символическом или воображаемом. Я предлагаю распределить эти способы беседы по следующим рубрикам: «Перевод и именование», «Воображаемое облачение» и «Изоляция реального».

Перевод и именование

Представление, которое мы имели до этого момента о направлении лечения психоза, имело в качестве ориентира Имя-Отца. Например, мы говорили, что для психотического субъекта стоит избегать встречи с неким Отцом (*Un-Père*, лакановская игра слов, “*Un Père*” как «некий отец» звучит так же, как “*impair*”, «нечётное», то есть элемент, не вписывающийся в воображаемую пару, — Прим. ред.), что мы должны защитить его от наслаждения Другого, что мы должны «зачеркнуть (*barrer*) Другого». Приведём ещё один пример: раньше мы поощряли некоторую дифракцию переноса между несколькими практикующими в случае паранойи (психоаналитик, психиатр, социальный работник и т. д.), чтобы смягчить развитие преследования или эротомании в отношении одной персоны. И наоборот, в случае шизофрении мы привыкли собирать перенос на одном человеке, который является уже достаточно дифрагированной и фрагментированной структурой. Мы по-прежнему используем эти рекомендации в лечении, но у нас есть и другие.

Изучение ординарного психоза привело к новым разработкам, касающимся лечения психотических субъектов. Среди наиболее важных мы находим работы Эрика Лорана, посвящённые работе по именованию и переводу наслаждения, которая подходит для лечения психотического субъекта³⁴. Отметим, что эта работа по именованию и переводу — дело каждого человека. Матема отцовской метафоры, разработанная Лаканом, сама по себе является работой по именованию и переводу наслаждения, поскольку речь идет о неизвестном, о том *x*, которое ускользает от означающего. Это действие отцовской метафоры происходит в два этапа. Прежде всего, Желание Матери (DM) именуется *x* бытия субъекта. Затем приходит Имя-Отца (NP), чтобы дать свою версию, свой перевод этого *x*. Таким образом, в случае невроза субъект в некотором смысле освобождается от этой работы по именованию и переводу, поскольку отцовская метафора делает это за него. Аналогично в парадигматическом варианте психоза, который Жак Лакан описывает в «Вопросе, предвещающем», в шреберовском психозе именно построение бредовой метафоры обеспечивает эту работу по именованию и переводу, где Имя-Отца форклюдировано.

В ординарном психозе перед субъектом стоит задача именовать наслаждение, не прибегая к этим аппаратам, ни к Имени-Отца, ни к бредовой метафоре. Именно синтом, как операция через измерение буквы в означающем, позволит ему обходиться с наслаждением. Но синтом даётся не каждому, и не всегда он уже есть. Его разработка — это результат труда. И пока его там нет, субъект сможет положиться на аналитика в этой работе по именованию и переводу, которая никогда не прекра-

34) Laurent É., *La psychose ordinaire*, op. cit., P. 339-341; “Les traitements psychanalytiques des psychoses”, Les feuillets du Courtil, N° 21, P. 7-24.

щается. Ибо, как говорит Эрик Лоран, «наслаждения не хватает в океане имён собственных»³⁵, другими словами, означающее никогда не покроем наслаждение исчерпывающим образом. Отсюда необходимость повторять эту работу *ad infinitum*, что не означает, что лечение обязательно должно быть бесконечным.

Таким образом, демократическая беседа, о которой я говорил выше, становится беседой о самом языке. Он может принимать форму обмена мнениями о диалектике между кодом и сообщением, попытки понять и определить «личное значение», загадочный или наделённый наслаждением, который определённые слова или выражения имеют для субъекта. Короче говоря, это трансформация и перевод самого интимного и личного использования языка, языка, *lalangue*, в язык общего пользования, в общий смысл социальных связей.

Пример такой беседы мы имеем в следующем случае. Это пожилой человек, с которым я встречаюсь уже более десяти лет. Единственный ребёнок во время войны, еврей по происхождению, он был помещён в католическое учреждение в возрасте девяти лет, чтобы избежать депортации и уничтожения вместе с родителями. Внезапно он оказывается лицом к лицу со священником, чью руку он должен поцеловать и кого он должен называть «отец». Почему он должен называть этого человека, который не является его отцом, «отец»? Это событие сталкивает его с загадкой и приводит в состояние замешательства. Однако явного психотического развязывания не происходит. Скорее, здесь мы имеем исходную точку фундаментального недопонимания (*malen-tendu*) между субъектом и Другим. Как он сам говорит, он не может воспринимать то, что говорится вокруг него, за чистую монету, всегда есть скрытый подтекст. Это недопонимание реализуется в теле, поскольку этот субъект плохо слышит (*malentendant*). Для него вся область наслаждения называется «недопонимание». В результате это недопонимание продолжалось в его отношениях с другими людьми на протяжении всей его жизни, заставляя его неоднократно рвать с ними связи. Он сохранил связь с религией, но связь эта непрочная, поскольку после войны он так и не смог решить, кто он — иудей или христианин. Во время сеансов становится ощутимо, насколько сложно вести с ним диалог. Его речь плывет по течению. Нет никаких следов упоминания о сексуальности. Он делает длинные обходные пути, прежде чем добраться до того, что он хочет сказать. Это, несомненно, способствует его длительной и глубокой изоляции. Действительно, этот субъект всегда жил на обочине общества, никогда не мог встроиться надолго в социальную структуру, постоянно терял работу, жил в полном одиночестве.

В выбранном направлении лечения аналитик активно ищет вместе с субъектом точки согласия, пусть даже только кажущиеся, где Другой лишается своего наслаждения. Это позволяет ввести пунктуацию в конце сеансов с помощью точки «понятно» (*“entendu”*). Один из сеансов может быть посвящён, например, расшифровке слова «Итак?», которое было произнесено аналитиком в начале сеанса. Что он имел в виду? Имел ли он в виду: «Как вы себя чувствуете»? В этом случае субъект будет чувствовать себя оскорблённым, потому что как такой человек может чувствовать себя хорошо? Хотел ли он сказать субъекту, что то, что он говорит, не имеет никаких последствий? И т. д. В конце испытуемый рассказывает об игре слов, *Witz*, которую его родители проделывали со словом «Итак», что позволяет свести это слово к бессмыслице. Когда кто-то говорил «итак», они отвечали: «Итак, итак,...

35) Ibid, P. 19.

ina-iorgistmeineissik», что на идиш означает: «В дырку мы кладём уксус». Сеанс закончился соглашением о том, что фраза «итак», произнесенная аналитиком, была лишь пустой речью. Это соглашение не об общем смысле, а об отсутствии смысла, т. е. об отсутствии наслаждения Другого.

Таким образом, во время сеансов, которые заканчиваются на точке согласия, реальное этого субъекта, а именно его бытие отбросом, отвергнутым наслаждающимся Другим, на время скрепляется — благодаря работе над буквой, с Другим символического кода. Но это подразумевает постоянную связь с аналитиком, который каждый раз оперирует этим скреплением. Именно встреча с аналитиком создаёт для этого субъекта синтом и позволяет ему поддерживать связь с миром.

Воображаемая одежда

Джойс компенсировал дефект увязывания кольца воображаемого тем, что сделал себе имя, эго, посредством своего писательства. Его решение элегантно: именно работа по именованию наслаждения посредством символического производит увязывание воображаемого с помощью эго. Согласно Лакану, это синтоматическое решение делает Джойса человеком, которому не нужно встречаться с аналитиком. В нашей повседневной клинике такое синтоматическое решение наблюдается не всегда. Чаще всего отсоединённый субъект сталкивается с реальным наслаждением, которое он не в состоянии переработать иначе, чем прикрыв воображаемой завесой. Эффект умиротворения, достигаемый таким вуалированием реального во время лечения, иногда позволяет субъекту быть более доступным для конструирования симптома. В таких случаях эта воображаемая завеса была бы эквивалентом своего рода анестезии из медицинской области.

Я приведу три примера трёх модальностей такого покрытия реального воображаемой завесой под следующими тремя названиями: «Смещение», «Нормализация» и «Воображаемая идентификация».

Смещение

Психотический субъект является жертвой реального наслаждения, которое навязывает себя ему в неприкрытой форме. Время от времени мы можем помочь ему отделиться от этого реального, сместив дискурс о наслаждении на общественную сцену здравого смысла. Бессознательная истина указывает на реальное. Вот почему мы склонны поддерживать разработку знания, «отказавшегося от подписки (*désabonné*) на истину бессознательного»³⁶.

В следующем случае беседа принимает форму рассуждения о болезни цивилизации. Этот повседневная и банальная беседа помещает в приемлемое поле дискуссию о наслаждении субъекта, которое включает в себя риск перехода к действию (*passage à l'acte*). Это позволяет субъекту накинуть вуаль на это наслаждение и удерживать риск перехода к действию на расстоянии.

Академик приходит к аналитику со страхом заболеть СПИДом или другими серьёзными заболеваниями, которыми, как он боится, заразится его жена или трое внуков. Этот конкретный страх является частью более общего страха, что «скоро может случиться что-то плохое». Его история отмечена сексуальным насилием, которому он регулярно подвергался в детстве со стороны друга его родителей —

36) Laurent É., *La psychose ordinaire*, op. cit., P. 369.

отцовской фигуры. В ходе анализа становится понятен страх, что «скоро случится что-то плохое». Пациент рассказывает аналитику о своём страхе, что он сам может прийти к сексуальному насилию над собственными детьми. Затем во время сеансов устанавливается режим беседы, который позволяет обходиться с этим вопросом, держа его на расстоянии посредством смещения. Аналитик и пациент говорят о фактах, связанных с современным тревожным недомоганием этого мира, которые создают впечатление, что «скоро случится что-то плохое»: войны, резня, насилие всех видов, безумная спешка капиталистического рынка и т. д.

Через эти беседы о проблемах, которые относятся к общественному полю, трагируются личные проблемы субъекта. Для него эта беседа устанавливает предел наслаждения, которое может привести к переходу к действию, к сексуальному акту по отношению к своим детям. Этот предел не является следствием запрета, исходящего от столбового пути Имени-Отца, как и не является следствием интерпретации бессознательного. Скорее, это операция «окапывания», которая подкапывает края наслаждения самим фактом повторяющегося снова и снова использования в обсуждении идеи о том, что «скоро случится что-то плохое».

Нормализация

В некоторых случаях ординарного психоза мы сталкиваемся со строгой и непримиримой нормальностью субъекта, чрезвычайно покорного Другому. Для других отключение начинается с глубокого чувства, что они не могут наслаждаться «как все». Работа по нормализации в таком случае является формой переподключения к Другому как месту нахождения стандарта, нормы.

В следующем примере субъект страдает от вторжения в тело «инцестуозного» наслаждения, которое не подвержено кастрации. Однако в других аспектах своей жизни этот субъект представляет клиническую картину, напоминающую истерию. Это именно то, что аналитик будет поддерживать в беседе с субъектом о воображаемых измерениях его «Эдипа». Таким образом, нерегулируемое наслаждение окажется под покровом нормы Эдипа.

Женщина африканского происхождения, художница, приходит на приём к аналитику, потому что не может стабилизировать свои отношения. В начале анализа её вопросы звучат психо-социо-конвенционально: «Я не могу взять на себя обязательства». «Хотела бы я, чтобы он стал отцом моих детей»? «Почему я не замужем, как все женщины моего возраста»? и т.д. С другой стороны, её любовь к отцу, который умер несколько лет назад, продолжает вторгаться в отношения с её партнёром вплоть до того, что гасит желание. Это происходит самым конкретным образом, потому что часто, когда она занимается с ним любовью, ей кажется, что она занимается любовью со своим отцом.

Интерпретации, направленные на производство истины бессознательного, не оказывают никакого влияния на эту анализантку. С другой стороны, она просит аналитика объяснить, что с ней происходит, говоря: «Когда вы мне все объясняете, мне становится намного легче». Между ней и аналитиком устанавливается режим беседы, который ведётся вокруг псевдоэдиповых координат её жизни. Она говорит о своем соперничестве с матерью, о своей вине в разлуке между родителями, о трагедии по отцу, который она не совершила, о возможной сцене соблазнения со стороны отца, в которой она не уверена. Беседа о её «Эдипе» снижает тревогу, связанную с этой темой, поскольку подтверждает и закрепляет истерическую форму, которую

она придает своему наслаждению, наслаждению, которое задевает её тело без посредничества фаллоса.

Со временем эта беседа, которая облакает наслаждение, переводит его в приемлемые термины, позволяет локализовать инцестуозное наслаждение, вторгающееся в тело. Я ещё вернусь к этому вопросу.

Воображаемая идентификация

Воображаемая идентификация — это более классическое решение, которое мы также встречаем в традиционных психозах.

Это точка идентификации порядка мании величия, которая противостоит глубокому чувству отключённого субъекта, что он является отвергнутым отбросом Другого.

Вышеупомянутый субъект, страдающий от «недопонимания», очень сдержанно свидетельствует об элементах такой мании величия, которая возникает в ответ на ощущение того, что он плохой, потому что его спасли от расправы. Он признается своему аналитику, что иногда задумывается, не спасся ли он потому, что у него есть миссия в этом мире, и не может ли он быть мессией. Эта незаметная и воображаемая идентификация с мессией также является для субъекта способом облачить своё бытие отброса. Она появляется только однажды в анализе и не сопровождается последовательной бредовой проработкой. Аналитик принимает это свидетельство без каких-либо дополнений.

Изоляция реального

При отсутствии фундаментального фантазма, размещающего объект в Другом³⁷, психотический субъект остаётся с «объектом в кармане», как выразился Лакан. Поскольку наслаждение находится на его стороне, оно может вторгнуться в тело, что приведет к появлению телесных феноменов. Оно также может вторгаться в означающие и в этом случае приводит к нарушениям языка или мышления. Попробуем сказать то же самое, используя Борромеев узел. Чтобы три регистра завязались в узел, они должны быть сначала отделены, разделены, изолированы. Итак, феномены тела и языка в обычном психозе сталкивают нас по случаю не с увязыванием реального как регистра, отличного от двух других регистров, а с реальным, которое вторгается и которое сливается с двумя другими регистрами. С другой стороны, есть случаи, когда реальное может быть полностью отделено от двух других регистров. В этих случаях, когда реальное не может быть названо и переведено посредством символического или покрыто воображаемой вуалью, мы сталкиваемся с риском перехода к действию (*passage à l'acte*).

Я предлагаю три случая для иллюстрации трёх возможных операций по отношению к этим проявлениям реального: «Извлечение наслаждения», «Локализация наслаждения» и «Выработка знания дела (*savoir-faire*)».

Извлечение наслаждения

В следующем случае означающее наделяется наслаждением, а воображаемое тело остается вне всякой связи. Беседа извлекает у субъекта аутистическое на-

37) Ceci a été mentionné par Jean-Claude Maleval, “Eléments pour une appréhension clinique de la psychose ordinaire”, Séminaire de la Découverte freudienne : Psychose et lien social, Toulouse, 18-19 janvier 2003, inédit.

слаждение, которое не было бы извлечено без встречи с аналитиком. Это социально встроенный мужчина, имеющий жену, четверых детей и обычную работу. Он жалуется на чрезмерную склонность к перееданию, что приводит к избыточному весу, но прежде всего на слова, которые «заполняют его голову» и с которыми он не знает, что делать. На первом сеансе аналитик просто задает вопрос: «Какие слова»? С тех пор он каждую неделю приходит на встречу с аналитиком и, похоже, отвечает на этот первоначальный вопрос. Сеанс всегда начинается одинаково: «Я буду говорить о слове х». И из этого слова разворачивается речь, которая является настоящими свободными ассоциациями. Когда я говорю о подлинных свободных ассоциациях, я имею в виду, что место акта высказывания тут сведено к нулю. Именно законы языка, в частности метонимия, ведут этого субъекта от одного слова к другому, без того, чтобы эта метонимия была наделена точкой пристёжки, или ориентирована субъектом, без узнаваемого повторения определенного означающего, без обращения к смыслу или извлечения истины задним числом. Сеанс может быть прерван в любой момент, в любом случае прерывание не имеет интерпретирующего эффекта.

Эта работа ведётся уже много лет. Он говорит, что сеансы необходимы для него. Действительно, кажется, что они избавляют его от слов, которые роятся в его голове. Однако за пределами сеанса он продолжает жить своей обычной жизнью. Обратите внимание, что эти бессмысленные слова не являются галлюцинациями. Они не погружены в реальное, как голоса, звучащие извне. Но произнося их и артикулируя во всех их языковых связях, субъекту удаётся вывести вовне и поместить в Другого то наслаждение, которое несут эти роящиеся слова. Таким образом, аналитик служит выпускным отверстием, дополнительным органом вне тела, позволяющим пациенту опорочить наслаждение, которое вторгается в его голову. Это и есть всё лечение. Более того, если аналитик хочет сделать что-то другое, например, всего лишь спросить у субъекта, как он поживает, ответ будет катастрофическим. В этом случае субъект описывает разложение своего тела, свидетельствуя тем самым об отключении воображаемого регистра. Помимо этой позиции депозитария наслаждения слов, аналитик не должен реагировать или интересоваться тем, что говорит субъект. Здесь нечего понимать, потому что смысл взывает к воображаемому, которое не работает и оказывает пагубное влияние на этого субъекта.

Локализация наслаждения

В случае с упомянутой выше художницей африканского происхождения, лечение которой было направлено на нормализацию через псевдоистерия, аналитическая работа позволила локализовать «инцестуозное наслаждение», которое вторгалось в её тело. Жалоба женщины, напомним, состояла в том, что в её отношения вторглось ощущение присутствия отца до такой степени, что когда она занималась любовью со своим парнем, ей казалось, что она занимается любовью со своим отцом.

После многих поворотов в анализе ей удастся выделить то, что она не выносит в своем партнере: определённую вибрацию в его голосе. Она связывает это расстройство с чувствительностью к голосу, которая появилась у нее еще в детстве. Её родители разошлись, когда она была еще ребёнком. Она вспоминает хрип своего отца, которое она слышала через стену во время секса между ним и её матерью. Она помнит особый звук, который издавал её отец, когда она спала с ним в одной комнате в его маленькой квартире. Но эта истина не оказывает успокаивающего воздействия

на субъекта. Напротив, во время сеансов, когда она говорит о своей незавершённой скорби по отцу, она чувствует сексуальное возбуждение в своём теле, которое, по её словам, связано с отцом. Инцестуозное наслаждение. Это невыносимо для неё.

Со временем описанная мной беседа, та, которая облекает наслаждение, переводит его в приемлемые термины, позволяет локализовать это наслаждение, которое вторгается в тело, в объекте-голосе, который предстаёт перед ней в почти диссоциативной странности. Ей начинает казаться, что её собственный голос хриплый и все это замечают. У нее развивается враждебность к этому: «голос ведьмы вырывается из моего горла». Она постоянно думает об этом.

С тех пор она жила двойной жизнью. Анализ является местом болезненного спора, который она ведёт с уверенностью, что у неё хриплый голос. Голос, который она считает позорным клеймом, памятником присутствию отца, который всё ещё слишком жив. Но вне анализа она ведёт истероподобную жизнь со своим партнёром. Супружескую жизнь со всеми её превратностями. После нескольких долгих месяцев обсуждения этого голоса она решила прекратить анализ. Когда она уходит, она вполне сознаёт своё положение. Она знает, что этот голос будет продолжать преследовать её, что будут взлёты и падения, но она считает, что может жить с этим локализованным наслаждением и что она не может сделать лучше.

Выработка знания дела (*savoir-faire*)

Следует помнить, что переход к действию (*passage à l'acte*), в отличие от отыгрывания (*acting-out*), является формой распада социальной связи, распада дискурса, и поэтому не поддается интерпретации. В этой перспективе мы должны учитывать, что при ординарном психозе, где с самого начала существует неустойчивое отношение к дискурсу, иногда может возникать значительный риск перехода к действию. В таком случае, если переход к действию не поддается интерпретации, Эрик Лоран говорит нам, что он сам по себе может быть интерпретацией наслаждения. Скажем, в отсутствие дискурса субъект рискует перевести свое бытие отбросом в переход к действию, в результате которого он выпадает из социальной связи.

Наряду с «ординарными» убийцами, беглецами, становящимися бездомными, наркопотребителями, оказывающимися в тюрьме, у нас есть субъекты, обладающие регулярной и незаметной тенденцией к переходу к действию, которая приводит их в тупик. Мы уже видели в предыдущем случае, как переход к действию удерживается на расстоянии с помощью операции смещения, которая заключается в том, что мы говорим о том, «что, вероятно, произойдёт», немного на другой манер. Другим способом избежать перехода к действию (*passage à l'acte*) может быть примирение субъекта с Другим.

Пожилой человек, скитавшийся много лет после войны, попал в ассоциацию в Брюсселе, которая предложила ему бесплатное жилье в обмен на работу. Он приходит к аналитику в момент колебаний, когда собирается покинуть ассоциацию из-за разногласий с некоторыми ее членами. Аналитик разубеждает его, так что впервые в жизни тот встраивается и остается на месте. Это продолжается уже десять лет. Но время от времени, когда разногласия с членами ассоциации достигает определенного пароксизма, он всё же подумывает о выходе из неё и тем самым о реализации своего бытия отброса, отвергнутого всеми, рискуя оказаться вне всяких социальных связей. В эти моменты аналитик вместе с субъектом обращается к точке разногласий, с которой он столкнулся в своих отношениях с Другим, пытаясь найти

возможное примирение с этим Другим. Затем рассматриваются очень практические вопросы. «Действительно ли это замечание, сделанное в ваш адрес, оскорбительно»? «И если да, то является ли это причиной пожертвовать ассоциацией как местом для жизни»? «Действительно ли телефонист, который забыл передать вам сообщение, является злонамеренным»? И т. д. Это беседа, которая расшифровывает Другого и позволяет выработать знание, основанное на прагматике отношений с другим. До тех пор эта выработка знания позволяла субъекту оставаться связанным с ассоциацией и избегать перехода к действию, который заставил бы его выпасть со сцены социальной связи.

Синтом не подлежит лечению

Серия «подключение — отключение — переподключение» относится к клинике борромеева узла. Следует отметить, что мы не говорим здесь о невротическом симптоме как о передающем послание истины бессознательного так же, как это делают образования бессознательного. Мы говорим о синтоме в той мере, в какой он обеспечивает, что реальное, символическое и воображаемое удерживаются вместе. Действительно, если обратиться к указаниям Лакана относительно борромеева узла, то именно к синтому мы должны вести лечение отключённых субъектов. Ориентация лечения в этом смысле обратна ориентации лечения невротика. В случае с невротиком лечение направлено на очищение существующего симптома. В психозе речь идёт скорее о создании синтома там, где его нет, и об отказе лечить синтом и даже укреплении этого синтома там, где он есть.

На примере женщины, которой удалось разместить наслаждение, вторгающееся в её тело, в хриплом голосе, мы видим результат работы по конструированию синтома. Этот голос имеет статус буквы, то измерение означающего, которое прикрепляет друг к другу «инцестуозное наслаждение», связанное с отцом, и измерение тела субъекта.

Другим примером синтома, который не подлежит лечению, является человек, страдающий от страха, что «скоро случится что-то плохое», и который в детстве подвергся сексуальным прикосновениям со стороны взрослого. Напомню, что когда он приходит к аналитику, то жалуется на страх заразиться СПИДом или другими серьезными заболеваниями. В своём рассказе он выделяет решающий момент в возникновении своих тревог, имевший место в возрасте семи лет. Однажды вечером он сказал родителям, что чувствует, что его сознание отделилось от тела. Они не восприняли это всерьёз. Чувствуя свою вину в том, что он не может противостоять прикосновениям друга своих родителей, он объясняет тот факт, что может вынести это, способностью своего сознания покидать тело. Он не был в своём теле, когда это произошло. Более того, он может сказать, что его ипохондрический страх заразиться СПИДом, хотя и обременительный, позволяет ему «привязать своё сознание к телу». Это измышление, таким образом, является синтомом, который связывает мысль как сознание с телом и его наслаждением. С тех пор как он рассказал об этом аналитику, его тревоги значительно уменьшились. Он вновь обрёл определенную радость в жизни, сексуальное удовольствие с женой и удовлетворение от своей работы. При этом он не избавляется от страха быть зараженным.

Существует поразительная аналогия между отсутствием его тела в момент сексуальных прикосновений в детстве и эпизодом, описанным Джойсом в «Портрете

художника»³⁸, когда, будучи избитым своими друзьями, тот не чувствовал гнева, аффекта тела.

В обоих случаях, у Джойса и у нашего субъекта, имеет место дефект нарциссизма, в результате которого образ тела отделяется от «идеи себя как тела»³⁹. У Джойса образ «улетучивается», а вместе с ним и аффект гнева. В нашем случае образ улетучивается вместе с наслаждением, навязанным прикосновениями. Именно благодаря страху заразиться субъект может затем восстановить отношения со своим телом. В этом смысле страх перед болезнью является эквивалентом письма у Джойса, то есть компенсирует дефект узла. Как мы уже упоминали, для Жака Лакана Джойс не нуждается в анализе. Таким же образом мы можем сказать, что синтом нашего субъекта — это синтом, который не подлежит анализу и не подлежит лечению. Речь идёт скорее о том, чтобы попытаться примирить этого субъекта с этим синтомом. Именно это мы и делаем.

В беседах с аналитиком субъект задаётся вопросом, является ли это остаточное страдание только его уделом или таков удел человеческий — не иметь безупречного счастья. Он склоняется ко второму варианту. Аналитик поддерживает этот путь, чтобы помочь вписать его страдания в рамки человеческой участи.

Присутствие аналитика

Я начал свое выступление с замечаний, касающихся переноса в ординарном психозе, с указаний на способ связи с субъектом с ординарным психозом, который основан на демократической беседе, а не на предположительно знающем субъекте бессознательного. Кроме того, я упомянул о важности выработки открытого знания, а не бессознательного знания на месте истины. Эти замечания относятся к тому измерению переноса, которое касается знания. Но мы знаем, что когда мы говорим о переносе, есть второе измерение, которое не следует упускать из виду: присутствие аналитика. На этой теме я закончу свою речь.

В неврозе присутствие аналитика воплощает для субъекта то, что не может сказаться, — измерение влечения⁴⁰. Отсюда требование присутствия тел двух партнёров аналитического диспозитива. В случаях ординарного психоза это требование не теряет своей актуальности. Из только что приведённых мною и других случаев мы можем вывести ряд функций, которые присутствие аналитика может иметь для субъекта в ординарном психозе.

Для субъекта, отключённого от дискурса, присутствие аналитика может быть единственным социальным звеном, которое связывает его с человечеством. Для субъекта, чьё тело постоянно разваливается, аналитик был бы зеркалом, средством сборки его тела. Для субъекта, страдающего от избытка наслаждения объектом, который находится «в его кармане», присутствие аналитика обеспечивает депозитарий, своего рода дополнительный орган, который позволяет наслаждению конденсироваться вне тела.

Список, вероятно, можно продолжить.

Возможно, что в ординарном психозе более, чем в любой другой категории,

38) Joyce J., Portrait de l'artiste en jeune homme, Edition de Jacques Aubert, Gallimard, 1992. P. 139-140.

39) Lacan J., Le Séminaire, livre xxm, Le sinthome [1975-1976], texte établi par Jacques-Alain Miller, Paris, Seuil, coll. Champ freudien, 2005, P. 150

40) Lysy-Stevens A., "Transfert et Psychose", Mental, 19, mai 2007, P. 183-200.

функция аналитика как многофункционального объекта является наиболее прикладной⁴¹. Можем ли мы принять тот факт, что в целом ряду случаев то, что говорится на сеансе, гораздо менее важно, чем присутствие аналитика? Иногда тем, что действительно работает, является сам факт встречи с аналитиком, сам факт того, что он или она является воплощённой точкой обращения, то есть присутствием? Можем ли мы позволить субъекту использовать нас таким образом? На этом я заканчиваю свое выступление.

Опубликовано на французском тут: Caroz Gil, "Quelques remarques sur la direction de la cure dans la psychose ordinaire", Quarto N°94-95, 2009.

Перевод с французского Александра Силкина.

Редактура перевода Глеба Напреенко.

41) Miller J-A., "Les contre-indications au traitement psychanalytique", Mental, 5, juillet 1998, P. 9-17.

'N'homme'⁴², акт высказывания (*dire*) от Лакана до Джима Моррисона

Софи МАРРЕ-МАЛЬВАЛЬ

Термин «именование» обретает полный вес в последнем учении Лакана, когда он сводит функцию отца к S1. То, что было ранее отведено отцу, будет отныне связано с самой функцией означивания и с тем, что говорящее существо, *parlêtre*, приводит в действие в одиночку. Именование — это задействие акта высказывания (*dire*), посредством которого элементы структуры завязываются в узел. Борромеево свойство узла, в свою очередь, зависит от скрепления (*agrafe*) смысла и наслаждения, функция которого приписана фаллосу, поставленному в зависимость от S1. Я предлагаю пройти по Семинарам “R.S.I.”⁴³ и “Le Sinthome”⁴⁴, чтобы понять, что происходит с Именем-Отца в самом последнем учении Лакана и проиллюстрировать функцию именования тем, что мне удалось выяснить об уникальной субъективной позиции Джима Моррисона.

Скрепление и именование

Начиная с “R.S.I.” отец постепенно сводится к функции скрепления, именования реального, с одной стороны, и увязывания трёх измерений (R.S.I.) – с другой. «Бог — это не-всё» или «дыра как таковая»⁴⁵, — утверждает Лакан в начале “R.S.I.”. Отец сводится к S(A), к означивающему, которого не хватает в Другом, чтобы назвать (*dire*) Женщину с большой буквы, *La Femme*. В последующем сеансе он продолжает: «Бог есть ни что иное, как то, что делает так, что, исходя из языка, отношения между наделёнными полом существами не могут быть установлены»⁴⁶, снова относя его к S(A).

Отсюда Лакан задаётся вопросом, что увязывает три измерения вместе, что управляет принципом завязывания узлов? Он отмечает, что Фрейд сделал из психической реальности, то есть Эдипова комплекса, способ завязывания узлов⁴⁷. В то же время Лакан по-новому его интерпретирует, подчёркивая, что оператором является не столько отец кастрации, сколько сам комплекс. Тем же движением он сведёт Имя-Отца к функции симптома, которую он положит в основание увязывания.

Он отмечает, что чтобы мыслить борромеево увязывание, нужно думать о трёх самостоятельных измерениях, а также о том, что связывает их вместе. Он указывает, что для того, чтобы связать три круга, необходим четвёртый, Имя-Отца (которое приходит на смену фрейдовской психической реальности). Однако оно не является

42) Игра слов на французском – *nommer*, именовать, и *homme*, человек. – Прим. пер.

43) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Ornicar?, no 2 à 5, 1974-1975. – Здесь и далее прим. автора из оригинального французского текста, если не указано иначе.

44) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome. Texte établi par J.-A. Miller. Paris: Seuil, 2005.

45) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 10 décembre 1974, Ornicar?, no 2, mars 1975, op.cit., P. 98.

46) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 17 décembre 1974, Ornicar?, no 2, op.cit., P. 103.

47) Cf. Ibid.

необходимым условием, его можно плюрализировать. Он приравнивает его к замещению, подчёркивая, что «то, что это замещение не является необходимым, не означает, что оно не имеет места»⁴⁸. Он ещё раз подчёркивает его неосновательность (*inconsistance*), но затем раскрывает его функцию именования. Он описывает эти три измерения как Имена-Отца, поскольку они являются буквами. «Это первичные имена, поскольку они что-то именуют»⁴⁹. Таким образом, он связывает функцию Имени-Отца с функцией буквы, которая становится тесно связанной с понятием именования. Буква обозначает край между символическим и реальным, именование определяет скрепление S1 и объекта *a*.

Он вспоминает книгу Бытия, чтобы подчеркнуть, что именование «открывает измерение того, что мы называем вещами, которые берут свою основу только из реального»⁵⁰. Бог, называя вещь, заставляет её существовать как реальную, но так как Лакан показал, что Другого не существует, божественная функция именования относится теперь к S1, означающему, посредством которого субъект идентифицирует себя в поле языка, в его измерении буквы, связи с наслаждением субъекта. Чтобы ухватить, что такое именование, обратимся к «Бытию»:

«1 В начале сотворил Бог небо и землю.

2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4 И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы

5 И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один ⁵¹.

Бог именует и тем самым творит вещь как реальную, затем он вводит второе именование — различающий и разделяющий принцип между светом и тьмой. Книга Бытия подчёркивает измерение именования, а также различения, на котором покоится язык. Более того, в «Бытии» Бог создаёт человека, и затем этот человек даёт имена вещам.

«7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

8 И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

[...]

15 И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

[...]

18 И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19 Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20 И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

48) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 11 février 1975, Ornicar?, no 4, septembre 1975, op.cit., p. 99.

49) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 11 mars 1975, Ornicar?, no 5, décembre 1975, op.cit., p. 17.

50) Ibid.

51) Бытие. Глава 1. Синодальный перевод. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/>

21 И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

22 И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел е к человеку.

23 И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

24 Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

25 И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились»⁵².

Отметим, что имя женщине даёт мужчина. Библейский текст показывает, что Бог полагает фаллос символом полового различия, которым назван Другой пол. Он не сёт в себе интуитивное представление о несуществовании сексуальных отношений, о том факте, что фаллос является единственным означающим различия полов. Эта интуиция обнаруживается и в том, что существование Другого пола зависит не от конкретного именованя, а от операции извлечения в реальном (ребро Адама).

Затем Лакан ставит вопрос об именовании, основываясь на различии между функцией Имени-Отца и функцией фаллоса. Начиная с Семинара V⁵³ «Образования бессознательного» фаллос — это имя, введённое отцом, функция которого — называть наслаждение матери. Лакан подчеркивает в “R.S.I.”, что мы верим именно в фаллос как имя. Таким образом, добавляет он, назвать — значит произвести прибавочное наслаждение, основу веры, которая привязана к идеальной точке — фаллосу. Это следует понимать в связи с тем, на что Лакан указывает в предыдущем сеансе семинара, а именно: верить в это означает верить в то, что «это пишется», что «это что-то значит». Фаллос — это означающее вне смысла (которое лишь обозначает нехватку), но которое здесь именуется прибавочное наслаждение. Он именуется реальное, и сам он, подчёркивает Лакан, реален, «это реальное, прежде всего как то, что подвергается элизии»⁵⁴. Он вне-существует, но это не то же самое, что вне-существование реального, фаллос производит реальное как вне-существование, как наслаждение, называя его (он обозначает то, чего не существует, и производит, называя его, прибавочное наслаждение)

Кроме того, Лакан указывает, что фаллос «наделяет воображаемое телом»⁵⁵. Борромеева логика больше не требует идеала и веры, а именованя и «наделения телом. Он подводит к стадии зеркала, к детскому ликованию перед единством образа, которого нет у животных и которое Лакан здесь более точно связывает с элизией фаллоса. Фаллос придаёт тело, поддерживает единство образа и производит прибавочное наслаждение, ликование; но он сам по себе реален, вне образа (символическое переходит в S1, Лакан говорит, что именно его элизия в зеркале делает фаллос реальным). Именно так мы должны понимать, что фаллос «это реальное, прежде всего как в качестве того, что подвергается элизии»⁵⁶ и что функция соединения символического и реального соотносится через фаллос с воображаемым (с телом).

Таким образом, именоване, скрепление между символическим и реальным,

52) Бытие. Глава 2. Синодальный перевод. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/2/>

53) Лакан Ж. Семинары. Книга V: Образования бессознательного. Текст, подготовленный Ж.-А. Миллером. Пер. с фр. А. Черноглазов. М.: Гнозис — Логос, 2002

54) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 11 mars 1975, Ornicar?, no 5, op. cit., P. 18.

55) Ibid., P. 17.

56) Идея в том, что это означающее, которое циркулирует между означающими как реальное. — Комментарий автора в ответ на вопрос переводчиков.

включающее в себя также воображаемое, принципиально для завязывания узлов. В этом участвует фаллос, зависящий от Имени-Отца, которое Лакан квалифицирует как имя-имени («тот, кто научил говорящее существо давать имя каждой вещи»⁵⁷). Он различает имя (фаллос) и имя-имени. Именно в этом смысле отец поддерживает функцию борромеева увязывания. Лакан пойд\т еще дальше в исследовании вопроса о фаллосе в "Le Sinthome", чтобы подчеркнуть вопрос об S1, он подтвердит, что второго именованного не существует (мы к этому ещё вернемся).

В "R.S.I." Лакан продолжает выявлять следствия произведённой им редукции Имени-Отца к Одному, к S1, начатой ещё в «...ou pire»⁵⁸. «Бессознательное [...] обустраивает реальное»⁵⁹ говорящего существа, «оно называет вещи для говорящего существа»⁶⁰, уточняет он, связывая бессознательное с функцией S1, а также «с Богом», который, как указывает Лакан, является изобретением по-крайней-мере-Одного. По существу, он поддерживает Одно и позволяет людям не оставаться в одиночестве (то есть совсем-одним, обозначенным функцией S1 как субъекты).

Лакан противопоставляет паразитирование языка, которое зависит от именованного (т. е. от действия Одного, S1), и блаблабла, коммуникацию (т. е. смысл, который опирается на сочленение S1-S2). Именование, как он указывает, «это то, где болтовня увязывается с чем-то реальным»⁶¹. Затем он ставит под сомнение связь именованного с необходимостью, указывая, что именование требует третьей стороны, то есть платоновской Идеи, которую он помещает в регистр воображаемого. Платон заметил, что «без Идеи не было бы никакой возможности, чтобы слова клеились к вещи»⁶². Здесь мы вновь видим, как Лакан пытается понять «увязывание» через функцию именованного. Более того, он ищет то, что обеспечивает скрепление, и ставит под сомнение функцию фаллоса в этом смысле (которая здесь, как мне кажется, находится на стороне воображаемого, платоновской Идеи; ранее помещаемой Лаканом на стороне символического).

Лакан ищет и уточняет функцию скрепления, сочленения, обеспечиваемого именованном, в Семинаре "Le Sinthome". В "R.S.I." он заключает, что «Имя-Отца есть не что иное, как этот узел»⁶³, и приписывает ему функцию увязывания, дара имени, имени-имени⁶⁴. Оно сводится к функции именованного, которая скрепляет реальное с символическим и, следовательно, необходимым образом увязывается с воображаемым. Это эквивалентно реальному заземлению, затягивания ⁶⁵ [узлов — Прим. ред.].

N'hotmer (именовать)

Для более полного понимания связи между именованном и функцией увязывания Лакан уточняет: «Именовать, что вы могли бы написать как *n'hotmer*⁶⁶, именовать —

57) Ibid., P. 20.

58) Lacan J. Le Séminaire. Livre XIX: ...ou pire. Texte établi par J.-A. Miller. Paris: Seuil, 2011.

59) Lacan J. Le Séminaire: Livre XXII: R.S.I. Leçon du 11 mars 1975, Ornicar?, no 5, op. cit., P. 19.

60) Ibid., P. 19.

61) Ibid.

62) Ibid.

63) Ibid., P.21.

64) Cf. Ibid., P. 20.

65) Cf. Lacan J. Le Séminaire: Livre XXII. R.S.I. Leçon du 18 mars 1975. Ornicar?, no 5, op. cit., P. 30.

66) То есть установление S1, читай фаллоса (два термина, которые Лакан в конечном счёте сближает, а в некоторых аспектах и отождествляет), это то, что делает человека человеком.

это акт, акт добавления сказ-мерения»⁶⁷. Он играет на экивоке между измерением (*dimension*) и *dit-mension*, сказ(*dit*)-мерением, сказыванием. Другими словами, именовать — значит добавить четвёртое измерение, измерение увязывания, путем добавления сказ-мерения; то есть действием говорения, S1, продуктом которого является сказанное, это сказ-мерение. Именование зависит уже не от Другого, а от самого субъекта. Именно в акте позиционирования себя как говорящего существа, именования, приведения в действие высказывания, S1, субъекту приходится иметь дело с тремя измерениями RSI, увязанными особым образом для каждого человека. Итак, каждому свой узел и его увязывание. Это измерение, которое Лакан ещё раз подчеркнёт в Семинаре “Le Sinthome”: оно также подразумевает, что об узле можно говорить для любого субъекта, независимо от того, борромеев он или нет.

S1 обозначает говорящее существо как чистое различие. Оно заставляет его существовать как одного, и приведение его в действие заставляет возникнуть Вещь как реальное, объект-причину желания, которая повелевает его наслаждением и вокруг которой вращаются господские означающие.

Таким образом, узел будет борромеевым, когда наслаждение и означающее скреплены вместе, но не будет, если отсутствует эта функция скрепления. Когда субъект переходит на сторону идентификации с объектом, оказывается затронута именно сама функция означивания S1, в связи с отсутствием фаллической функции, которая касается сопряжения наслаждения и функции речи, так, как это определяет Лакан в Семинаре “Le Sinthome”.

Лакан добавляет, чтобы не возникало недопонимания относительно вопроса об Имени-Отца как имени-имени: «Если и существует реальный Другой, то только в самом узле, а не где-то ещё, и именно поэтому у Другого нет Другого»⁶⁸. Четвертое измерение, измерение увязывания, является результатом действия функции S1, к которому сводится реальный Другой, отец.

В последнем учении S1 занимает ключевое место. Оно оказывается поддерживающим несколько функций, которые могут пересекаться или же нет. В одно и то же время это означающее, несущее идентификацию, сведённую к единичной черте, к возможности быть посчитанным как одно, быть идентичным самому себе только в одном этом отношении. Кроме того, у него есть функция буквы, поскольку воздействие языка, установление говорящего существа (*parlêtre*) сопровождается потерей объекта (слово — это «убийство вещи»⁶⁹); оно заставляет появиться Вещь как реальное, согласно функции именования, но в этом отношении оно выполняет функцию края скрепления реального. Наконец, эта функция скрепления позволяет увязать три измерения; и в этом она коррелирует с функцией фаллоса.

Тогда вопрос об отце разделяется между:

– несуществованием Другого гарантии, Другого Другого. Он связан с S(A), с дырой в символическом, с Другим полом (из-за отсутствия означающего Женщины, *La Femme*);

– функцией S1, именования. Лакан делает это посредством демонстрации, основанной на логике Фреге, согласно которой 1 именуется 0, основание числового ряда.

Иными словами, эта дыра в Другом и является основанием, которое определяет

67) Ibid., P. 35.

68) Ibid.

69) Lacan J. *Fonction et champ de la parole et du langage* (1953). *Écrits*. Paris: Seuil, 1966. P. 319.

существование говорящего существа, что можно понять по специфике человеческого языка, основанного на означающем, а не на знаке, из-за способности означающего указывать на вещь в её отсутствии. Функция фаллоса в её первоначальном аспекте — именовать то, чего не хватает в Другом, именовать его нехватку, происходит именно из этой особенности означающего. «Мой дискурс основан на дыре»⁷⁰, — отмечает Лакан. «Имя-Отца означает, что в борромеевом узле может быть бесконечное количество колец. Ключевой момент состоит в том, что все основано на одном, на одном как дыре, которая сообщает свою консистентность (*consistance*) всем остальным, потому что чтобы была дыра, должна быть и консистентность»⁷¹.

Наконец, отметим, что понятие Имя-Отца стало обозначать функцию имени, именование реального. Поэтому можно сказать, что Реальное, Символическое и Воображаемое — это Имена-Отца, они именуют реальное. Это буквы, которые обозначают реальное, реальное этих трёх основных измерений. Таким образом, остаётся неопределенность между двумя типами именования: теми, которые связывают, и теми, которые просто скрепляют.

Лакан разрабатывает в "R.S.I." то, что он в последующем семинаре будет обозначать под названием синтом (*sinthome*): функция отца, сведённая к симптому как именованию реального и увязывания трёх измерений. «Имя-Отца — это S1, которое позволяет вам производить смысл вкупе с наслаждением»⁷², — отмечает Жак-Ален Миллер. Отказ от логической модели приносит в жертву понятие могущества Отца: «Имя-Отца [замечает Лакан в Семинаре «Le Sinthome»] в конечном счёте есть нечто лёгкое»⁷³. Его лёгкость также является залогом его удобства в обращении, поскольку мы можем заменить его другим элементом, что в некоторых случаях может заместить (*surpléer*) контингентный дефект увязывания.

Пересмотр божественного творения

Фактически Лакан стремится поставить под сомнение отцовскую функцию в Семинаре "Le Sinthome", редуцировать и уточнить её в её функции увязывания. В то же время он исследует функцию фаллоса, уменьшая место, отведенное кастрации. Напомним, что термин "*sinthome*" — это старое написание слова «симптом». Лакан играет на двусмысленном звучании во французском слов "*saint homme*", «святой человек», чтобы подчеркнуть сведение отца к симптому (*symptôme*) то есть к установлению связи между господским означающим и объектом а, который он обозначает, используя термин «именование», чтобы увязать элементы структуры.

Лакан открывает семинар утверждением, что «в Творении, называемом божественным только потому, что оно отсылает к именованию, бактерии не имеют имени»⁷⁴. Бог потешается⁷⁵ над человеком, который даёт имена живым тварям⁷⁶, но не бактериям.

Отцовскую функцию он соотносит с именованием, сведённым к «потехе», и под-

70) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXII: R.S.I. Leçon du 15 avril 1975, Ornicar ?, no 5, op.cit., P. 53.

71) Ibid., P. 54.

72) Miller J.-A. Cours d'orientation Lacanienne. Pièces détachées. Лекция, прочитанная в рамках курса в департаменте психоанализа Университета Париж 8, лекция от 19 января 2005 года, не опубликовано.

73) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome. Texte établi par J.-A. Miller. Op. cit., P. 121.

74) Ibid., P. 13.

75) Cf. Ibid.

76) Cf. Ibid.

чёркивает, что остаётся нечто безымянное, нечто «без имени». Бог называет человека: первое именование; и оставляет последнему право давать имена существам: второе именование, которое Лакан ранее связывал с функцией фаллоса. Он отмечает: «От этой первой чепухи у нас есть только след, позволяющий заключить, что Адам [...] был мадам, согласно шутке Джойса»⁷⁷, играя на омофонической, и даже палиндромной, близости между Адамом и мадам на английском языке.

Фаллос является результатом первого именования (действия S1), он его след, но Лакан указывает в то же время, что фаллос не весит много. Адам — Мадам. Фаллос появляется в связи с нехваткой в Другом, он является тем означающим, которого не хватает Другому, здесь — Другому полу, тому, которого не существует, в том смысле, что в Другом отсутствует означающее, чтобы сказать Женщина, *La Femme*. Фаллос именуется дыру. Лакан отмечает, что Адам называет «живых тварей» только на языке той, которую я назову *Ève*⁷⁸, указывая на то, что на иврите *Ève* означает «мать живых»⁷⁹. Другими словами, он подчеркивает несуществование Другого, то есть *S(A)*, из которого возникает именование S1, с которым соотносится фаллос. Фаллос — в каком-то смысле женское изобретение, он именуется дыру в Другом. Первое, что делает Ева, — это использует язык, чтобы поговорить со Змеем. «Таким образом, так называемое божественное Творение удваивается благодаря болтовне говорящего существа (*parlêtre*), как я его назвал, посредством которой *Ève* делает, извлекает из змея то, что вы позволите мне назвать очкованием⁸⁰, позже обозначенным как слабое место, фальшь, или, лучше сказать, фаллос⁸¹ — так как оно нужно, чтобы оступиться»⁸² ⁸³ Фаллос — это означающее запретного, кастрации, что Лакан передаёт игрой слов вокруг «проступка» (*faux pas*, ошибочного шага/недолжного), указывая на то, что он подчеркнул также в XI Семинаре⁸⁴. Он продолжает: «Это проступок, грех (*sin*), и в этом преимущество моего *sinthome*, синтома — с греха, *sin*, он и начинается»⁸⁵.

Появление говорящего существа есть чистая контингентность, не поддерживаемая никаким Другим, но разве что дырой в Другом, материнским желанием. Единственный след чему — это S1.

Мы также можем сделать вывод, что Лакан не дает фаллосу привилегию оставлять след: есть только первое именование, оставляющее след, — след, которым является именно фаллос. Первым проступком становится теперь проступок языко-

77) Ibid.

78) Ibid.

79) Ibid.

80) Есть близость звучания между *serpent*, змеем, и *serre-fesse*, что дословно можно перевести как «ягодичный зажим», и что мы здесь перевели как «очкование», так как во французском выражение «*serger les fesses*» обозначает подготовку к возможному шоку, буквально реакцию на страх с предосторожностью перед риском дефекации. В качестве шутки заметим, что в русском языке также существует «очковая змея». — Прим. ред.

Serre-fesse тут надо понимать почти буквально, как зажим ягодиц вокруг щели между ними; это образ, по сути идея в том, что фаллос обхватывает, сжимает (*enserre*) слабое место — Комментарий автора в ответ на вопрос переводчиков.

81) Игра слов *faillie* (слабое место) / *phallus* (фаллос), которую мы отчасти передали с помощью созвучия фальшь/фаллос — Прим. ред.

82) *Faire le faut-pas*, что можно перевести как «поступать как не надо и одновременно «совершить ложный шаг». — Прим. ред.

83) Ibid.

84) Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа. Текст, подготовленный Ж.-А. Миллером. Пер. с фр. / А. Черноглазов. М.: Гнозис — Логос, 2004. С. 40.

85) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome. Texte établi par J.-A. Miller. Op.cit., P. 13.

вой отметки S1 (и больше не кастрация); Лакан также играет с двусмысленностью и омофонией французского произношения английского слова "sin", которое звучит так же, как S1.

Фаллос соотносится здесь с болтовней: он возникает из неё, это изобретение языка живых, изобретение Евы, женское изобретение. Он именуется дырой, вводит очкование, сжимает, закрывает слабое место, фальшь, брешь в Другом, но он не имеет статуса S1, а является его следствием. Это ещё один способ сказать: «неправда, что кастрация властвует над всем»⁸⁶, как формулирует это Лакан на своем Семинаре "... ou pire".

Лакан помещает брешь на стороне необходимости: «Отсюда необходимость того факта, что брешь всегда будет увеличиваться, если только не подчинить её прекращению кастрацией как возможным»⁸⁷. Необходимости, поскольку она является точкой опоры для именованного с момента приведения в действие функции S1, поскольку она всегда растёт, поскольку она принципиально не может разрешиться. Чем больше людей, чем больше говорящих существ, чем больше языка, — тем больше дыра. Фаллос вводит «прекращение», "*cesse*", функцию которого Лакан понимает выше как «сжатие», "*serrage*" (с упоминанием очкования, *serre-fesses*). Он затягивает края, чтобы сжать брешь. То, что Лакан затем уточняет, уже присутствует здесь; а именно, что основная функция фаллоса перемещается от сочленения S1-S2, другого утягивания, посредством которого фаллос обеспечивал закругление, замыкание значения задним числом, и которое здесь обесценено, сведено к блаблабла, болтовне, — в сторону сочленения при помощи скрепления, позволяющего осуществить увязывание. Измерение болтовни также больше ставит акцент на наслаждении, связанным с языком, чем на смысле.

Функция фаллоса, кроме того, перестает быть связанной с универсальным, которое обеспечивало бы порядок. Брешь не перестаёт расти, она относится к частному. «Возможное — это то, что перестаёт, запятая, в письме»⁸⁸, — добавляет Лакан; делая функцию фаллоса эквивалентной функции буквы, он — это письмо. Он продолжает: «Или, вернее, что перестанет, встав на путь письма в том случае, если наконец появился бы тот дискурс, о котором я упоминал, дискурс, который не строился бы из кажимости»⁸⁹. Это возможное поставлено в условное наклонение: слабое место, брешь (*faille*) перестала бы писаться, если бы существовал дискурс, не являющийся кажимостью, то есть соприкасающийся с реальным; но Лакан упоминает там идею реального как того, что не перестаёт не писаться, то есть невозможное находится на горизонте возможного.

86) Lacan J. Le Séminaire. Livre XIX: ...ou pire. Paris: Seuil, 2011. P. 37.

87) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome. Paris: Seuil, 2005. Op.cit. P. 13.

88) Ibid. Le possible, c'est ce qui cesse, virgule, de s'écrire, по-французски разный смысл фразы в зависимости от наличия или отсутствия запятой: без запятой получается смысл «Возможное это то, что перестаёт писаться», с запятой смысл нарочито менее ясен, дословно перевод «Возможное это то, что перестаёт, запятая, писаться», что можно понять как ««Возможное это то, что перестаёт из-за того, что случилась запись» — Прим. ред.

Запятая — это знак препинания, который меняет смысл предложения. "Ce qui cesse de s'écrire" («то, что перестаёт писаться») отличается по смыслу от "ce qui cesse, de s'écrire" (что означает, что именно письмо позволяет сделать так, что оно перестаёт).

Лакан подчёркивает пунктуацию, произнося её (первоначально это был устный семинар), Жак-Ален Миллер транскрибирует её на письме при издании семинара. — Комментарий автора в ответ на вопрос переводчиков и редактора.

89) Ibid.

С самого начала Семинара “Le Sinthome” акцент делается на S1, а не на кастрации (которая касается корреляции S1-S2 через опосредствование фаллосом), в связи с отсутствием сексуальной связи. Нет двух S1, нет означающего Женщины, *La Femme*; отец, как и Ева, — это миф. Именно здесь он добавляет: «Следовательно, *Ève* не более смертна, чем Сократ. Женщина, о которой идёт речь, — это другое имя Бога, и именно поэтому её не существует, как я уже говорил много раз»⁹⁰. Имя Бога — S(A). Язык живых находится не в регистре Другого кастрации, но Одного. Кастрация — это миф, она не властвует надо всем. Здесь миф также является мифом о знании запретном, знании Науки с большой буквы, не существует Науки с большой буквы, потому что есть то, что не перестанет не писаться.

Лакан предлагает нам «быть по-хорошему еретиками»⁹¹, «выбрать путь, на котором принять истину [он указывает выше, что это значит принять её путём S1, путем полу-сказанного, о связи языка и наслаждения]. Тем более что, сделав выбор, ничто не мешает подвергнуть его подтверждению»⁹². Вот выбор Лакана: свести отца к функции скрепления, к синтому, что он предлагает проверить на своём семинаре, подвергнуть подтверждению. Также это лакановский выбор для ведения лечения: «Хороший путь — это, хорошо поняв сущность симптома, не избегать его логического использования, то есть использовать его вплоть до достижения его реального, до той точки, когда он больше не жаждет»⁹³. Речь идёт о достижении реального в синтоме, через S1, через определённое использование истины, через двусмысленность, направленную, как он далее уточняет, на выделение S1, позволяющее стремиться к точке, за которой больше нет смысла. Речь идёт о прекращении питания симптома смыслом, чтобы он больше не жаждал. Мы также слышим, что достигнув этой точки, симптом больше не жаждет, он прекращает крутиться сам по себе⁹⁴, и, благодаря принятию реального в расчет, противостоит слепому повторению.

Фаллическая стойкость

Семинар “Le Sinthome” также учит, что функция отца, редуцированная таким образом, может быть компенсирована определённым использованием симптома. Там, где отец не обеспечил соединения слов и вещей, речи и реального⁹⁵, Джойс использовал свой симптом — письмо, чтобы восстановить ослабленное увязывание. Таким образом, он поддержал⁹⁶ Отца и показал (Лакану), какова его функция, а именно функция симптома, функция скрепления наслаждения, приведенная в действие увязыванием элементов структуры.

Искусство Джойса, говорит Лакан, «заместило его фаллическую стойкость»⁹⁷, потому что «конец у него был немного вялый, если я могу так выразиться»⁹⁸. Фал-

90) Ibid., P. 14.

91) Ibid., P. 15.

92) Ibid.

93) Ibid.

94) Cf. Ibid. Ранее он играл на двусмысленности ирландского “Home Rule” (проект, направленный на предоставление Ирландии внутренней автономии — Прим. пер.), чтобы намекнуть на симптом/”sinthome roule” (синтом крутится)

95) Miller J.-A. L’orientation lacanienne. Pièces détachées. Лекция, прочитанная в рамках курса в департаменте психоанализа Университета Париж 8, лекция от 15 декабря 2004 года, неопубликовано.

96) Cf. Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome, op. cit., P. 22

97) Ibid, P. 15.

98) Ibid.

лос выступает здесь как элемент увязывания, который немного вял (в отличие от предыдущего «затягивания»). Именно с этой функцией и связан сбой. Обратим внимание, что Лакан косвенно напоминает о вялом увязывании, которое он затем продемонстрирует. Действительно, у каждого свое увязывание, независимо от того, борромеево оно или нет, вялое оно или нет. «И так всегда, — добавляет Лакан. — Фаллос — это соединение того, что я назвал паразитом, то есть маленьким упомянутым кончиком, с функцией речи. И именно в этом его (Джойса) искусство является истинным гарантом его фаллоса»⁹⁹. Обратим внимание, что Лакан соотносит фаллос с функцией речи, то есть с S1. Фаллическая функция становится одной из функций S1 (и больше не Отца), функцией скрепления паразитического органа и функции речи. Также функция фаллоса обеспечивает теперь «стойкость» говорящего существа, и больше не закругление означающей цепочки с помощью значения.

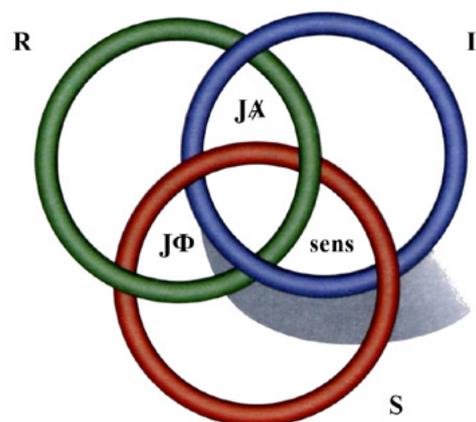
Понятие стойкости тесно коррелирует с идентификацией, фаллической идентификацией, то есть идентификацией с помощью означающего, с помощью самой означающей функции, с помощью S1. Когда нет «стойкости», то идентификацию обеспечивает либо воображаемое, либо реальное; в последнем случае это идентификация с объектом, учитывая, что приведение в действие функции S1 также коррелирует с выпадением объекта. S1 — это означающее, благодаря которому можно утверждать, что слово — это убийство вещи. Мы попробуем еще раз проиллюстрировать это на примере Джима Моррисона. Лакан уточняет, что тут (в отсутствие фаллической стойкости) затронута функция речи, функция акта высказывания, *dire*, без которой субъект не может усвоить позицию акта высказывания, идентифицироваться на основе единичной черты.

Здесь Лакан также приближается к тому, что Жак-Ален Миллер уточнит с помощью понятия ординарного психоза. Лакан отмечает, что фаллос тут есть, но он вялый. Ему не совсем удастся локализовать наслаждение, обеспечить стойкость субъекта, то есть избежать того, чтобы субъект был низложен означающим идентификации с объектом. Его не хватает, чтобы обеспечить связь между словами и вещами, и вследствие этой хрупкости приведения в действие функции S1, ему не хватает силы обеспечить сочленение означающей цепи.

Если искусство может отвечать за функцию фаллоса, то это потому, что оно является актом субъекта, а именование зависит от самого субъекта; и не от Отца, не от Другого. Таким образом, Лакан на этом семинаре неустанно подчёркивает сингулярность узла, который не является образцом, узлом для всех, а также функцию S1, в зависимость от которой он ставит функцию фаллоса.

Увязывание

Лакан задаётся вопросом, из чего производится увязывание, что в нём преобладает, зная, что четвёртое кольцо, о необходимости которого он говорил, — это само увязывание и есть. Он возвращается к схеме борромеева узла¹⁰⁰.

⁹⁹) Ibid.

¹⁰⁰) Cf. Ibid., P. 48.

Его интересуют зоны пересечения между кольцами, где происходит увязывание.

Он напоминает, что между Реальным и Воображаемым он расположил Наслаждение Другого (наслаждение реальное, предполагаемое Другому, воображаемо); между Символическим и Воображаемым — смысл (который возникает из связи между S1 и S2, который зависит от акта высказывания); между Символическим и Реальным, фаллическое наслаждение (именование наслаждения).

Он напоминает, что не существует Другого Другого, «ничто не противопоставлено символическому, месту Другого как такового»¹⁰¹, но символическое связано с дырой, «Другого не существует, он не вне-существует символическому, дыра наслаждения перечеркнутого Другого пуста. «Отсюда следует, — заключает Лакан, — не существует и наслаждения Другого», «наслаждение Другого Другого невозможно по той простой причине, что его не существует [...] Следовательно, остаются только два других термина»¹⁰².

Вопрос можно было бы переформулировать так: когда нет/уже нет Другого, что остаётся? Другими словами: как мы можем затем пересмотреть понятия психоанализа, термины его преподавания и, наконец, ухватить, что создает увязывание? Лакан подчёркивает, что смысл не исходит от Другого, а возникает из сопряжения символического и воображаемого. Фаллическое наслаждение размещается между символическим и реальным (а не воображаемым). Там, где фаллос обеспечивал ранее соединение между S1 и S2, его функция ещё больше смещается в сторону скрепления. Эта функция при этом уточняется: «У субъекта, поддерживающего себя говорящим существом, которое я называю бессознательным, есть возможность сопрягать речь с тем, что связано с определённым наслаждением, наслаждением так называемого фаллоса, которое переживается как паразитическое, из-за самой этой речи, из-за говорящего существа (parlêtre)»¹⁰³. Заметим, что Лакан здесь ещё раз уточнил соединение, обеспечиваемое фаллосом: если чуть выше он упомянул о соединении маленького кончика, паразита, с функцией речи, то теперь паразитический орган стал паразитарным (фаллическим) наслаждением.

Говорящее существо (parlêtre) идентифицировано с бессознательным. Говорящее существо обладает властью сопрягать речь и наслаждение. Власть — это власть акта высказывания, dire, S1; это сопряжение является функцией фаллоса, которая зависит от S1. Фаллическое наслаждение — это то, что является результатом фаллической функции как вторичного именованья, то есть оно предполагает извлечение объекта а. Фаллическое наслаждение коррелирует с объектом-причиной.

Лакан размещает фаллическое наслаждение как «противовес по отношению к смыслу [...] Это место того, что говорящим существом сознательно обозначается как власть»¹⁰⁴. Власть — это власть соединения означающего и реального, власть именованья. «Противовес по отношению к смыслу», означает, что власть находится не на стороне смысла, сочленения S1-S2, но что общей точкой сопряжения смысла и фаллического наслаждения является S1. Кроме того, он помещает в центр этого узла объект а как то, вокруг чего вращаются смысл и наслаждение.

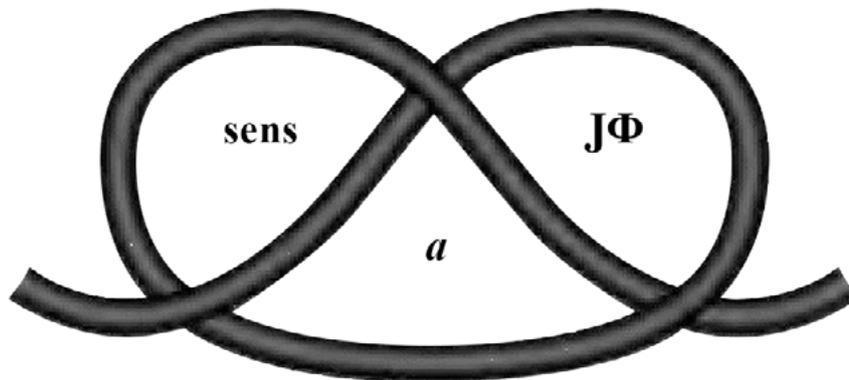
101) Ibid., P. 55.

102) Ibid., P. 56.

103) Ibid.

104) Ibid.

Он предлагает следующий рисунок¹⁰⁵:

Он заключает: «Я отметил, что если три узла сохранили свою свободу друг от друга, то тройной узел, играющий в полной мере своим плетением, вне-существует, и он-то как раз и является четвертым узлом. Он называется синтомом»¹⁰⁶.

Тройной узел, узел смысла и наслаждения, представляет собой четвертое кольцо, то есть то, что обеспечивает увязывание — это соединение смысла и наслаждения. Последнее зависит от S1, функция которого лежит в основании приведения в действие смысла, фаллической функции, извлечения объекта а. Для того, чтобы был этот узел, это четвертое кольцо, должно быть фаллическое наслаждение, то есть скрепление S1 и а, причём от этой функции во вторую очередь также зависит сочленение S1-S2.

Тогда оператор увязывания появляется как синтом S1/а. Вспомним, что синтом — это запись симптома, формализация которого составила $\$ \diamond a$, ядро фантазма. При устранении превосходства функции кастрации (отмеченной пуансоном, \diamond) в пользу функции буквы (именно поэтому Жак-Ален Миллер предлагает написание синтома с чертой между S1 и а, Лакан в Семинаре «Ещё» связывает букву с функцией черты дроби), при идентификации $\$$ с S1¹⁰⁷, запись симптома даёт место записи синтома.

Лакан таким образом открывает путь знания дела (savoir-faire). «Человек несёт ответственность только в пределах своего знания дела»¹⁰⁸, — утверждает он, уточняя, что «знание дела выходит далеко за рамки [сексуальной ответственности] и добавляет искус(ствен)ности (*artifice*), которую мы безо всякой причины вменяем Богу»¹⁰⁹. Субъект несёт ответственность за своё наслаждение, за реальное. То, что лежит в её основе, что делает её возможной — это знание дела, искусство, то есть способ каждого обращаться с реальным, вступать в язык.

Это вопрос именованья, ввода в действие функции S1, которое учреждает ответственность. Сексуальное наслаждение, если обратиться к предыдущей главе, это скрепление S1-а. Сексуальная ответственность — ответственность за это скрепление. Оно зависит от функции S1, функции творения, которую ошибочно приписыв-

105) Cf. Ibid.

106) Ibid., P. 57

107) Он устанавливает это равенство уже в 1972-1973 годах в своём семинаре, книге XX, "Encore", и здесь бессознательно отождествляется с говорящим существом.

108) Lacan J. Le Séminaire. Livre XXIII: Le Sinthome. Op. cit., P. 61.

109) Ibid., P. 64.

вают Богу. «Это не Бог создал эту штуку, что называется Вселенной. Мы вменяем Богу то, чем занимается художник, прообразом которого, как известно, является гончар»¹¹⁰, — утверждает он; гончар, лепящий дыру, и которого Лакан часто берёт как пример, начиная с Семинара VII «Этика психоанализа»¹¹¹. Он уточняет: «Не существует факта кроме как благодаря тому факту, что говорящие существа говорят. Не существует других фактов, кроме тех, которые говорящее существо признает таковыми, произнося их. Факт существует только как то, что создано искус(ствен)но (*d'artifice*)»¹¹². Искус(ствен)ность — это искус(ствен)ность языка, факт — это факт *dire*, акта высказывания, который несёт в себе творческое измерение.

Двери восприятия

Функция S1, именованная, особенно заметна, когда очевиден дефект скрепления. Чтобы уловить это, я решила опираться на некоторые биографические данные, а также на интервью, данное журналу “The Rolling Stone” в июле 1969 года¹¹³ культовым певцом группы The Doors Джимом Моррисоном, чья смерть в возрасте двадцати семи лет, 3 июля 1971 года, лишь укрепила миф о героях семидесятых, которые доходят до принесения в жертву своей жизни, злоупотребляя наркотиками в своем бунте против «фактов существования»¹¹⁴.

Протяжный голос, обманчиво вдохновенный, медленный, монотонный, произношение, отмеченное долгими паузами, между поиском точного слова и банальными высказываниями, пустоватыми, слегка ироничными, — всё это характеризует его ответы в последних интервью журналистам в 1970 и 1971 годах¹¹⁵. Субъективный надлом очевиден. Он мог сказать: «Я считаю себя умным и чувствительным человеком, наделённым душой клоуна»¹¹⁶. Душа приходит к нему от Другого, она не его, она несёт черту обесценивания. Эти особенности контрастируют с глубиной голоса певца, его захватывающей силой воздействия, тембром, который за несколько колебаний приводит голос от некоторой сдержанности к надломленности, позволяя проступить внутреннему надрыву. Если в последних интервью звучит речь, мало связанная с живым в субъекте, то пение, наоборот, животворило его, захватывая тело, но оно не могло вместить наслаждение, которое, разнуздываясь все больше, привело его к худшему.

Попробуем уловить несколько моментов. Я не стремилась изложить «случай» досконально, скорее расслышать в тех немногих элементах, которые были в моем распоряжении, координаты этой попытки оживить призрачное существование по-

110) Ibid.

111) Лакан Ж. Семинары. Книга VII: Этика психоанализа. Текст, подготовленный Ж.-А. Миллером. Пер. с фр. / А. Черноглазов. М.: Гнозис — Логос, 2006.

112) Ibid., P. 66.

113) The Rolling Stone Interview: Jim Morrison. Джеппи Хопкинс, Rolling Stone, 26 июля 1969 года, оригинальный документ, воспроизведённый и включённый в книгу Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, Paris: Naïve, 2007. Перевод на французский Софи Марре-Мальваль

114) Цитата Джима Моррисона: «Герой — это тот, кто восстает — или кажется восстающим — против фактов существования и, кажется, побеждает их, но это, очевидно, может сработать только в определённые моменты». Интервью с Салли Стивенсон, Circus Magazine, октябрь 1970 года, буклет, прилагаемый к CD в книге Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., P. 10

115) Интервью с Салли Стивенсон, Circus Magazine, октябрь 1970 года, и интервью с Беном Фонгом-Торресом, февраль 1971 года, буклет, прилагаемый к CD в книге Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit.

116) Ibid., P. 10.

средством увязывания голоса и поэтического письма.

Родившийся в 1943 году Джим Моррисон был «примерным» ребёнком, по словам Джеймса Хенке, отличником, которому пастор предсказал: «Ты пойдёшь далеко, какой бы путь ты ни выбрал»¹¹⁷. С раннего возраста его привлекли писательство и музыка. Уже его первое стихотворение в 1954 году (написанное в возрасте девяти лет), в котором рассказывается о перевозке почты Pony Express, свидетельствует о том, что вопрос имени и идентификации оказался для него первостепенным¹¹⁸. Стихотворение рассказывает о людях, которые, не жалуясь, разносят почту, потому что знают, что действуют на благо «доброего имени своей страны», защищая имя своей нации, путешествуя в любую погоду по землям индейцев и равнинам, чтобы «разносить почту и прославлять наше имя». Английский текст звучит так: “*to build up our name*”, буквально «построить наше имя»; «Они разносят почту и разделяют нашу высшую славу». Отметим, что его отец, офицер военно-морского флота, часто отсутствовал в командировках, и семья много раз переезжала в зависимости от его заданий. В стихотворении также есть следы эпизода, которому Джим отводит центральное место в своей жизни, хотя важность, придаваемая этому эпизоду, привела к непониманию у близких ему людей.

Когда ему было четыре или пять, он ехал по пустыне со своими родителями, бабушкой и дедушкой. Они оказались на месте автокатастрофы, в которой погибли коренные американцы. В вымышленном¹¹⁹ интервью он сообщает: «Грузовик, полный рабочих индейцев, либо врезался в другую машину, либо... Я не знаю, что произошло. Но по всему шоссе были истекающие кровью индейцы. Поэтому мы остановились. И это мой первый контакт со смертью»¹²⁰. Он продолжает: «Я остался в машине с женщинами и кошками, потому что... Видите ли, мой отец и мой дедушка хотели посмотреть. Это был мой первый контакт со смертью. Не знаю, сумасшедший я или что, но когда это произошло, я почувствовал, что не должен об этом думать. Я не мог, такой маленький... Как ребёнок-цветок, с головкой, которая только и делает, что трепещет на всех ветрах. Но сегодня, когда я вспоминаю об этом, я думаю о том, что, возможно, душа одного из этих индейцев — или нескольких — проникла в мой мозг».

В другом рассказе об этом событии он говорит, что его мать запретила ему выходить из машины и сказала: «На самом деле этого не произошло по-настоящему. Это просто кошмар»¹²¹. Он охотно вспоминал этот эпизод. Это повествование демонстрирует скопическое наслаждение Другого, которое Моррисон приписывает отцу и интерпретирует сцену аварии как жажду отца увидеть кровь, — кровожадное, смертоносное наслаждение, приписываемое Другому, которое также будет в центре его бунта против войны во Вьетнаме, в которой участвовал его отец.

Его представление о том, каким он был ребёнком, уже свидетельствует, каким витающим существом он был, в отсутствие первоначальной идентификации, «с головкой, которая только и делает, что трепещет на всех ветрах», и с немного вялой

117) Ibid., P. 7.

118) Cf. Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., P. 24

119) Моррисон написал воображаемую беседу, интервью, но в его «ответах» присутствуют автобиографические элементы, в частности, это воспоминание. — Комментарий автора в ответ на вопрос переводчиков и редактора.

120) Dead Indian Coyote, in Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., P. 2.

121) Ibid., P. 36.

фаллической стойкостью, оставленным с женщинами и кошками, без возможности себе это объяснить, хрупкое дитя-цветок, немного животное, отделённое от мужчин — носителей фаллоса.

Здесь мы также видим набросок его более поздних проблем, когда он стал мужчиной, поскольку именно в подростковом возрасте, в связи с половым контактом, его равновесие пошатнулось. Носитель фаллоса — это также тот, кто наслаждается дурным наслаждением, это не отец желания, который передаёт проступок, грех, слабое место наслаждения Другого — основателя желания, несуществование Другого, вследствие которого наслаждение Другого не существует. Во что верит этот ребёнок, так это именно в это наслаждение.

Наконец, этот эпизод, по-видимому, ознаменовал собой период до и после, момент отключения из-за меланхолического отождествления с мёртвыми индейцами, души которых поселились в его мозге. Он очень точно описывает момент, когда для него возникла идентификация с объектом, не подкреплённая никакой идентификацией со стороны S1, здесь мы видим неудачу пуска в действие функции фаллоса, которую также можно уловить в отсутствии какой-либо ссылки на Идеал-Я в этих идентификациях с животными и растениями и в этом видении дурного наслаждения Другого. Этот эпизод занимает центральное место и свидетельствует о его позиции живого мертвеца.

Подростковый возраст затем был временем его «вхождения в сознательность»¹²², которое, как он отмечает, совпало с рождением рок-н-ролла¹²³, и его открытия кино. В частности, его особенно впечатлил персонаж, которого сыграл Джеймс Дин в «Бунтаре без причины»¹²⁴. В 1958 году, после очередного переезда, когда ему было пятнадцать лет, один преподаватель охарактеризовал его как эгоцентричного и наглого. Этот период, по-видимому, фактически стал поворотным моментом.

У него самого было скрытое ощущение, что что-то не так. Его оценки оставались превосходными, и он начал увлекаться музыкой. Но эгоцентризм указывает на то, что он опирается на воображаемую идентификацию или воображаемую защитную оболочку, окаменевшую и негибкую. Стихотворение о *Pony Express* уже указывало на то, как конструирование имени должно пройти через совершенно воображаемую идеальную идентификацию, отмеченную исключительностью, которая опирается на славу.

Этот момент субъективного изменения кажется совпадающим с его первыми романтическими отношениями, которые были прерваны по требованию матери девушки, потому что он «мучил» её, и после расставания он был в отчаянии. Но мы также можем предположить, что война во Вьетнаме подорвала веру в героизм отца, преданного Америке. В интервью журналу “Rolling Stone” он говорит о рок-н-ролле как о жизненно важном явлении после Корейской войны¹²⁵, в которой участвовал его отец. После войны во Вьетнаме «у жизни возникнет новая потребность в самовыражении»¹²⁶, — отмечает он. Он по-прежнему говорит об американских солдатах во Вьетнаме как о “*trained killers*”, размещая на горизонте военных действий

122) Ibid., P. 7.

123) Cf. Ibid.

124) Ray N., *La Fureur de vivre*, 1955.

125) The Rolling Stone Interview: Jim Morrison. Джерри Хопкинс, *Rolling Stone*, 26 июля 1969 года, в книге Henke J., *Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors*, op. cit., P.16.

126) Ibid., P. 16.

наслаждение от убийства, «за это можно отдать под трибунал»¹²⁷, — говорит он о вымышленных персонажах. Повсюду неявно прочитывается связь с отцом. Он разорвал с ним все связи в 1965 году после критики с его стороны. Он говорит: «У меня нет ненависти к родителям, но они доставляют много хлопот»¹²⁸.

Вхождение в сознательность — это также момент возникновения политического протеста, тесно связанного с рождением рока. Как и многие другие представители его поколения, он был страстно увлечен Ницше, Керуаком, Рембо. Он писал стихи и гордился этим. Он скажет, что «поэзия вечна, ничто другое не сможет пережить холокост»¹²⁹. Это действительно была метка вечности, метка выживания в собственном холокосте идентификации с объектом, которая захватила его во время несчастного случая, метка, которую следовало запечатлеть и которая предписывала ему «именовать» себя, стать автором.

Постепенно его оценки падали, и после окончания лицея он столкнулся с отсутствием планов на учебу — это тоже небольшой признак отсутствия фундаментального фантазма, способного сориентировать субъекта. Подобный момент часто возникает, когда основные пути, предлагаемые школой, больше не направляют субъекта, и он вынужден занять более твердую позицию высказывания. Он поступил на факультет психологи, затем философии и, наконец, кино в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Проживание в съемной квартире на несколько человек, вне семьи, положило начало зависимостям от веществ и антисоциальному поведению: воровству, алкоголю, наркотикам.

Решение он нашел в музыке благодаря встрече с Рэем Манзарекком, который, узнав, что тот пишет песни, предложил ему создать группу. Инициатива исходит от другого — это характерная черта жизни Джима Моррисона, по образцу его ощущения, что в него проник дух индейцев, и которая свидетельствует о слабости идентификации со стороны S1 (что также является причиной его трудности с удержанием позиции высказывания). Когда журналист "Rolling Stone" спросил его о его решении стать певцом, он ответил, что его подсознание подготовило «всё это дело»: «Я об этом не думал, так просто было. Я никогда не пел. Я думал, что стану писателем или социологом, буду писать пьесы.

Я никогда не ходил на концерты, максимум на один-два. Я видел что-то по телевизору, но никогда не был частью всего этого. Однако в своей голове я слышал целый концерт — с оркестром, певцом, публикой, очень большой публикой»¹³⁰. Он указывает, что этот чудесный концерт происходил у него в голове, когда он писал, делал заметки. Он заключает: «Когда у меня были написаны песни, мне приходилось их петь»¹³¹. Всё приходит к нему загадочным образом, от Другого, причем он никогда не берёт акт на себя. Он упоминает воображаемые переживания, граничащие с галлюцинациями. Наконец, он указывает, что момент, когда он начал писать, и начало этих переживаний совпадали с окончанием лицея. «За три года до того я не был частью группы или чем-то в этом роде. Я только закончил лицей и пошел на

127) Ibid., P. 22.

128) Cf. Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., p. 21.

129) Ibid., p. 27.

130) The Rolling Stone Interview: Jim Morrison. Джерри Хопкинс, Rolling Stone, 26 июля 1969 года, оригинальный документ, воспроизведённый и вставленный в книгу Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., P. 15.

131) Ibid.

пляж. Я мало чем занимался [по-английски двусмысленная фраза, её можно было также понять как “меня мало что занимало”]. Я впервые был свободен. Я непрерывно учился в лицее в течение пятнадцати лет (высказывание, которое опять показывает, насколько сильно он был вписан в лицей, как в пресс-форму). Было прекрасное жаркое лето, и я стал слышать песни. Кажется, у меня до сих пор хранится блокнот с записанными песнями. Мне хотелось бы иметь возможность воспроизвести тот мифический концерт, который я слышал, в реальности или в записи. Я хотел бы воспроизвести то, что я услышал на пляже в тот день»¹³². Затмение субъекта налицо, музыка приходит к нему от Другого, почти галлюцинаторно.

Мы все ещё слышим, как письмо выполняло функцию укрощения Реального голоса, который делокализуется, перемещается (Однако организованным образом, поскольку он возникает как музыка, зашифрованная буквой. Или это эффект следующего письма?) Музыкальный опыт будет попыткой скрепить (*agrafer*) наслаждение, сделать себе имя, но также свидетельствует о том, что изначально он участвует в опыте делокализации наслаждения, изъяна скрепления. Более того, он не вполне может наделить его ценностью и восстановить тем самым свою фаллическую стойкость. Все, что исходит от него самого, обесценивается: он замечает, что никогда не играл на музыкальном инструменте, но время от времени наигрывает песни. О своих «собственных изобретениях» он говорит: «Это не совсем музыка; это шум»¹³³, что ещё раз свидетельствует об этом первом вторжении голоса. Он может сказать о своей поэзии: «Я всегда хотел писать стихи, но думал, что результат не будет хорош, если рука не возьмёт перо и не начнет двигаться без меня, как автоматическое письмо. Но этого не произошло. Я, конечно, написал несколько стихов»¹³⁴; акт письма тут не является событием. Напротив, именно музыка пришла сама собой, от Другого.

Джим Моррисон назвал группу “The Doors” в честь романа Хаксли «Двери восприятия». Музыка опасно открыла ему двери восприятия, чувствительности и наслаждения.

Говоря о своей музыке, он уточняет, что стремился к синтезу кантри и блюза, которые он называет «основными формами музыки»¹³⁵, двумя «коренными» музыкальными формами, то есть истинно американскими, которые он сравнивает с музыкой индейцев. Поиск национальной основы, хоть это является классическим аспектом американского мифа, принимает своеобразный субъективный разворот, если услышать, какое место тут снова занимает его воплощение в трупах индейцев. Так, он хотел «вернуть классический дух в народное, популярное искусство»¹³⁶. Он упоминает Моцарта, фигуру гения, с которым неявно сравнивает себя. Он колеблется между идентификацией с объектом и мегаломанической идентификацией. Он предсказывает появление блестящего молодого «парня», который станет популярным, и мы можем предположить, что речь идёт отчасти о нём самом. Музыка призвана поддержать имя, которого ему недостаёт.

Говоря о том, что происходит с ним в его связи с публикой, он также проясняет существенный момент: конфликт между его отчуждением в другом и его стремле-

132) Ibid.

133) Ibid.

134) Ibid.

135) Ibid.

136) Ibid.

нием к свободе. Мы, несомненно, можем найти здесь одну из причин того, почему пения было недостаточно для его стабилизации. Он отмечает, что хочет заставить людей встать, заставить их двигаться, сделать их свободными, чтобы они не были прикованы к креслам. На само деле это его собственное стремление к свободе. Музыка оживляет его, оживляет тело, но в результате ведёт его к абсолютной свободе. Свобода эта есть обратная сторона того факта, что инициатива исходит от другого, что он чувствует себя совершенно отчуждённым, и он изобличает это отчуждение на многих уровнях. Необходимо S1, поддержка акта, акта высказывания (*dire*), сингулярности, чтобы не воспринимать отчуждение в означающем как отчуждение в себе подобном. Двумя основными тупиками будут склонность к абсолютной свободе и идея о том, что обладателем фаллоса является тот, кто наслаждается без ограничений. Именно это и вытолкнет его за пределы.

Он будет проверять эту свободу на собственном опыте: через наркотики, алкоголь, секс, а также через провокации во время своих концертов. Его арестовали за раздевание догола во время выступления, а затем приговорили к шестидесяти дням принудительных работ и двум с половиной годам испытательного срока за непристойное поведение в 1970 году — срок он отбыл, но вышел из него измождённым, погрузившись в депрессию из-за судебного процесса.

То, что он говорит о своем предпочтении клубов перед большими сценами, лишний раз свидетельствует о его противоречии между стремлением к абсолютной свободе и поиском предела, скрепления, который он находит во взгляде зрителей и который предполагает восстановление его фаллической стойкости: «в клубах ты волен делать то, что хочешь, и в то же время ты еще чувствуешь обязательство быть хорошим, ты не можешь все отпустить — есть люди, которые смотрят. Существует огромное напряжение между свободой и обязанностью хорошо играть»¹³⁷.

Он сообщает, что выкинул всё, что написал во время учебы в старшей школе. Не ведая, почему, и сожалея об этом, он хотел бы вспомнить, принять снотворное, чтобы вспомнить. Он ждет от веществ, как и от другого, что «это» придёт к нему само; на себя он не рассчитывает. Он добавляет, однако, что, если бы он это выкинул всё написанное тогда, то, возможно, и не написал бы ничего оригинального, поскольку выброшенное представляло собой лишь скопление того, что он видел или слышал, цитат, взятых из книг. «Если бы я не избавился от этого, я бы никогда не был свободен»¹³⁸. Искушение свободой на самом деле является поиском снятия отчуждения в другом, поиском именованного в смысле становления автором, поиском S1.

И вот он оказывается этим свободным человеком, даже слишком свободным, в явном субъективном блуждании, по крайней мере, после ареста, в момент интервью. Он представляет себя в будущем менеджером крупной компании, театра. «Мне нравится этот образ: большой офис, секретарша»¹³⁹, он живёт «анонимной жизнью в анонимном городе»¹⁴⁰ (Лос-Анджелесе). В этих словах проявляется субъективное блуждание, отсутствие опоры и ориентации желаний. Его высказывания пронизаны ослаблением функции S1, фаллического скрепления. В длинном интервью он почти никогда не говорит от своего имени. На вопрос «Каким ты себя видишь? как

137) Ibid.

138) Ibid.

139) Ibid., P. 16.

140) Ibid.

поэт? рок-звезда?» он отвечает: «У меня не так много обратной связи, кроме того, что обо мне пишут»¹⁴¹. Сам себя он не видит, но его может увидеть другой, дать ему обратную связь. На вопрос, как он реагирует на то, что о нём пишут, он отвечает уклончиво, ссылаясь на то, как его фотографируют: «одна плохая фотография может повергнуть вас в настоящее психическое расстройство»¹⁴². Другой хранит его образ, $i(a)$. Он — это маленькое a . Но когда он смотрит на себя, завеса спадает и появляется пустота. Он отмечает, что когда он посмотрел свой собственный фильм «Праздник друзей»¹⁴³, он был удивлён, потому что, будучи героем фильма, он видел его только от первого лица. Видя «события такими, какими они были на самом деле, когда он думал, что контролирует их», он увидел, что был «всего лишь марионеткой, игрушкой многих сил, которые лишь смутно понимал. Это был шок». «Он осознавал лишь небольшую часть реальности»¹⁴⁴. Наконец он заявляет: «Я вижу себя художником в полном сознании, который упорствует изо дня в день, усваивая много информации»¹⁴⁵, он движется вперед, но без ориентации.

Он надеялся получить ориентиры от Другого, от Отца, которого он никогда не переставал призывать. Он обязался поддержать Нормана Мейлера на выборах в Нью-Йорке. «Я думаю, он хочет стать президентом», — говорит он, — «логическим продолжением эго является Бог. Логическое продолжение жизни в Америке — стать президентом», «Президент — это тот, кто может дать большинству людей знание, как стать живым и целостным организмом»¹⁴⁶; “*who can suggest a complete living organism to the majority of people*” (мы могли бы перевести почти как: «который может предложить большинству людей законченный живой организм»). Однако он искал решения и другими средствами, средствами созидания, но сборка оказалась ненадёжной.

В музыке он искал сингулярную отметку, голос, S1, чего, как он думал, можно было добиться только ценой разрыва с тем, от кого он чувствовал себя полностью отчуждённым. Он объясняет это так: «чтобы поколение могло утвердиться как человеческое существо, оно должно порвать с прошлым», «пришедшие молодые люди больше не будут иметь ничего общего с тем, что они чувствуют, они ищут свое собственное, уникальное звучание»¹⁴⁷.

Живой мертвец, он ждал, что музыка и публика смогут его воскресить. Сожалея, что «после того, как песни записаны, они становятся ритуализированными и застылыми»¹⁴⁸, он говорит, что ему нравится быть увлечённым ритмом блюза; звук, ритм, порождающий слова и мелодию¹⁴⁹. Он считает, что песня примитивнее стихотворения из-за ритма. С этой точки зрения он рассматривает музыку как ритуал, придающий энергии форму. Для него выход на сцену — это «встреча с этой потенциальной энергией, исходящей от публики»¹⁵⁰, он расширяется (растягивается, раз-

141) Ibid.

142) Ibid.

143) Ferrara P., Babe Hill, Morrison J., Feast of friends, 1969.

144) Ibid.

145) Ibid.

146) Ibid.

147) Ibid.

148) Ibid., P. 17.

149) Cf. Ibid.

150) Ibid., P. 18.

растается, "extends himself"), он «испытывает пределы реальности»¹⁵¹. Он указывает: «если бы не было легавых — не было бы и сцены»¹⁵², «именно барьеры порождают желание»¹⁵³, он показывает, как испытание авторитета, раздевание догола, наслаждение на глазах у сил порядка, привело к воображаемому поиску запретного — тому, что вызывает желание, зависть. Однако он всегда шёл на шаг дальше, так как в нём не было силы создать этот предел, локализовать наслаждение, прикрепить его к S1 посредством фаллической функции. Он думал, что даёт людям то, что они хотят, наслаждение, но, по его словам, «мы заходим для них слишком далеко, делая что-то неожиданное, и тогда они теряются»¹⁵⁴. Он проецирует на публику своё собственное блуждание. Он думает, что когда люди приходят на концерты, им хочется чего-то необычного, вплоть до ощущения совместного существования, но «если вы поднесёте им зеркало и покажете им, чем они на самом деле являются [их наслаждение], чего они действительно хотят, и что они одни, а не вместе, они будут возмущены и потеряны»¹⁵⁵. Полиция существует для того, чтобы поддерживать порядок, статус-кво, «они существуют, потому что иначе люди будут потеряны»¹⁵⁶. Связка бунтарей с полицией оказывается гораздо более сложной, чем простое проявление идеологической оппозиции. Возможно, нашим лидерам стоит не только послушать, что им говорят протестующие, им также следует кое-чему у них поучиться.

Высшая свобода в конечном итоге заключается в сохранении контроля над жизнью и смертью. Итак, он говорит: «Когда вы пьяны, вы достигаете уровня полного контроля, это ваш выбор, в этом разница между самоубийством и медленной капитуляцией»¹⁵⁷. Сдерживать влечение к смерти это, в конечном счёте, то, что ему остаётся, где, по его словам, он «подвешен на игру искусства и литературы, как на рыболовный крючок»¹⁵⁸, посвящая ей всё свое время. Он ожидает от письма, от искусства зацепки, крючка, но слова продолжали приходить к нему через других, через музыку, которую он получал и над которой никогда не мог по-настоящему установить контроль. Формулировка его попытки зацепить S1 несёт в себе след его неудачи (он висит на крючке, и это опять исходит от Другого). Это, кроме того, оказывается тесно связанным со стремлением к свободе, к наслаждению, к влечению к смерти, которому он поддался.

За отсутствием фаллического скрепления, а точнее из-за вялого скрепления, вялой фаллической стойкости, он скатывался к идентификации с объектом, при этом он испытывал ощущение, что означающее S1 как бы оторвано, и что оно может прийти только от Другого. Мегаломанические воображаемые идентификации не смогли противодействовать склонности к наслаждению, а, наоборот, усилили её в силу особенностей черт идеала. Более того, ему так и не удалось стать автором,

151) Ibid.

152) Он имеет в виду, что именно силы правопорядка подталкивают зрителей выходить на сцену, но это двусмысленное высказывание также предполагает, что именно полиция и является в том числе тем, что его самого мотивирует.

153) The Rolling Stone Interview: Jim Morrison. Джерри Хопкинс, Rolling Stone, 26 июля 1969 года, оригинальный документ, воспроизведённый и включённый в книгу Henke J., Jim Morrison, De l'Autre Côté avec les Doors, op. cit., P. 18.

154) Ibid., P. 22.

155) Ibid.

156) Ibid.

157) Ibid., P. 24.

158) Ibid., P. 22.

по-настоящему взять на себя ответственность за своё творение, сохраняя идентификацию с трупом индейца.

Джим Моррисон умер 3 июля 1971 года в Париже в возрасте двадцати семи лет, официально от сердечного приступа, возможно, от передозировки, возможно, спутав героин и кокаин. Упоминается также туберкулёз. В конечном итоге он сделал себе имя благодаря своей музыке и принесению своей жизни в жертву. Грустная ирония, которая заставила его до конца воплотить собою потерянный объект, чтобы заставить явиться имя, скрепление, став таким образом симптомом эпохи и поколения.

Опубликовано на французском: Marret-Maleval Sophie. "N'hommer", l'acte du dire de Lacan à Jim Morrison". Ce que Lacan nous enseigne, Champ social, 2023.

Перевод с французского Василия Семёнова и Егора Цветкова.

Редактура перевода Глеба Напреенко и Дины Силкиной.

Аутистическая структура¹⁵⁹

Жан-Клод МАЛЬВАЛЬ

Сегодня представляется возможным понять аутистическую структуру исходя из трёх основных характеристик:

- первоначального удержания объектов влечений;
- сдержанного отчуждения, которое происходит без привязки к господствующему означающему;
- аппарата наслаждения посредством края.

Гипотеза о существовании аутистической структуры подтверждает понятие «аутистического спектра», введённое в 2013 году в DSM-5 вместо «Первазивных расстройств развития». Оправданно ли утверждать о возможности перехода от наиболее тяжёлых форм каннеровского аутизма к социализации высокофункциональных аутистов? Становление Дональда Грея Трипплетта, «Случая №1» из первой статьи Каннера, является наиболее показательным и наименее спорным из возможных вариантов развития событий. Наблюдавшийся в 1930-х годах в больнице Джона Хопкинса в Балтиморе, с 2010 года он вёл умиротворённую жизнь на пенсии в штате Миссисипи. Проработав кассиром в банке своих родителей, он самостоятельно жил один, по-прежнему водил свой автомобиль и продолжал заниматься своими увлечениями: гольфом и путешествиями¹⁶⁰. Грандин в три года была молчаливым, холеричным ребёнком, фиксированным на вращающихся объектах, предпочитающим одиночество и играющим со своими фекалиями. Как и многие специалисты, она считает, что выраженность симптомов в возрасте двух-трёх лет часто не имеет значения для прогноза¹⁶¹.

Первоначальное удержание объектов влечений

Сегодня практически общепризнанно, что два самых ранних признака аутизма можно заметить очень рано: первый — примерно в три месяца — это избегание взгляда; второй — примерно в девять месяцев — отсутствие совместного внимания. Отсутствие совместного внимания означает, что ребёнок не использует взгляд, чтобы привлечь внимание взрослого к тому, что его интересует, указывая пальцем на предмет. У этих признаков есть нечто общее: аутичные дети не используют взгляд для общения. Феномен не незначительный: он всё ещё сохраняется у большинства высокофункциональных аутистов.

Однако аутичные дети избегают не только зрительного контакта (скопических взаимодействий) — все объекты, которые мобилизуются в первых обменах с родителями, в той или иной степени отвергаются или удерживаются, а именно: голос, фекалии и еда.

Каннер сразу же отмечает частоту ранних отказов от пищи. Удержание аналь-

159) Выступление Жана-Клода Мальваля состоялось в Лионе во вторник, 13 марта 2018 года в рамках ACF-RA. Публикуем здесь полный текст доклада. Он был просмотрен и частично изменён автором. — Здесь и далее сноски из оригинального французского текста.

160) Dovan J., Zucker C. (2010, out). Autism's First Child. Atlantic Magazin. October 2010.

161) Grandin T. Penser en images (1995), Paris, Odile Jacob, 1997.

ного объекта встречается не реже, чем удержание взгляда и голоса. Во избежание кишечной непроходимости иногда приходится прибегать к клизмам. С другой стороны, значительная часть аутичных детей в раннем возрасте остаётся безмолвной, отказываясь уступать свой голос ожиданиям Другого. Одни страдают от этого превосходящего их волю отказа, другие, похоже, сдерживаются из осторожности. «Почему мы не можем говорить как следует? — задается вопросом Хигасида на своем компьютере — Я не знаю. Но это не потому, что мы не хотим говорить — мы не можем говорить и сами страдаем из-за этого»¹⁶².

Изредка Зеллин произносит несколько слов, но не может объяснить, чем обусловлено его молчание:

...иногда я могу что-то неожиданно сказать
тогда я сам очень удивляюсь как это могло произойти
у меня нет объяснений
я просто думаю что это доказывает
что способность говорить существует
остаётся найти выход из молчания¹⁶³

Некоторые аутисты могут свидетельствовать, что отказ от голоса переживается ими как мучительная потеря субстанции, равносильная увечью: «Как нам потом рассказывали ранее безмолвствовавшие дети [по данным Беттельгейма], они не говорили потому, что речь полностью опустошила бы их мозг»¹⁶⁴.

Почему нужно скрывать взгляд? «Потому что, — говорит один, — это слишком тревожно». Зачем стремиться избегать дефекации? «Из-за страха, — признаётся другой, — что легкие взорвутся». Почему молчание? Из-за страха у некоторых, что мозг опустошится.

Все эти феномены убедительно свидетельствуют о том, что аутизм уходит корнями в очень ранние годы и коренится в страхе взаимодействия с другими людьми, который возникает не из-за непонимания социальных отношений, а из-за иррациональной тревоги, которую субъект не контролирует. Аутичный ребенок изначально отказывается пускать в обмен объекты влечений; это то, что замечает Донна Уильямс, подчёркивая, что в детстве всё, что крутилось вокруг «акта дарения и получения, оставалось для неё совершенно чуждым»¹⁶⁵.

В основе аутизма лежит удержание объектов влечений, что приводит к нарушению коммуникации, поскольку их уступка является основой для вступления в отношения с Другим. Первые крики аутичных детей — монотонные, без модуляций; малыши поразительно спокойные, либо же это частые завывания, которые ничто не может остановить. В обоих случаях родители не в состоянии интерпретировать их как требования.

Отчуждение без крепления к господствующему означаемому

Отказ от участия голоса в коммуникации порождает две частые формы поведения аутистов: молчание, когда их побуждают к ответу, и затыкание ушей, когда с ними разговаривают. Как же в таких условиях освоить язык? Похоже, что аути-

162) Хигасида Н. Митчелл Д. Почему я прыгаю. Внутренний мир 13-летнего мальчика с аутизмом. — Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2014. С. 15.

163) Sellin B. (1998), La solitude du déserteur, Paris, Robert Laffont, 1995, P. 25.

164) Bettelheim B. La forteresse vide, Paris, Gallimard, 1969, P. 89.

165) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 66.

сты используют два совершенно разных метода, которые объединяет то, что они избегают дара речи. Моттрон подчёркивает этот момент: «Аутичные дети учат язык, не проходя через два наиболее важных для типичного человека компонента: социальное взаимодействие и значение»¹⁶⁶. Для аутиста существует два основных канала вхождения в язык: первый — через скудный лепет и эхолалию, второй — преимущественно через письменную речь. В обоих случаях целью является уход от социального взаимодействия. Первый не задействует значение, второй — голосовое наслаждение. В результате возникает разительное расщепление между двумя способами выражения.

Часто, когда они говорят, — отмечает один из клиницистов, — аутичные люди делают это атональным, ровным, механическим голосом, как если бы [...] музыкальность языка была отделена от смысла, как если бы у них был выбор: говорить без мелодичности или издавать звуки без смысла: чистый смысл или чистый звук, информационный код или эмоциональная чувствительность, но никогда не вместе¹⁶⁷.

Чистый звук лепета и эхолалии, несущий в себе некомуникабельные эмоциональные переживания, разворачивается в многоречивом языке, подходящем для одиноких голосовых удовлетворений; тогда как овладение навыками письма способствует возникновению «чистого смысла», «информационного кода», фактического языка, пригодного для коммуникации, но отрезанного от аффектов.

Аутичный лепет

Еще в 1970-х годах психологи отметили, что избегающее поведение очень рано наблюдается у младенцев, становящихся аутичными; избегание зрительного контакта и отсутствие протодекларативных указательных жестов часто проявляется с первого года жизни. Принято считать, что эти младенцы не стремятся к взаимности, которая «организуется вокруг обмена взглядами, вокализациями, сменой ролей между матерью и ребёнком»¹⁶⁸. В течение первых месяцев некоторые аутичные дети не лепечут, а плачут или завывают, когда бодрствуют. Другие хранят молчание. Когда лепет присутствует, он чаще всего кажется монотонным (сравнимым с лепетом засыпающего ребенка), вялым, без интонационной модуляции. Более того, он не приспособливается к материнской речи. Некоторые аутисты лепечут в одиночестве, но прерываются в присутствии родителя.

Последние исследования лепета и вокализаций детей с аутизмом показывают, что их основные характеристики — статистически значимая скудность и меньший поиск взаимодействия с окружающими. От нуля до шести месяцев частота вокализаций оказалась одинаковой среди младенцев, становящихся аутичными, и остальных; зато разница становится очевидной, начиная с шести месяцев, с момента появления лепета¹⁶⁹. Когда лепет не отсутствует, исследования отмечают его атипичность: помимо меньшей частоты, он мало скоординирован взглядом, он скорее

166) Mottron L. L'intervention précoce pour enfants autistes. Nouveaux principes pour soutenir une autre intelligence, Paris, Mardaga, 2016, P. 188.

167) Hébert F. Rencontrer l'autiste et le psychotique, Paris, Vuibert, 2006, P. 208

168) Richer J. (1978), L'absence partielle de transmission culturelle chez l'enfant autiste, dans Rutter M., Schopler E., L'autisme. Une réévaluation des concepts et du traitement, Paris, PUF, 1991, P. 69.

169) Chericoni N., De Brito, Wanderley D., Constanzo V., Diniz-Gonçalves A., Leitgel Gille M., Parlato E., Cohen D., Apicella F., Calderoni S., Muratori F., Pre-linguistic Vocal Trajectories at 6-18 months of Age As Early Markers of Autism, 2016.

одиноким, чем интерактивный, короче говоря, он кажется менее социально-ориентированным.

Это очень важный момент, поскольку элементы лепета могут обрести значение только из ответа Другого. Вхождение в язык, подчёркивает Лакан, происходит через превращение (*mutation*) крика в призыв. Для того, чтобы субъект стал призывающим, необходима уступка голосового объекта; нужно, чтобы субъект согласился заставить «свой крик резонировать» в пустоте Другого, что позволяет «обнаружить отметины ответов, которые смогли сделать из его крика призыв». Когда Лакан писал эти строки в 1960 году, он ещё не разработал понятие S1, но уже обозначил его как «знаки отличия (*insignes*) отметин, в которые вписано всемогущество ответа»¹⁷⁰. Таким образом, он указывает, что ребёнок входит в язык, выбирает одно из означающих, предложенных в качестве ответа на его крик, которое становится S1, способным преобразовать крик в призыв. Если это действительно так, если означающее ответа Другого должно быть сначала услышано, чтобы крик стёрся под S1 призыва, отчуждение в дискурсе Другого должно быть заметно по лепету. Однако именно это и утверждают теперь современные лингвисты, уже не сводя лепет к бессмысленным вокализациям. Они отмечают, что речь идёт о протоязыке, который обеспечивает вхождение в язык. По их мнению, лепет — это не собственно язык, но некий язык, закладывающий основу для развития речи¹⁷¹, поэтому нет разрыва между формами лепета и формами первых слов: «создаётся впечатление, что некоторые дети выбирают свои первые слова из звуков лепета, которые им нравилось издавать»¹⁷². В этом отношении вполне закономерно, что скудность лепета аутичного ребенка продлевается между двенадцатью и восемнадцатью месяцами за счёт все меньшего количества адресованных первых слов¹⁷³. Долгое время считалось, что лепет — не более чем неструктурированный хаос, но оказалось, что уже с восьмого месяца он свидетельствует о ранней адаптации к структурным принципам родного языка. Лепет английского ребенка отличается от лепета французского, шведского, алжирского или японского, так как он уже свидетельствует о закреплении субъекта и его акта высказывания в дискурсе Другого.

Было показано, что типичный ребёнок «сопровождает отдельные вокализации требованиями, манипуляциями с предметами, как например, сортирование кубиков, или жестами, такими как сидение»¹⁷⁴ настолько, что лепет может быть использован для выражения желаний, интересов и отказов. Лепет не является «аутичным» в смысле «вне коммуникации», он настолько реален, что взрослый может использовать его, чтобы спровоцировать ответ со стороны ребёнка. Лефор выдвигают гипотезу, что аутичные дети не лепечут, утверждая, что они не входят в язык, проходя через «лепет лаланга (*lalangue*)»¹⁷⁵, поэтому у них не будет ни S1, ни лалан-

170) Lacan J. *Remarque sur le rapport de Daniel Lagache*, Écrits, Paris, Seuil, 1966, P. 679.

171) Boysson-Bardies B. *Comment la parole vient aux enfants*, Paris, Odile Jacob, 1996, P. 60.

172) Lefort R., Lefort R. *La distinction de l'autisme*, Seuil, Champ freudien, 2003, Paris, P. 166.

173) Chericoni N., De Brito, Wanderley D., Constanzo V., Diniz-Gonçalves A., Leitgel Gille M., Parlato E., Cohen D., Apicella F., Calderoni S., Muratori F., *Pre-linguistic Vocal Trajectories at 6-18 months of Age As Early Markers of Autism*, 2016. P. 8.

174) Blake J., Boysson-Bardies B. *Patterns in babbling: a cross-linguistic study*, *Journal of Child Language*, 19(1), 1992. P. 51-74.

175) Lefort R., Lefort R. *L'autisme, spécificité*, dans Collectif, *Le symptôme-charlatan*, textes réunis par la Fondation du Champ freudien, Paris, Le Seuil, 1998, P. 315.

га¹⁷⁶. Однако в последних исследованиях подчёркивается, что основной характеристикой аутичного лепета является не его отсутствие, а его «статистически значимая скудность» и отсутствие социальной ориентации, что приводит к гипотезе о «скудном» лаланге.

Сближение между лепетом и лалангом использовалось самим Лаканом — он выбрал термин *lalangue* потому, что хотел сделать его наиболее близким по звучанию к слову *lallation*¹⁷⁷. Лалляция (*lallation*) — это синоним «бормотания», «гуления» или «лепетания» — терминов, обозначающих этап развития языка, который начинается примерно через шесть месяцев после первых вокализаций и постепенно сходит на нет к двенадцати месяцам, с появлением первых слов. Лаланг (чистая батарея означающих, без грамматики, состоящая из S1, основанная на детской омофонии) уходит корнями в лепет. Лаланг представляет из себя то, за счёт чего производится отелеснивание, инкорпорирование (*incorporation*) означающего. «Лаланг, — утверждает Лакан — по сравнению с фаллическим наслаждением это росток, чуть-чуть (*brin*) наслаждения. Поэтому он пускает свои корни так глубоко в тело»¹⁷⁸. С этого времени наслаждение тела оживляется посредством лаланга; «пока он соединён с реальностью чувств, которые обозначает»¹⁷⁹. «Происходит встреча тела и лаланга — уточняет Миллер — и из этой встречи рождаются метки, которые являются отметинами на теле. Лакан называет консистентность этих отметин синтомом. Так он может свести симптом к событию тела, к чему-то, что случилось с телом из-за лаланга»¹⁸⁰. Кроме того, он позволяет субъекту воспринимать телесные модификации в форме сознательных аффектов: «аффекты эти — как уточняет Лакан — являются результатом присутствия лаланга, в котором артикулируется знание (*savoir*) — знание, выходящее за пределы того, что говорящему существу удастся высказать»¹⁸¹.

Поскольку крик не трансформируется в призыв, аутист воспринимает означающие пассивно и не интерактивно, так что они не обладают способностью обрести смысл при артикуляции с другими означающими. Специфика аутистического лаланга заключается в том, что из него не возникают господствующие означающие. Он не поддаётся артикуляции, которая производит оживление телесного наслаждения. Тогда уместно уточнить, как иногда отмечают Лефор, что при аутизме проблема не просто с совсем одиноким S1, а «форкклюзировано крепление к первоначальному господствующему означающему, S1»¹⁸². На переднем крае клиники детского аутизма благодаря многоречивому языку и произвольным вокализациям возникает лаланг, который не стирается, поскольку не артикулируется в дискурсе Другого. Он состоит из одиноких S1 самих по себе, расположенных бок о

176) Понятие *lalangue* (язык) не имеет точного эквивалента в русском языке и в данной работе переводится как «лаланг», чтобы сохранить созвучие с лалляцией. Неологизм введен Жаком Лаканом и образован от *la langue* (язык, фр.) путём слитного написания. Александр Черноглазов, переводчик семинаров Лакана на русский язык, перевёл *lalangue* как «язык», сделав акцент на особенности написания. — Прим. пер.

177) Lacan J. *Le Séminaire. Livre XXI: Les non-dupes errent*. — Leçon du 11 Juin 1974, inédit.

178) Lacan J. *Le Séminaire. Livre XXI: Les non-dupes errent*. — Leçon du 11 Juin 1974, inédit.

179) Ibid.

180) Miller J-A. (2005). *Pièces détachées*, *La Cause freudienne*, n° 61, P. 152.

181) Лакан Ж. Семинары. Книга XX: Ещё. — М.: Логос / Гнозис, 2011. С. 124.

182) Lefort R., Lefort R. *L'autisme, spécificité*, dans Collectif, *Le symptôme-charlatan, textes réunis par la Fondation du Champ freudien*, Paris, Le Seuil, 1998, P. 26.

бок. Они служат не коммуникации, а одинокому удовлетворению. Бедность аутистического лаланга заключается в том, что его S1 не обладают потенциалом стать господствующими означающими, способными отметить тело буквой по принципу синтома.

Непроизвольные вокализации

В 1946 году, наблюдая за двадцатью тремя аутичными детьми, Каннер отметил странный феномен, связанный с мутизмом восьми из них: «в редких случаях [он] прерывается произнесением законченной фразы в чрезвычайных ситуациях»¹⁸³.

Что чаще всего говорят в такие моменты? Первая фраза, произнесённая Биргером Зеллином — «верни мне мой шар» — была адресована его отцу, который только что забрал у него один из его аутистических объектов¹⁸⁴. Или, как сообщает Беркес, пятилетний мальчик, «от которого никто никогда в жизни не слышал ни единого слова, смутился, оказавшись в неловком положении, когда кожица сливы прилипла к его нёбу. Тогда он отчетливо воскликнул: «Снимите это с меня!» — а затем снова погрузился в прежнее молчание. Другой мутичный четырёхлетний ребёнок во время осмотра педиатром закричал: «Я хочу домой», — а год спустя, во время госпитализации из-за бронхита, воскликнул: «Я хочу вернуться»¹⁸⁵.

Во всех этих фразах есть нечто общее: в них чётко прослеживается наличие субъекта акта высказывания. Непроизвольная вокализация — это не трудоёмкая интеллектуальная конструкция, а речь, выходящая из нутра. Её императивный характер свидетельствует о голосовом наслаждении, которое её мобилизует. Однако, особенно когда высказывание адресовано, этот опыт оказывается душераздирающим для аутичного ребенка. Только на пике тревоги он может издать такой звук. Это переживается как увечье, поскольку в игру вступает не только инаковость, но и уступка объекта голосового наслаждения. Вместо того, чтобы повторять этот мучительный опыт, субъект стремится защититься от его возобновления, замуравывая себя в ещё более глубокое молчание.

Неожиданный акт высказывания возникает только в тревожных ситуациях, носящих необходимый или неотложный характер. В этих обстоятельствах это не обдуманый и предполагаемый субъективный выбор, а своего рода рефлекс, спровоцированный контекстом. Субъект не может ни модулировать то, что он только что сказал, ни перефразировать себя, ни комментировать, ни дать рефлексивный ответ. Эти феномены свидетельствуют, по мнению Данон-Буало, психоаналитика и лингвиста, об «автоматической речи», не опосредованной мышлением, поскольку ситуация напрямую активизирует аффект или моторику, которые заставляют слова вылетать изо рта¹⁸⁶. Он сравнивает это с ругательствами или восклицаниями удивления, ускользающими от говорящего. Непроизвольные вокализации не репрезентируют субъекта: они представляют собой извлечение голосового наслаждения, эквивалентное неконтролируемой дефекации, еде без чувства голода или взгляду в пустоту. Они состоят из совсем одиноких S1.

183) Kanner L. Le langage hors-propos et métaphorique dans l'autisme infantile précoce, *American Journal of Psychiatry*, 1946, n° 103, P. 242.

184) Sellin B. *Une âme prisonnière* (1993), Paris, Robert Laffont, 1994, P. 24.

185) Berquez G. *L'autisme infantile. Introduction à une clinique relationnelle selon Kanner*, Paris, PUF, 1983, P. 107.

186) Danon-Boileau L. *Des enfants sans langage*, Paris, Odile Jacob, 2002, P. 213.

Многоречивый язык

В 1975 году, в эпоху, когда наиболее распространённым было представление о том, что аутисты являются немymi существами, Лакан удивляет, отмечая, что он находит их «скорее многоречивыми: «Пусть вам трудно услышать их, трудно понять, к чему они ведут речь, — отмечает он, — они всё равно остаются скорее многоречивыми персонажами»¹⁸⁷. Тем самым он подчёркивает существенную часть клиники аутизма, в которой на первый план выходит язык совсем одиноких S1. Непроизвольные вокализации и монологи в многоречивом языке состоят из одного и того же материала. Они производятся для одинокого удовлетворения, а не для инициирования словесного обмена. Вот что Лакан заметил о Дике, проанализированном Мелани Кляйн, когда ему было четыре года: «У этого ребёнка, — говорит он, — нет желания дать себя понять, он не стремится к общению, а единственной деятельностью, отмеченной более или менее игровым характером, является издавание звуков и получение удовольствия от звуков без значения, от шума»¹⁸⁸.

Многоречивый язык находит главный источник в эхоталии: он питается отголосками двойника, а не ответами Другого. «Устная речь аутистов — отмечает Лорен Моттрон, — когда она начинает проявляться, заимствована из неинтерактивных ситуаций (песни, реклама, молитвы, титры), а не является непосредственно референтной»¹⁸⁹. Когда аутичные дети не немы, их оригинальная вербализация наводит Каннера на мысль о «языке попугаев» или «отсроченной эхоталии». Иногда родители замечают, что ребёнок с лёгкостью усваивает новые слова, не учась говорить, поскольку его речь не несёт в себе сообщения. Они описывают этот феномен, отмечая, что ребёнок произносит слова, но не пользуется ими.

По мере взросления ребёнка многоречивый язык часто приобретает более сложные формы, он может казаться адресованным, но по сути своей остается солилоквием. Уильямс признаётся, что в школе она хорошо читала, потому что чтение вслух было для неё «лишь социально-приемлемым способом послушать звук [своего] собственного голоса»¹⁹⁰. На самом деле она мешала классу, постоянно разговаривая вслух сама с собой.

«Говорили, что мне просто нравится звук собственного голоса, — комментирует она. Наверное, это было правдой. Может быть, они считали меня умной — говорит она, — но я была не очень-то разумной. Я не столько разговаривала с людьми, сколько надоедала им своими солилоквиями, как будто весь разговор должен был сводиться к этому»¹⁹¹.

Аутистическое многоречие (*verbiage*) может использоваться для самых разных целей, даже для попыток общения намёками, но, помимо удовлетворения, которое оно приносит, его основные функции — защитные: «инструмент сокрытия или нападения», отмечает Уильямс¹⁹². Оно помогает сохранить контроль над псевдо-обме-

187) Lacan J. Conférence à Genève sur le symptôme (4 oct. 1975), Le Bloc-Notes de la Psychanalyse, n° 5, 1985, P. 20.

188) Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. — М.: Гнозис / Логос, 2009. С. 110.

189) Mottron L. L'intervention précoce pour enfants autistes. Nouveaux principes pour soutenir une autre intelligence, Paris, Mardaga, 2016, P. 202.

190) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 49.

191) Ibid. P. 50.

192) Ibid. P. 140.

ном и держать с другим дистанцию.

Время от времени многоречивый язык приводит к появлению упорядоченных последовательностей: «Тьерри в четыре года четыре месяца — рассказывает Лемэй, — торжественным тоном перечисляет имена всех своих одноклассников в дошкольном учреждении. Хосе в четыре года и один месяц перечисляет несколько улиц, окружающих его дом»¹⁹³. Такие попытки распознать порядок в языке и в хаотичном мире могут привести к тому, что аутист попытается сконструировать его сам, создав личный язык.

Личные языки

Аутичные люди не любят двусмысленностей языка (экивоков). Чтобы от них защититься, когда стремятся к общению, они придерживаются фактического языка, который, как мы будем настаивать, должен быть точным, как код; но иногда также разрабатывают язык для собственного использования. Они предполагают либо что этот язык лучше подходит для выражения их эмоций, либо что он помогает им достичь «ясности». Анник Деше выдвигает первое из этих предположений: «Аутичный человек рассуждает очень изолированно», — отмечает она. «Он играет со словами, кодируя их в соответствии со своим эмоциональным состоянием, он составляет свой словарь»¹⁹⁴. Зеллин больше склоняется ко второму:

«...мастерски найти — пишет он, — простой и необходимый язык понятную для всех артикуляцию, резонирующий как туманные существа языки с чувством рассказывающие о том что мешает туманным существам достичь ясности гигантской и несомненной человеческой массы»¹⁹⁵

Конечно, когда этот язык в общих чертах обрисован, мечта о том, что он будет «понятным для всех», быстро улечучивается. В рассказе о своей внутренней жизни Зеллин признаётся, что он более или менее точно наметил разработку такого личного языка:

«я бы хотел рассказать сегодня как это происходит дома “tonukohass” я оставлю это слово оно означает «не расстраивайся» на языке без дополнения это язык для всех как говорится придурков я его изобрел в этом языке есть личная грамматика “tiokeea” означает что волосы в косе сегодня длинные»¹⁹⁶.

Этот личный язык, состоящий из неологизмов, мог бы иметь словарь и грамматику, но поскольку они известны только их изобретателю, он может передать слушателю только герметичные означающие.

С первых вокализаций у аутичных детей иногда появляется тенденция к созданию личного языка. Даже когда его понимают родственники, он вряд ли служит общению: это скорее поиск более или менее одиноких словесных удовольствий, сопровождающийся стремлением к порядку и ясности. Так примерно в возрасте трёх с половиной лет Тео изобрел неологический язык, который удалось понять его окружению. Его родственники тогда стали говорить с ним на этом языке. Однако, — как отмечает его мать, Валери Ге, — он отказался, «чтобы мы отвечали ему на его

193) Lemay M. L'autisme aujourd'hui, Paris, Odile Jacob, 2004, P. 146.

194) Deshayes A. Libres propos philosophiques d'une autiste, Paris, Presses De La Renaissance, 2009, P. 25.

195) Sellin B. Une âme prisonnière (1993), Paris, Robert Laffont, 1994, P. 117.

196) Ibid. P. 86-87.

языке. Мы должны были продолжать разговаривать с ним, как обычно, и он отвечал нам на своем переизобретённом языке»¹⁹⁷.

Тео явно утверждал себя в этих обстоятельствах как господин языка, который он стремился создать, но которым не стремится поделиться. Когда ему было четыре года, его окружение и логопед начали записывать его личный язык. Они составили словарь из ста пятидесяти слов¹⁹⁸. Из них семь — глаголы, а первые двадцать — цифры, тогда как существительные в значительной степени преобладают. Некоторые термины являются искажениями дискурса Другого (crocodile/Co-co-gli, Gâteau/Ako, что можно перевести на русский как крокодил/Ко-ко-гли, Торт/Орт), но многие из них являются изобретениями, не связанными с ним (Livre/yiyi, Chaussure/ya-ya, Lit/odo, Pommade/ba, что на русском можно передать как Книга/Ийи, Обувь/Я-я, Кровать/Одо, Мазь/Ба). Две характеристики этого частного языка ясно показывают, что это не лаланг. Согласно Лакану, лаланг подвержен экивокам¹⁹⁹, он держится только на недоразумениях и омофониях, так что исключается возможность составить из него словарь. С другой стороны, Ж.-А. Миллер считает, что для лаланга характерна «неконсистентная множественность»²⁰⁰, но личный язык Тео не является таковым, поскольку он хотя бы частично организован, включая последовательность чисел от 1 до 20²⁰¹. Этот язык не содержит каких-либо абстрактных терминов, в нём закреплено значение каждого из элементов, однозначно относящееся к конкретному объекту. Он стремится внести порядок и ясность в двусмысленность языка. Примечательно, что Тео не предоставляет никому другому права пользоваться им: удовлетворение, которое доставляет ему объект его изобретения, зарезервировано для него. Делиться им он не намерен. Вполне вероятно, что если бы Другой использовал его, он рискнул бы исказить его ясность.

Язык Тео соответствует тому, что наблюдается у более взрослых людей с аутизмом Аспергера: он избегает двусмысленности и стремится к упорядоченным последовательностям. Он может позволить определенное общение с окружением, но он не создан для общения. Если некоторым родителям и удастся его понять, то главным образом потому, что они практиковались в его расшифровке, а не по инициативе их ребенка.

Более сложные личные языки, созданные высокофункциональными аутистами, имеют те же характеристики: они направлены на уменьшение двусмысленности языка и представляют собой объекты одинокого удовлетворения, что делает их малопригодными для общения. Есть аутисты, которые сообщают, что с самого начала воспринимали личный язык как «родной язык»²⁰². Иногда он не изобретается, для Таммета он уже был: «с раннего детства он усвоил язык чисел. Обладая кинестетическим восприятием, он воспринимает каждое число через множество форм, цветов, текстур и движений. Например, цифра 1 — пишет он, — блестящего

197) Gay-Corajoud, V. *Nos mondes entremêlés*, Imprim'vert. 2018, P. 95.

198) Я благодарю В. Ге за предоставление неопубликованного документа, в котором записан личный язык Тео. — Прим. авт.

199) Lacan J. « L'étourdit », *Autres écrits*, Paris, Seuil, 2001, p. 490.

200) Miller J-A. « Théorie de lalangue », *Ornicar ? Bulletin périodique du Champ freudien*, 1975, p. 27.

201) 1/Aa ; 2/Na ; 3/Ya ; 4/Ka ; 5/Yaa ; 6/Si ; 7/Sa ; 8/oui ; 9/lo ; 10/Di ; 11/On ; 12/dou ; 13/Ttai ; 14/To ; 15/Tin ; 16/Té ; 17/di-sa ; 18/di-oui ; 19/Dio ; 20/va

202) «Числа — мой родной язык — язык, на котором я думаю и чувствую» (Tammiet, 2007, p. 15).

и ослепительно белого цвета, как будто кто-то светит фонариком мне в глаза»²⁰³. Таким образом, каждый элемент его родного языка представляет собой сложный объект, порождающий разнообразные восприятия. Их свойства выходят на первый план, характеризуя его, так что числа Таммета воспринимаются по одному, независимо от их дифференциального значения; именно поэтому он способен производить вычисления, комбинируя их формы. Этот личный язык нагружен исключительным наслаждением и вызывает у него сильные эмоции. Когда он произносил запомненные им 22 500 знаков после запятой в числе Пи, у него было чувство, по его признанию, что он стал «выразителем Пи»²⁰⁴. Язык чисел — это объект, которому он передаёт свой голос; это не субъективированный язык. Это подтверждается, когда он замечает, что не знает, откуда берётся смысл, придаваемый этому языку: он отмечает, что среда — синяя, но не может сказать, почему. Он, конечно, даёт ему ощущение соприкосновения с эмоциями, но не выражает их: он их вызывает. Он понимает, что он не способен их передать. Когда Таммет читает сочиненное им стихотворение из цифр, его эмоции очевидны, но они остаются непонятными для слушателя. Его язык чисел — это не лаланг, а объект, приносящий одинокое удовлетворение, несущий смысл, с которым субъект согласен, но посредством которого он не может передать свой опыт. Более того, это объект, который поддаётся удивительным манипуляциям, позволяющим ему производить удивительные запоминания и поразительные вычисления. Для этого, конечно, он не должен быть неконсистентной множественностью, а его элементы не должны быть двусмысленными.

С помощью другого своего личного языка, *Mänti*, Таммет стремится говорить на «собственном языке, который был бы выразительным и коммуникабельным выражением [его] интимности»²⁰⁵. Однако все приведенные примеры относятся к словам, обозначающим предметы или абстракции²⁰⁶, и ни одно из них не относится к чувствам или телесным переживаниям. Термины в *Mänti* образованы таким образом, что имеют определённое сходство с обозначаемыми вещами. Слово *Mänti*, выбранное для названия этого языка, образовано от финского *mänty* — сосна, поскольку «сосны часто растут большими группами и символизируют дружбу и общество»²⁰⁷. Кроме того, Таммет изобретает слова, которые благодаря определённому изоморфизму устанавливают новые связи между вещами, например, *hamma* (зуб) и *hemme* (муравей — насекомое, которое кусается). *Mänti* часто производится из письма на различных иностранных языках. Имея «словарный запас более тысячи слов»²⁰⁸, он не подвержен двусмысленности (экивокам), более того, у него есть грамматика — два признака, которые явно отличают его от лаланг. Его создание, по-видимому, в значительной степени основано на визуальных и конкретных данных, поэтому он плохо приспособлен для выражения изменчивых, тонких данных чувств и ощущений. Более того, он остаётся непригодным для общения: Таммет — единственный человек, который понимает «*Mänti*» — язык, на котором никто не говорит, язык без Другого.

203) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, p. 11.

204) Tammet D. (2018), Conférence à l'Université Rennes 2 ; du 28 Mars 2018.

205) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, p. 182.

206) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, p. 181.

207) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, p. 181.

208) Ibid.

Референт в знаках Mänti или знаках языка Тео однозначен, а числа Таммета составляют «числовой и визуальный словарь», характерный для его создателя²⁰⁹. Каждый термин личного языка является носителем смысла, которому можно дать чёткое определение. В лаланге, напротив, означающие ждут смысла, который возникает только через сочленение с S2. Элементы личного языка не ожидают появления других элементов, которые бы их определяли. Они кажутся самодостаточными.

В личном языке иногда возникают неологизмы, но они имеют совершенно другую природу, отличную от неологизмов параноиков. Для параноиков неологизмы имеют очевидный характер в отношении их значения, что позволяет им общаться, не теряя самой вещи. Для аутистов неологизмы часто являются частью тайного языка, созданного ими самими и не предназначенного для общения. Параноики используют неологизмы для создания универсального языка, в то время как аутисты прячут их в личном языке.

Одна из сложных форм личного языка строится с использованием означающих, соответствующих специальному интересу. Интенсивное наслаждение связано с их присвоением и знанием (*connaissance*) того, как они упорядочены.

«Я могу говорить только за себя, — пишет Люк Джексон, человек с аутизмом Аспергера, — но когда у меня что-то на уме, остальной мир перестает существовать. Я предполагаю, это можно назвать эгоизмом, и я действительно стараюсь больше думать о других, но иногда это действительно очень сложно. Будь то динозавры (спешу уточнить, что это было, когда я был маленьким), покемоны, Плейстейшн или компьютеры — последние всегда были для меня постоянным увлечением — я чувствую, что во мне поднимается такая волна возбуждения, что я даже не могу её описать. Мне обязательно нужно обсудить эту тему. Если что-то меня останавливает, то это приводит меня в такое состояние, что я легко могу впасть в безумную ярость. Когда я пишу все это, я понимаю, как безумно это звучит, но я лишь описываю реальность»²¹⁰.

Кажется, что аутист стремится продемонстрировать свои знания, относящиеся к специальному интересу, но на самом деле экстремально инвестируя в него, он с самого начала уклоняется от общения и отрезает себя от других. «Ты заметил, — спрашивают одного из них, — что через некоторое время людям становится скучно и они пытаются говорить о чем-то другом?» Он отвечает: «Я прекрасно это знаю, поэтому у меня и нет друзей, но они должны меня слушать, иначе они для меня никто»²¹¹.

В возрасте около десяти лет Таммет даже не осознавал, что надоедает тем, с кем он разделял свои интересы, однако его свидетельство встаёт в один ряд с уже сказанным:

Когда я разговаривал с кем-то, я говорил без остановки, не делая пауз. Мысль о том, чтобы прерваться или поговорить по очереди, не приходила мне в голову. [...] Я не понимал, что цель разговора не в том, чтобы говорить только о вещах, которые вас интересуют. Я говорил очень подробно, пока не выскажу все, что намеревался сказать. Я чувствовал, что взорвусь, если меня прервут. Мне никогда не приходило

209) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, p. 13.

210) Jackson L. *Excentriques, Phénomènes et Syndrome d'Asperger*, Paris, AFD Editions, Mouans Sartoux, 2007, p. 41.

211) Lemay M. *L'autisme aujourd'hui*, Paris, Odile Jacob, 2004, p. 148.

в голову, что тема, о которой я говорил, может быть неинтересна собеседнику. Я также никогда не замечал, начинает ли он проявлять нетерпение или оглядывается по сторонам. Я продолжал говорить, пока кто-то не скажет что-то вроде: «Мне пора идти»²¹².

Аутисты, кажется, склонны к общению исходя из своего специального интереса; но на самом деле означающие, составляющие его, изначально используются скорее для блокирования диалога. Интенсивные либидинальные инвестиции аутистов прежде всего ставятся на службу солилоквиям, что свидетельствует о природе этих означающих как совсем одиноких S1.

Хотя личные языки входят в резонанс с телом, скорее вызывая, а не передавая эмоции, они не являются многоречивыми лалангами. Это оригинальные конструкции, стремящиеся к порядку и ясности. Они непригодны для коммуникации, не основаны на уступке голоса, не включают в себя функцию господствующего означающего: иногда Таммет не знает, откуда берётся смысл, иногда он его придумывает; в обоих случаях смысл оказывается солипсистским, он действителен, понятен только для него самого. Частный язык — это язык S1, он не образует социальных связей, но из-за характерных для него набросков конструкций и упорядочиваний он не является неконсистентным лалангом.

Фактический язык застывших знаков

Важность, придаваемая использованию только совсем одиноких S1 в речи аутиста, не делает его изгнанником из вербального обмена: он не всегда многоречив и не всегда замкнут в себе. Уильямс выделяет два возможных варианта использования слов: в первом случае, как мы уже говорили, речь идёт об одиноком наслаждении звуком; во втором — слова становятся, по её выражению, носителями информации, поддерживающими накопление фактов²¹³. Таково расщепление, которым оперируют аутисты при обращении с речью. При аутизме Каннера преобладает многоречивый язык (*la langue verbeuse*), в то время как другой основной язык, фактический язык (*la langue factuelle*), наиболее развит у аутистов Аспергера. В описанном Уильямс расщеплении в отношении собственной субъективной конструкции, фактический язык, часто называемый функциональным, исходит от той её части, которая сформировалась под влиянием воспитания, то есть находится в контакте с дискурсом Другого, тогда как многоречивый язык принадлежит её личной вселенной, «полностью отрезанной от остального мира»²¹⁴.

Каковы характеристики «языка накопления фактов», упомянутого Уильямс? Начнём с примера, приведённого Кантзасом. Джордж повторяет краткую историю:

охотник за шкурами встает очень рано утром. Он выходит из дома с ружьем и множеством собак и отправляется в лес. Увидев лису, собаки начинают лаять. Охотник вскидывает ружье, стреляет и убивает лису. Затем охотник идет на рынок, чтобы продать лисью шкуру, из которой делают одежду на меху²¹⁵

Эта последовательность фактов, без комментариев, без аффектов, кажется направленной на простое представление вещей без участия произносящего голоса.

212) Tammet D. Je suis né un jour bleu, Paris, Les Arènes, 2007, p. 85.

213) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, p. 169.

214) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, p. 274.

215) Kantzas P. Le passe-temps d'un Dieu. Analyse de l'autisme infantile, Paris, Dialogues, 1987, pp. 121-122.

Другая наблюдательница этих феноменов отмечает, что подобные высказывания носят по существу «констатирующий характер» и лишены какого-либо намерения. Обин, например, не мог сказать, что одного из его одноклассников учитель наказал за непослушание. «Комментарии этого ребёнка, — сообщает Б. Донвиль, — сводились к деталям, к упоминанию цвета пальто одноклассника, к комментариям, которые он делал ни с того ни с сего, хотя его ни о чем конкретном не просили». При этом в высказываниях, которые, тем не менее, были адресованы, присутствовал элемент солилоквизма.

Он просто стоял перед матерью, чтобы сообщить ей об этом, а потом молчал, ничего не добавляя. В его языке не было ничего повествовательного, описывающего или стремящегося к выводу; в лучшем случае он изредка приводил какие-то соображения, из которых не делал никаких выводов...²¹⁶

Такие высказывания сильно отличаются от многоречия: они являются частью попытки общения, поэтому должны быть произнесены на языке собеседника. Более того, наслаждение от речи стирается, в то время как в многоречии оно утверждается.

Одна из особенностей фактического языка аутистов, подчёркиваемая всеми специалистами, заключается в обильном использовании существительных — лингвистической категории, просто выражающей существование вещей. Привязка к конкретности, о которой она свидетельствует, по-видимому, проистекает из стремления использовать главным образом только слова, имеющие в качестве референта объект, который можно идентифицировать в реальности. Внимательно наблюдавшая за языком своей аутичной дочери Клара Парк говорит:

Будь то конкретные или абстрактные, она сразу схватывала все абсолютные слова, выражающие понятия, которые определимы и понятны сами по себе: «коробка», «кошка», «жираф», «прямоугольник», «число», «буква». С другой стороны, она была не в состоянии понять слова отношений, те, которые находят свой полный смысл только в ситуации, когда человеческий фактор играет роль [...] ²¹⁷.

Действительно, существует много слов, для понимания которых требуется понимание контекста и связи с другими словами. Нельзя, например, дать определение ни малой, ни абсолютной величине. Ведь со времен Соссюра известно, что «в языке есть только различия»: знак, означающее и означаемое определяются только в системах дифференциальных и взаимозависимых оппозиций. Отсюда следует, что элемент приобретает значение, когда вступает в контакт с другими, что предполагает субъективную работу, вынесение суждения, на которое не рискует пойти человек с аутизмом Каннера. Он ориентируется на язык, который описывал бы факты без необходимости их интерпретировать. Поэтому его идеалом был бы код, который сумел бы постоянно и жёстко связывать слова с чётко определёнными объектами или ситуациями.

Проблема для аутистов состоит не в сложности языка — объясняет К. Назир, — на самом деле это скорее им помогает, поскольку чем больше в нём слов, тем меньше вероятность того, что отдельное слово будет многозначным. Чем больше правил

216) Donville B. Vaincre l'autisme, Paris, Odile Jacob, 2006, p. 68.

217) Park C. Histoire d'Elly (1967). Calmann-Lévy, Paris, 1972, p. 216.

и структур, тем меньше аутисту приходится полагаться на интуицию и контекст²¹⁸.

Идеалом для них, подчёркивает он, было бы «один смысл/одно слово» (*un sens/un mot*) — то есть язык, который сводился бы к коду, следовательно, был бы полностью выстроен из знаков.

Скрепление знака в ситуации обучения

Одна из первоначальных характеристик фактического языка коренится в постоянстве исходной ситуации обучения. Каннер сразу же отмечает этот феномен. Отец Дона, — пишет он, — пытался научить его говорить «да» и «нет». Он спросил его: «Хочешь, чтобы я посадил тебя на плечи?» Дон эхоталитично повторил вопрос, что означало его согласие. Тогда отец сказал ему: «Если хочешь, скажи “да”, если не хочешь, скажи “нет”. Дон произнес “да”, чего ожидал его отец, который затем посадил его к себе на плечи. Но, увы, Дон в течение многих лет никогда не говорил “да”, кроме как протягивая руки к плечам отца. “Да” означало только желание мальчика оказаться на плечах у отца»²¹⁹.

Грандин отмечает, что люди с аутизмом Каннера «не в состоянии справиться с малейшим отклонением от образов, хранящихся в их памяти»²²⁰. Иногда они создают слова, которые можно понять, только зная ситуацию, которая их породила. Во время развития речи своего сына Томаса, Хильда де Клерк с удивлением обнаружила, что он придумывает слова для названия предметов, которые выполняют одну и ту же функцию, но выглядят по-разному. Например, он использовал разные названия для «велосипеда». У него был «велосипед», «трактор», «колеса в грязи», «колеса в траве» и «маленькие ножки на педалях». Все считали его очень творческим, но у меня были сомнения, — комментирует его мама, — я думала, что он не может по-другому. Когда я сказала ему: «Пошли кататься на велосипеде», он не понял, потому что в тот момент он видел только «маленькие ножки на педалях». Для него слово «велосипед» ещё не имело обобщённого значения²²¹.

Поскольку термины и выражения фактического языка привязаны к исходной ситуации, в которой они были приобретены, их значение, как правило, остается неизменным. Такой язык кодирует реальность. В нём достигается идеал: одно слово/один смысл (*un mot/un sens*). Не только слово должно быть однозначным, но и сами вещи не должны менять своих названий.

Лингвисты обнаружили, что дети быстро усваивают, что у одного предмета может быть несколько названий. Собака — это животное и её можно называть Медор или Песик. Кажется, для них это не проблема. «Они готовы к тому, что папа также будет месье, и что ещё его называют Пьер или Поль, или “мой дорогой”»²²². Но для аутичного ребенка это не нечто само собой разумеющееся. Для них, независимо от того, является ли знак звуковым или библейским, он долгое время остаётся соотносённым с конкретным опытом. Это объясняет, почему прекрасная музыкальная память аутичного ребенка всегда наталкивается на одну и ту же ошибку, присущую первому прослушиванию, или на то почему орфографическая ошибка всегда вос-

218) Nazeer K. *Laissez entrer les idiots*, Paris, Oh Editions, 2006, P. 26.

219) Kanner L. “*Troubles autistiques du contact affectif*”, dans Berquez G. *L'autisme infantile*, Paris, PUF, 1983, P. 221.

220) Grandin T. *Penser en images*, Paris, Odile Jacob, 1997, P. 184.

221) De Clercq H. *Dis maman, c'est un homme ou un animal?*, Paris, AFD, 2005, pp. 22-23.

222) Boysson-Bardies B. *Comment la parole vient aux enfants*, Paris, Odile Jacob, 1996, p. 158.

производится, потому что она присутствовала в первом тексте, в котором встречается это слово. Трудность обобщения у аутистов коренится в ригидности знака, отягощённого постоянством ситуации обучения, вследствие чего он мало способен меняться при изменении контекста. «Если я чему-то научилась, стоя с женщиной в летний день, — пишет Уильямс, — то этот урок ничего не даст, окажись я в аналогичной ситуации в другой комнате с мужчиной зимним вечером»²²³. В результате, даже будучи схваченным в языке Другого, фактический язык вовсе не исключает радикальных недоразумений при общении, возникающих в результате слишком буквального принятия информации.

Как-то раз меня отчитали за то, что я нарисовала граффити на стене здания Парламента во время экскурсии, — рассказывает Уильямс, — и я обещала, что больше никогда не буду этого делать. Но уже через десять минут меня застали за рисованием на стене школы. На самом деле я вовсе не игнорировала то, что мне говорили, как и не пыталась дурачиться: то, что мне запретили относилось к стенам Парламента, но не относилось к стенам школы. Я не делала то же самое, что и раньше. Вот и всё²²⁴.

Аутичные люди долгое время испытывают трудности со знаками, которые не могут быть связаны ни с конкретным референтом, ни с образом. Все они отмечают, что им трудно дается синтаксис и спряжения. Как только понятие отрывается от референта и переходит от конкретного элемента к обобщению, понимание аутиста сталкивается с препятствием:

«Мне всегда было трудно понять, — признаётся Уильямс, — как что-то одно превращается в другое. Я знала, что такое коровы, но когда они становились стадом, они переставали быть для меня коровами. Я понимала, что «стадо» — это слово для нескольких коров, но понятия не имела, что могло бы означать слово «скот». Вот и с «мехом» было то же самое. Мех, из которого что-то сшили, — это лишь род матери; он не был и никогда не мог быть животным»²²⁵.

По понятным причинам, что им трудно иметь дело с многозначными словами и выражениями.

Отсутствие телеснения знака фактического языка

Привязанность знака к референту делает его непригодным для кодирования аффектов, которые у каждого человека выражены по-разному, имеют свои нюансы, часто мимолетны, изменчивы и трудно объективируемы. Примечательно, что первые экспрессивные слова аутичных детей чаще всего обозначают предметы, а не эмоциональные проявления. «Такие дети, — говорит Уильямс, — находятся в тайной ловушке искалеченной аффективности; у них есть чувства и ощущения, но они развиваются в изоляции. Они не могут вербализовать их обычным способом»²²⁶. «Мозг, — подтверждает Харрисон, — не получает сообщений от тела, хотя мозг и тело выполняют свою работу каждый сам по себе»²²⁷. В результате аутисты испытывают недостаток спонтанности и личной инициативы, что вынуждает их наблю-

223) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, p. 91.

224) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992. p. 115.

225) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, P. 133.

226) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, P. 301.

227) Harisson B. L'autisme au-delà des apparences, Concept ConsultED, Rivière du loup, Québec, Canada, 2010, P. 311.

дать за социальным поведением, пытаюсь устранить разрыв между своим разумом и своим бытием наслаждения.

В детстве [рассказывает Грандин] я была похожа на животное, у которого не было инстинктов, которыми оно могло бы руководствоваться. Приходилось учиться всему методом проб и ошибок. Я напряженно наблюдала, пытаюсь угадать, как нужно себя вести, но все догадки были неверными. Мне приходилось думать о каждом социальном взаимодействии²²⁸.

Став взрослой, Грандин без колебаний сравнила свой образ мышления с компьютерным.

Недавно на конференции, — рассказывает она в 1995 году, — которую читала некая дама-социолог, я услышала, что люди и компьютеры думают по-разному. Во время банкета, где она была с друзьями, я подошла и сказала, что у меня-то как раз структура мышления компьютерная и я могу воспроизвести мыслительный процесс пошагово. Каково же было моё изумление, когда она в ответ призналась, что не может провести грань между своими мыслями и эмоциями. Когда она думает о чём-то, факты и эмоции сливаются в единое целое... В моём же сознании они всегда разделены²²⁹.

Человек с аутизмом Аспергера использует поразительную формулу для описания постоянной работы ума, отрезанного от живого: ему необходимо постоянно ориентироваться в социальной жизни, «мыслить свою жизнь и жить своими мыслями»²³⁰.

Все аутичные люди, имеющие достаточный ретроспективный взгляд на своё функционирование, согласны с Тамметом в том, что долгое время они не понимали своих эмоций: «Это были просто вещи, которые случались со мной, — говорит он, — приходя из ниоткуда»²³¹. Они настаивают на своей неспособности осознать и выразить удовольствие и эмоциональную жизнь при помощи языка: «Я могла сказать, о чем я думаю, — говорит Уильямс, — но не о том, что я чувствую [...] У меня был эмоциональный запор»²³².

Первоначально эмоции, испытываемые аутистом, не интерпретируются посредством знака: «Мое лицо стало мокрым, — рассказывает Таммет после смерти своей собаки, — и я понял, что плачу»²³³. Эмоция приобретает смысл именно на втором такте, и в отношениях сторонности (*extériorité*) с телом. Именно это описывает Харрисон: «Аутисты испытывают эмоции, но они должны импортировать смысл своих эмоций извне, чтобы получить к ним осознанный доступ»²³⁴. В результате эмоции усваиваются интеллектуально.

Я хочу, чтобы вы показали мне эмоции, [обращается Д. Уильямс к семье своих друзей]. [...] Благодаря линиям и схемам я видела шкалу гнева, шкалу счастья и шкалу печали. На этих линиях они отмечали нижний и верхний варианты: уставший, занятой, нервный, взволнованный, раздраженный, разгневанный и яростный.

228) Grandin T. *Penser en images*, Paris, Odile Jacob, 1997, P. 154.

229) Grandin T. *Penser en images*, Paris, Odile Jacob, 1997, P. 162.

230) Damaggio N. *Une épée dans la brume. Syndrome d'Asperger et espoir*, Paris, Anne Carrière, 2011. P. 168.

231) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, P. 118.

232) Williams D. *Si on me touche, je n'existe plus*, Paris, Robert Laffont, 1992, PP. 88-89.

233) Tammet D. *Je suis né un jour bleu* (2006), Paris, Les Arènes, 2007, P. 165.

234) Harrisson B. *L'autisme au-delà des apparences*, Concept ConsultTED, Rivière du loup, Québec, Canada, 2010, P. 241.

Они пытались показать мне, как каждое состояние может отражаться на лице или в поступках²³⁵.

Сравнение с усвоением программного обеспечения настоятельно необходимо для них, чтобы подчеркнуть приобретение готовых ready-made знаний, отрезанных от их собственных ощущений: «Подобно компьютерным файлам, — отмечает Уильямс, — мы можем мысленно запоминать игру эмоций, распознавать их и интерпретировать». Однако она видит ограничения этого имитационного процесса в отношении своего субъективного восприятия.

Игра, — отмечает она, — не связана с реальным чувством, и мы не обязательно понимаем изображаемую эмоцию, кроме механизма способа, а иногда и момента её имитации. [...] Идея никогда не является чувством, а лишь воспоминанием или запомненным психическим репертуаром своего впечатления²³⁶.

Таким образом, отсутствие отелеснивания (non incorporation) фактического языка, как и вне-смыслие многоречивого языка подтверждают тезис Лефор о том, что: «в аутистической структуре означающее не становится телом и, следовательно, не производит аффекта»²³⁷.

Сложная контекстуализация знака

Означающие сразу включаются в цепочку, которая их организует; в то время как знаки фактического языка изначально воспринимаются по одному. Когда восприятие структурировано таким языком, оно лишено связности и выглядит как «пазл»: «Вот как я видела это, — говорит Уильямс, — фрагмент за фрагментом, как цепочку разрозненных элементов, произвольно собранных вместе»²³⁸. Трудная работа «необходима для того, чтобы ей удалось собрать воедино кусочки пазла»²³⁹.

Даже когда аутисты достигают определённой степени организации запомненных знаков, они все равно часто описывают свое восприятие как «фрагментарное». Однако люди с аутизмом Аспергера перестают пассивно относиться к запомненным знакам: они становятся способны мобилизовать их для построения локальных согласованностей (coherences locales). Герланд рассказывает о своих попытках исправить фрагментарность своего мира, пытаясь упорядочить свои знания.

Раньше [пишет она] я писала этикетки для различных предметов. Я хотела, чтобы всё было рассортировано, отделено, разделено [...] в попытке упорядочить внешний мир по той же системе, что и мой внутренний мир. [...] Внутри меня всё уже было поделено на разделы, с ярлыками для действий, пространств и вселенных. По правде говоря, как в компьютере; было много ответвлений и разветвлений, но мало перекрёстных связей. Было совершенно ясно, что мир вокруг меня был бы более доступен, если бы я тоже могла в нем разобраться таким образом. Поэтому я написала этикетки, рассказывающие о природе каждого объекта и о месте, которое он должен занимать²⁴⁰.

Первоначально знаки присваиваются поэлементно. По словам Харрисон, запоминание осуществляется на основе «изолированного кусочка данных», или, соглас-

235) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, PP. 161-162.

236) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, PP. 288-289.

237) Lefort R., Lefort R. La distinction de l'autisme, Paris, Seuil, 2003, P. 87.

238) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 31.

239) Ibid, P. 121.

240) Gerland G. Une personne à part entière, AFD, Mougins, 2004, P. 52.

но Доусону, оно опирается на «неделимый элемент информации»²⁴¹. В наиболее тяжёлых случаях аутизма этот элемент может состоять из слов, а у людей с аутизмом Аспергера иногда принимать форму одной из тех локальных согласованностей, которые обозначает Герланд. Хранение элементов сложнее, чем хранение фотографий: восприятие этих субъектов, отмечает Моттрон, «не статично, оно может быть мультимодальным (синестетическим) и позволяет манипулировать запомненным материалом»²⁴². Оказывается, что знаки группируются в множества, организованные для каждого индивида различными способами. Воспринимаемая согласованность порядка вещей и его закономерностей — один из них. Более того, Грандин признаётся, что хронологический²⁴³ порядок играет важную роль в классификации её «психической видеотеки»; другие используют образ постоянно собираемого пазла, третьи — географической карты, базы данных и т. д. Идея состоит в том, что каждый термин является частью множества, сравнимого с файлом, позволяющим ему устанавливать связи с другими файлами, и это целое достаточно организовано для того, чтобы субъект мог найти нужную информацию.

Харрисон очень подробно описывает особенности своей памяти. Она описывает её как согласованную фрагментацию со следующими характеристиками:

Сохранение каждого фрагмента данных, — пишет она, — очень точно и осуществляется с использованием статичной структуры. Каждый образ тщательно дифференцируется от других. Все детали каждого образа сохраняются в том виде, в каком они воспринимаются. Без каких-либо нюансов. Причём каждый фрагмент данных сначала выделяется, а затем классифицируется, оставаясь при этом независимым. Сохранение похоже на собирание головоломки. В результате мы видим все уникальные кусочки, которые затем позволяют нам увидеть общую картину. Кусочки связаны между собой, но не взаимодействуют. Единая картина головоломки, называемая также «географической картой», растёт по мере продвижения вперёд в зависимости от количества кусочков, которые удаётся присоединить, т. е. тех, к которым удаётся найти смысл, чтобы связать их с остальными. Эти маленькие цельные картинки, состоящие из нескольких фрагментов информации, каждый из которых очень чётко определен по отношению к другим, при каждом сохранении сливаются в большую географическую карту²⁴⁴.

Оуллетт использует образ пазла для описания медленного упорядочивания запомненных знаков при высокофункциональном аутизме.

Эту работу [утверждает он] можно сравнить с собиранием пазла из тысячи кусочков, без модели на коробке. Со временем детали собираются, но общая картина ещё не складывается. В конце концов «островков» пазла становится достаточно, чтобы распознать всю картину целиком, и все части наконец-то встают на свои места²⁴⁵.

Он способен с большой точностью описать основные различия в функционировании, отличая «типичного» субъекта, чьё мышление управляется господствующим

241) Mottron L. L'autisme : une autre intelligence. Diagnostic, cognition et support des personnes autistes sans déficience intellectuelle, Paris, Mardaga, 2004, P. 193.

242) Ibid, P 186.

243) «Воспоминания всплывают у меня в памяти в строгом хронологическом порядке, и их образы предельно конкретны» (Grandin, 1997, P. 29).

244) Harrisson B. L'autisme au-delà des apparences, Concept ConsultTED, Rivière du loup, Québec, Canada, 2010, P. 91

245) Ouellette A. Musique autiste, Paris, Triptyque, 2011, P. 181.

означающим, и аутичного субъекта, который с трудом формулирует сопоставимые признаки.

В каком-то смысле, — отмечает он, — нейротипичная культура является волновой, в то время как культура Аспергера — корпускулярной. Нейротипическое мышление стремится быстро и практически одновременно объединить поступающую от разных органов чувств и от эмоций информацию, чтобы быстро осмыслить мир ради краткосрочной выгоды. [...] Мышление человека с аутизмом Аспергера рассматривает эту информацию в медленной последовательности, отсюда и тот факт, что людей с аутизмом Аспергера в первую очередь интересуют детали, а не целое. Подобно лазерному лучу, их мышление фокусируется в первую очередь на точках. [...] Аутист Аспергера делает это для того, чтобы смысл постепенно возник из медленного добавления деталей²⁴⁶.

Дискретный характер знака открывает доступ только к фрагментарному запминанию, которое некоторые аутичные дети способны сделать более или менее последовательным благодаря интенсивной мнемонической работе, подкрепленной визуальными образами. У «типичных» детей такой трудности не возникает. Элементы, структурирующие их мышление и их бытие, с самого начала располагаются в структурированных множествах. По мнению Соссюра, означающие всегда являются частью «цепи»²⁴⁷, собранной в синхронии по законам грамматики, так что их спонтанное изучение влечёт за собой усвоение грамматики. Именно поэтому лингвисты считают, что в возрасте от полутора до двух лет «типичные» дети становятся настоящими «грамматическими гениями». В этом возрасте у них формируется грамматическая система, которая управляет их языком. Примечательно, что грамматическая гениальность приходит к субъекту через воздействие языка, а не через его изучение. Лакан подчёркивает, что этот феномен является возражением против генетической психологии в её подходе к предмету: «Ребёнок, — отмечает он, — с первых проявлений языка использует синтаксис и частицы в соответствии с теми нюансами, которых постулаты психического «генезиса» должны были бы позволить ему достичь только на вершине карьеры метафизика»²⁴⁸. Лингвисты согласны с тем, что «сущность грамматики известна еще до того, как её начинают изучать, поскольку она является неотъемлемой частью нашей способности выражать свои мысли»²⁴⁹. Большинство исследований показывают, что между языком матери и языковым развитием ребёнка существует лишь незначительная корреляция. Родители не «учат» детей языку, они дают им модели²⁵⁰. Язык не заучивается, как таблица умножения, и для его усвоения не нужен педагог.

Такая грамматика, приобретаемая без обучения и присущая синхронной организации цепочки означающих, явно отсутствует у аутичного ребенка. В его речи практически не используются союзы, как, например, «потому что», «так как», «следовательно».

В детстве [говорит Грандин] я пропускала артикли, местоимения, предлоги, потому что по отдельности они ничего для меня не значили. В итоге я научилась пра-

246) Ouellette A. *Musique autiste*, Paris, Triptyque, 2011, P. 184.

247) Saussure F. *Cours de linguistique générale*, Paris, Payot, 1972, P. 103.

248) Lacan J. «Cénac M. Introduction théorique aux fonctions de la psychanalyse en criminologie» (1950), *Écrits*, Paris, Seuil, 1966, P. 142.

249) Boysson-Bardies B. *Comment la parole vient aux enfants*, Paris, Odile Jacob, P. 218.

250) *Ibid*, P. 110.

вильно пользоваться служебными частями речи, потому что мои родители хорошо говорили, и я подражала их оборотам речи, хотя даже сегодня спрягаю глагол «быть» наугад, потому что по-прежнему воспринимаю его как бессмыслицу²⁵¹.

Аутистам трудно понимать относительные понятия, как отмечает Питерс, «поскольку такие слова, как «большой», «маленький», «широкий», «узкий», «на», «на другой стороне», «после», «дать», «взять» приобретают смысл только в контексте и в связи с другими словами в предложении». Он справедливо отмечает, что для того, чтобы помочь аутичному ребенку усвоить понятия «большой» и «маленький», «нужно было бы суметь донести до них смысл, исходя из «буквального» восприятия: вот это «маленький», взятый в абсолютном смысле, а здесь вы видите неизменное значение слова «большой». К сожалению, это невозможно»²⁵².

То, что он называет «буквальным восприятием», как мы уже подчёркивали, является прежде всего зрительным или даже тактильным восприятием. Все аутисты с трудом понимают слова, которые нельзя соотнести с образом.

Фактический язык упорядоченных знаков

Первые приобретения знаков происходят статически; однако по мере развития способностей субъекта он постепенно становится способным их мобилизовать. «Аутист, — отмечает Харрисон, — не имеет доступа к упорядочению самостоятельно, если он не достиг достаточно высокого уровня (когда у него есть доступ к движению, к взаимодействию)»²⁵³. Тогда он может отделить их от жёсткой связи с референтом. Взаимодействуя, упорядоченные знаки становятся менее застывшими (*figés*) и имеют тенденцию отделяться от ситуации обучения. Это уже не просто термины-этикетки: субъект организует их в своей памяти по-своему, что позволяет ему вступать в отношения взаимной оппозиции. Когда Грандин вынуждена прибегать к символам, таким как «голубь или индейская трубка мира», чтобы представить абстрактное понятие «мир», это происходит не только путём соединения этих слов с образом референта: она вводит их в отношения оппозиции с другими птицами в случае с голубем, и с другими курительными принадлежностями в случае с трубкой.

Первоначальная фиксированность значения знака имеет тенденцию к постепенному снижению благодаря интенсивной работе запоминания. Благодаря этому достигается определённая гибкость в использовании. Аутист не без сопротивления приобретает представление о том, что один и тот же предмет может обозначаться разными знаками, что местоположение предмета не является жёстким и, что необходимо различать вещь и её образ.

Мохаммед рассердился [сообщает Ф. Ходи], потому что мы настаивали на том, чтобы говорить «автомобиль», а не «авто». Ему потребовалась ночь, чтобы признать, что два разных слова могут обозначать один и тот же предмет. Тогда он объяснил, что можно говорить «авто» и «автомобиль», и «это одно и то же». Добавим, что хлопанья дверьми и пяти минут обиды было достаточно, чтобы признать, что и в зоопарке, и в Африке есть жирафы, но потом будет так же трудно с зебрами. Что

251) Grandin, T. *Penser en images*, Paris, Odile Jacob, 1997, P. 33.

252) Peeters T. *L'autisme. De la compréhension à l'intervention*, Paris, Dunod, 1996, P. 68.

253) Harrisson B. *L'autisme au-delà des apparences*, Concept ConsultTED, Rivière du loup, Québec, Canada, 2010, P. 85.

касается льва на значке Пежо, то именно Ванда придумала решение: это не лев, а «рисунок» льва²⁵⁴.

Мнемонический порядок знаков организован у аутистов в соответствии с пространственной логикой: упоминаемые модели — это географическая карта, пазл, хранилище данных на CD-ROM и деление на разделы, снабжённое этикетками. Структурирование памяти является результатом произвольного усилия, оно организовано из визуального и не контролируется бессознательными элементами. Субъект утверждает, что он непосредственно присутствует при упорядочивании запомненной информации. Элементы его памяти остаются закреплёнными в восприятии. С другой стороны, запоминание, основанное на означающем, не визуализируется: оно регулируется предсознательной грамматикой, а также наслаждением, привязанным в бессознательном к господствующим означающим²⁵⁵.

В отсутствие спонтанного усвоения грамматики, присущей означающей системе, аутисты вынуждены заучивать большую её часть наизусть. Иногда они делают это довольно успешно. Их мнемонические способности таковы, что многие люди с аутизмом Аспергера прекрасно владеют своим языком или даже несколькими языками. Они не являются грамматическими гениями, но именно поэтому, чтобы компенсировать рассеивание знаков, они стремятся стать мнемоническими гениями.

Возможно, что склонность аутиста использовать образы является одной из вещей, позволяющих ему представлять локус своих активных сил с помощью объекта, становящегося аппаратом его наслаждения. Последнее настолько специфично, что для его учёта в клинике были введены новые понятия: «аутистический объект» Тастин, «специальный интерес» в современных учебниках по психиатрии, и «край» в лакановском подходе. Последний представляет собой основную защитную конструкцию аутиста, стремящегося выбраться из своего одиночества. Вместе с удержанием объектов-влечений и отчуждения, происходящего безкрепления к господствующему означающему, край характеризует аутистическую структуру.

Создание аппарата для обхождения с наслаждением с помощью края

Психоаналитики, работающие с детьми с тяжелыми формами аутизма, сходятся во мнении, что они часто бывают озабочены отверстиями, как в своем теле, так и в окружающей среде.

Первый аутичный ребенок, с которым я познакомился в больнице, после беготни по коридорам неизменно начинал сеансы с того, что заделывал все дырки в комнате пластилином, а затем — свой пупок. Такое наблюдение не редкость. Доканнеровские аутисты особенно озабочены отверстиями, причём не только в своём теле, но и в окружающей среде. Отверстия в унитазах и раковинах часто становятся источником беспокойства. Эрик Лоран отмечает, что аутисты нетерпимы к дырам²⁵⁶. Встреча с ними вызывает у них тревогу сепарации, поэтому они склонны их затыкать; а введение в игру потери переживается, по словам Тастин, как «чёрная дыра, полная

254) Hody F. Pertinence clinique de la distinction de l'autisme, Les Feuilletts du Courtil, 2008, P. 174.

255) «Бессознательное прежде всего имеет дело с грамматикой, ему также приходится немного, много, полностью иметь дело с повторением, то есть со стороной, совершенно противоположной тому, для чего служит словарь» (Лакан, 11.04.1971).

256) Laurent É, La Bataille de l'autisme. De la clinique à la politique, Paris, Navarin / Le Champ freudien, 2012. Édition actualisée, mars 2018, P. 68.

злых существ»²⁵⁷. Малика подтверждает это, когда, столкнувшись с дыркой в стуле, она с тревогой спрашивает: «не вылезет ли оттуда расчленённая кукла, если ты²⁵⁸ не заткнешь дырку?». На одном из предыдущих сеансов она призналась, что «потерять какашки — значит быть расчленённой», а на другом задалась вопросом: «Когда куклу расчленяют, остаются ли в ней дырки?». Малика не выбрала аутистический объект. Тем не менее использование пластилина в качестве затычки может напомнить функцию защитной оболочки такого объекта, как она была задумана Тастин.

Рождение края

Настойчивость, с которой эта психоаналитик из Англии говорила о том, что конструирование объектов, производимых аутичным ребенком, служит процессу инкапсуляции, привела Эрика Лорана в 1992 году к гипотезе о том, что возвращение наслаждения на край²⁵⁹ является основным элементом аутичного функционирования. Однако понимание аутистического объекта Тастин как препятствующего любому допущению его утраты, логично привело Тастин к тому, что она стал рассматривать его как объект патологический. Однако многие воплощения края — машина, вентилятор, стиральная машина, ключи и т. д. — не побуждают отдавать предпочтение образу защитной оболочки. Более того, похоже, что образ защитной оболочки может даже ввести в заблуждение.

Клиническое понимание зарождения края — основной путь выявления его функций. В этом отношении Беттельгейм и Тастин собрали два исключительных документа. В первом из них разрывание бумаги на длинные полоски и создание из них границ отмечается как решающий момент в развитии Лори, вялой и мутичной семилетней девочки. Это «были её первые спонтанные, преднамеренные действия, носившие, прежде всего, символический характер. Это было её собственным изобретением; она использовала подручные материалы, чтобы овладеть внутренним напряжением»²⁶⁰. Эта деятельность началась однажды сразу после дефекации. В течение нескольких часов она превратила лист бумаги в длинную полоску, разрывая его по спирали, двигаясь от внешнего края к центру листа. Впоследствии она усовершенствовала этот процесс, вырезая центр с выражением явного отвращения на лице²⁶¹. При помощи полосок собственного изготовления она прокладывала границу между своим и всем остальным миром. Созданный таким образом край основан на контролируемой утрате, которая порождает защитный объект, используемый не в качестве защитной оболочки, а как граница. Он не затыкает дыру, а окружает её.

Процесс, используемый Дэвидом, ребенком в «панцире» (сагарасе) Тастин, весьма схож. Он старше Лори, ему четырнадцать лет, поэтому использование образа было более проработанным. Изобретение потребовало многочисленных сеансов, но происходило в той же последовательности, что и предыдущее. Оно возникает

257) Tustin F. *Autisme et protection* (1990), Paris, Seuil, 1992, P. 238.

258) Здесь она использует личное местоимение «ты» вместо «я», как она это часто делает.

259) Laurent É., « Discussion », dans *L'autisme et la psychanalyse*, Presses Universitaires du Mirail, 1992, P. 156.

260) Bettelheim B. *La forteresse vide*, Paris, Gallimard, 1969, P. 188.

261) «Конечная стадия развития этого аспекта, — отмечает Беттельгейм, — была ознаменована формированием следующей последовательности действий: сначала девочка вырывала центральную часть листа, при этом гримаса отвращения ни на секунду не покидала её лица, затем она выбрасывала её и только потом принималась рвать бумагу, начиная от края, и двигаясь к опустевшему центру. Мы были поражены, увидев, насколько умело, практически без усилия, она вырывала самый центр листа, а затем, двигаясь по спирали, неизменно попадала в это отверстие» (Bettelheim, 1969, P. 187).

в результате уступки телесного объекта — фекалий у Лори, гноя из абсцесса у Дэвида. Для того, чтобы как-то обойтись с этой тревожащей дырой, Лори оперирует утратой «отвратительного» объекта, а Дэвид конкретизирует объект, который из него выходит, создавая «монстра с глазами смерти». В обоих случаях исходный телесный феномен — тревожащая уступка — трансформируется в ситуацию, в которой тревожащая дыра берется под контроль путём создания защитного объекта. В итоге одна строит защитную границу непосредственно от дыры, а другой делает доспехи, чтобы защититься «от монстра в дыре»²⁶². Несмотря на свои предрассудки по поводу аутистического объекта, Тастин отмечает, что его надевание означает «прогресс» в терапии²⁶³. Однако, если внимательно рассмотреть картонный доспех, фотографии которого прилагаются, становится ясно, что он не является сомкнутой защитной оболочкой: он состоит из двух частей — лица и руки, они полые и не соединены друг с другом, а на лице есть следы отверстий, так как на нём есть глаза, рот и уши. Тастин не останавливается на том, что эта броня пористая. Одна из первоначальных функций края, конечно, заключается в защите от дыры, но не в том, чтобы заткнуть её, а скорее в том, чтобы её очертить. Окружая реальную дыру, край трансформирует её в менее тревожащую нехватку, с которой субъект может примириться.

Размещая наслаждение во внешнем объекте, аутичный субъект, как и все говорящие существа, свидетельствует, что у него нарушены отношения с наслаждением собственного тела. Однако, не обладая функцией единичного означающего, он не шифрует с её помощью указатель утраченного объекта, но сепарируется, производя конкретный объект. Телесные феномены, предшествующие конструированию края у Лори и у Дэвида (дефекация в случае Лори, выделение гноя в случае Дэвида) подвергаются смещению и осваиваются благодаря конструированию внешнего объекта и обхождения с ним. В этих обстоятельствах травматическое событие не шифруется событием тела; что позволяет нам подчеркнуть, что край не является синтомом. Он основан на первоначальном вычитании наслаждения, которое вводит в экономику субъекта то, что Эрик Лоран назвал «в-форме» (*en-forme*), но не объекта *a*, а объекта наслаждения, который остается присутствующим. Край производит разрез в наслаждении, он устанавливает с ним дистанцию и устанавливает связь между субъектом и объектом. Это оператор для захвата и обращения с наслаждением, воплощенным в конкретном объекте, образе, человеке или тематическом наборе знаков. Если у психотического субъекта объект находится в кармане, то аутист хранит отделённый объект в руке, помещённый «в-форму».

Многие специальные интересы, по-видимому, подчиняются той же логике, что и первые края: они берут свое начало в травме, в связи с которой они развивают защитные знания (*savoir*). Аутичный ребенок, ставший свидетелем смерти своего дедушки от остановки сердца во время прогулки, не стал оплакивать эту смерть, но заинтересовался сердечными заболеваниями и прочитал все книги о патологиях сердца, которые смог найти.

Край составляют три, часто переплетающихся между собой, элемента: аутистический объект, двойник и специальные интересы. Машина Джоуи, призванная давать ему животворящее его электричество, является одновременно аутистическим

262) Tustin F. *Autisme et psychose de l'enfant* (1972), Paris, Seuil, 1977, P. 72.

263) Tustin F. *Autisme et psychose de l'enfant*, Paris, Seuil, 1977, P. 168.

объектом, от которого он не может отделиться; двойником, который сам является машиной; и источником его специального интереса, поскольку он станет электриком. Важным общим моментом является особое, исключительное инвестирование либидо в каждый из элементов. Все они являются объектами сильной страсти.

Основная критика, с которой когнитивисты выступают против психоаналитического подхода, состоит в том, что аутичный ребенок очень заинтересован в своем окружении, даже если он делает это косвенно, латерально, поэтому аутизм не может быть понят как процесс социальной изоляции. Удержание объектов влечений опровергает эту критику, и мало кто спорит с тем, что первоначальное избегание социальных взаимодействий действительно имеет место; с другой стороны, верно и то, что создание края не находится на службе процесса инкапсуляции. Свидетельства аутичных детей сходятся в том, что они страдают от своего одиночества и что они работают, пытаясь приобщиться к миру.

Край — моторный центр наслаждения

Возвращение наслаждения на край, по выражению Эрика Лорана, состоит в своего рода перенаправлении (*détournement*) избытка наслаждения на объект, что позволяет затем произвести оживление субъекта. В течение нескольких лет Джоуи приходилось подключаться к своей авто-машине в Чикагской Ортогенической школе, чтобы он мог функционировать благодаря электричеству, которым она его снабжала. С её помощью ему удалось создать аппарат для обхождения с наслаждением влечений: она делала возможной дефекацию путем подогрева стула, регулировала прием пищи, когда сопровождала его в столовую, имела громкоговоритель для обработки голоса и многочисленные электрические лампочки, чей свет захватывал взгляд. Создавая у себя иллюзию подключения к машине или двойнику, аутичный ребенок усиливает своё ощущение, что он не живой, что у него нет собственной энергии, и освобождается от необходимости принимать решения. Эмоции, испытываемые аутичным ребёнком, не будучи интерпретированными знаком, воспринимаются как нарастание мучительного волнения. Сделаться марионеткой благодаря краю, который накапливает на себе наслаждение, — это способ освободиться от этого наслаждения. Несколько человек объяснили, что хотят быть машиной или роботом, чтобы не испытывать никаких эмоций.

Из-за отсутствия уступки объектов влечений динамика желания не выстраивается, что иногда побуждает наблюдателей говорить о «болезни воли»²⁶⁴. «Аутизм, по словам Донны Уильямс, предшествовал для неё малейшему личному пожеланию: «Мои первые “пожелания”, — сообщает она, — были скопированы с пожеланий других (и часто были вдохновлены телевидением). В детстве она чувствовала себя словно без стержня, она была подобна человеку под гипнозом, полностью открытому для программирования или перепрограммирования, без вопросов или личной идентификации»²⁶⁵.

В индивидуальном лечении тяжелых форм аутизма, когда терапевту удастся добиться, чтоб ребёнок его принял, это происходит при помещении терапевта ребёнком в моторный центр своего наслаждения и установления с ним отношений слияния, так что терапевт становится для ребёнка двойником, наделенным активной

264) Park C. Histoire d'Elly (1967), Calmann-Lévy, Paris, 1972, p. 283.

265) Williams D. Quelqu'un, quelque part, Paris, J'ai Lu, 1994, P 124.

силой. Питер, аутичный ребенок десяти лет, по словам его терапевта, «проживал все отношения в отказе от своей идентичности и слиянии с другим человеком»²⁶⁶.

Сначала [пишет Мира Ротенберг] я была его силой, его здоровьем, его контактом с реальностью, его создателем и его спасителем. [...] Он находился в состоянии глухой и полной зависимости [...] Я дала ему свою энергию и позволила ему зависеть от меня и питаться моей силой [...] Он никогда не хотел брать на себя какую-либо ответственность в жизни, как будто его интересует только его воображаемый мир. На мою просьбу что-то выбрать он всегда отвечал вопросом: «Что предпочитает Мира?» [...] Даже страдая, он отказывался от всякой ответственности. Он кричал, плакал; нужно было быть хорошим сыщиком, чтобы найти, где у него болит. Он никогда этого не говорил. Он часто повторял: «Мира должна решить за Питера». Ему так было легче. Ему так было спокойнее²⁶⁷.

Эта клиническая зарисовка показывает, в частности, что обращение с нехваткой приостанавливается и возвращается на край, защищая таким образом субъекта от принятия риска пробуждения своего желания.

Подключение становится более незаметным и менее постоянным по мере продвижения по спектру аутизма к полюсу, где она иногда становится социально невидимой. Тем не менее шведка с высокофункциональным аутизмом Гунилла Герланд сообщает, что она по-прежнему нуждается в опоре на край, чтобы начать действовать.

Очень часто, — пишет она, — мне легче, если со мной кто-то есть, когда мне нужно что-то сделать в первый раз, потому что я могу в некотором смысле положиться на их нервную систему. Я практически пользовалась людьми для этого. Я могла притвориться, что прошу их составить мне компанию, хотя на самом деле мне нужно было просто сопровождение. Я договаривалась взять кого-нибудь с собой, чтобы посетить музей или галерею, где я никогда раньше не была, с единственной целью — иметь потом возможность вернуться самостоятельно без каких-либо затруднений. Иногда я бы хотела, как компьютер в сети, подключиться к чужой нервной системе, чтобы использовать её в таких обстоятельствах, вместо того чтобы брать её с собой, и быть обязанной встречаться с ней и действовать одновременно²⁶⁸.

Использование Темпл Грандин фиксирующего станка для сжатия также было периодическим. Ей достаточно было на некоторое время забраться внутрь, чтобы отрегулировать своё наслаждение. Конструкцию этого сложного края стоит рассмотреть подробнее, поскольку она, как видится, дает образ аутистической инкапсуляции, предложенной Тастин. В первом приближении пребывание в фиксирующем станке, боковые панели которого должны были плотно облегать Грандин, казалось, позволяло вернуться к общему наслаждению слияния, характерному для связи с исходными краями. Она признаётся, что история этой машины начинается с «некоего ящика, напоминающего гроб»²⁶⁹, а моделью для того, что сделало её всемирно известной специалисткой, была, по её словам, «одна из самых совершенных в мире машин для убийства»²⁷⁰. Грандин не скрывает, что забирается в неё так, как это делает корова, и что это животное является для неё двойником. Но когда животное

266) Rothenberg M. Des enfants au regard de pierre, Paris, Seuil, 1979, P. 246.

267) Rothenberg M. Des enfants au regard de pierre, Paris, Seuil, 1979, P. 277-279.

268) Gerland G. Une personne à part entière, AFD, Mougins, 2004, P. 232.

269) Grandin T. Ma vie d'autiste (1986), Paris, Odile Jacob, 1994, P. 51.

270) Grandin T. Penser en images (1995), Paris, Odile Jacob, 1997, P. 238.

выходит из этой машины, это означает, что оно отправляется на смерть. Грандин недалеко от мысли, что функция этого приспособления состоит в том, чтобы обойтись с травмой смерти через многократные выходы из-под его защиты.

В большинстве своем, — пишет она, — люди не понимают, что смерть на скотобойнях гораздо мягче естественной смерти. Дикие животные в естественных условиях гибнут от голода, хищников, или сурового климата. [...] Возможно, безболезненная кончина на скотобойне лучше гибели в пасти койота или льва, которые выгрызают внутренности у находящейся в сознании жертвы. Я бы однозначно предпочла скотобойню²⁷¹.

Одной из характеристик высокофункционального аутиста является то, что он смог дойти до вырезания (*évidement*) чрезмерного наслаждения краем. Повторяющиеся «разрезы», произведённые Грандин в восстанавливаемом слиянии с краем, по-видимому, способствовали этому. Лишь позднее, в 2010 году, она упомянула, что её машина однажды сломалась, и она её не починила. Несмотря на это, у неё сохранились два специальных интереса, опосредующих её социальные отношения; один — к ловушкам для скота, другой — к знаниям об аутизме.

Вырезание края

Вырезание края производится, когда аутист принимает решение о том, чтобы понести от этого утрату. Его склонность к использованию образов иногда позволяет ему её срежиссировать. Уступка наслаждения может происходить и тогда, когда субъект идёт на риск временно выйти из своей системы защиты в отношении социальных обменов; это эквивалентно частичной дезинвестиции функции края.

Уильямс долгое время страдала от присутствия своих воображаемых друзей, которые, безусловно, позволяли ей адаптироваться в обществе, но при этом вызывали у неё определённое «психическое увечье», когда она «подключалась» к ним. Поэтому она поняла, что её развитие должно быть связано с исчезновением той «части себя», которую они репрезентировали. В подростковом возрасте она попыталась отделиться от Вилли: «Я решила убить Вилли, — пишет она, — ту другую меня, которая всегда злилась».

Мне подарили [рассказывает она] куклу, изображающую маленького мальчика, одетого в джинсы и рубашку. Я завернула его в кусок шотландской красной ткани в клетку, которую любила моя бабушка. [...] Я раздобыла небольшую картонную коробку и покрасила ее в чёрный цвет. Я подождала, пока никого не будет дома, затем пошла к пруду с рыбками, куда погрузила моё символическое воплощение Вилли в его чёрном гробу, тщательно стерев все следы похорон²⁷².

Кэрл и Вилли — два элемента края Уильямс — обеспечили ей «анестезирующую защиту»²⁷³, позволяющую «подавлять» эмоции²⁷⁴. Воображаемое убийство Вилли было осознано не сразу: прошло много лет, прежде чем его исчезновение было принято, но оно показывает, как высокофункциональный аутист обходится со своим краем: постепенно удаляя то, что его составляет, тем самым ослабляя связанное с ним наслаждение.

271) Grandin T. *Penser en images* (1995), Paris, Odile Jacob, 1997, P. 238.

272) Williams D. *Si on me touche, je n'existe plus*, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 113.

273) Williams D. *Quelqu'un, quelque part*, Paris, J'ai Lu, 1994, P. 159.

274) Williams D. *Si on me touche, je n'existe plus*, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 143.

Уильямс подчёркивает важность для неё уступки одного из своих «краёв», своей первой книги, когда она согласилась отделиться от неё через публикацию. Известие о том, что рукопись была принята, повергло её в глубокое волнение.

Жизнь Кэрол, Вилли и моя жизнь должны были стать достоянием общности по всему миру. Я была самым уклончивым человеком из всех, кого я знала, и вскоре мне предстояло стать самым публичным [...] Мне с трудом верилось, что это «моя» книга. Я теряла весь контроль; другие прочтут мои слова. Я хотела найти каждую копию книги, разорвать на куски и сжечь²⁷⁵.

Также решающим для неё стало открытие, что для того, чтобы думать и чувствовать, «вещь должна иметь нервную систему»²⁷⁶. Ей было очень трудно принять тот факт, что предметы мертвы, что у них «нет знания, нет чувств, нет воли». Это удаление наслаждения краем, которое она связывает с исчезновением её воображаемых друзей, дало ей ощущение, что её покинули вещи, которые приносили ей безопасность. Однако она настаивала на том, чтобы исключить из этой новой материальной логики несколько объектов, в частности двух мягких игрушек, названных «Медведь Орси» и «Собака-путешественница». Они служили ей для установления «мостов с внешним миром»²⁷⁷. Это свидетельствует о том, что вырезание края — процесс постепенный, происходящий через повторение уступок наслаждения.

Этот процесс может быть частью лечения аутичного ребенка и ввести в это лечения ключевые членения на этапы. Дибс создает его репрезентацию, когда заканчивает психотерапию, записывая свой голос и инсценируя его потерю: «Слушай меня внимательно, магнитофон», — говорит он, — «Ты поймашь и сохранишь мой голос [...] Я собираюсь сделать длинную запись и мы будем хранить её вечно. Это будет только для нас двоих»²⁷⁸. В конце концов, он настаивает на том, чтобы запись осталась у его психотерапевта: «Уберите эту кассету, — говорит он ей, — положите её в коробку и уберите, и храните её только для нас двоих»²⁷⁹. Он знает, что летние каникулы прервут его психотерапию, которая подходит к концу: «Я буду скучать по вам, — говорит он своему терапевту. Я буду скучать по тому, что прихожу сюда». Он добавляет: «А вы будете скучать по мне?»²⁸⁰. Чего-то теперь может не хватать и для субъекта, и для Другого, и всё же оно не потеряно, а схвачено вместилищем, которое остаётся доступным. Через два с половиной года после окончания лечения, когда терапевт встретила Дибсом, она заметила, что у него появился специальный интерес к ботанике, связанный с деревом, которое было одним из его аутистических объектов.

Эволюция работы Джоуи, ребенка-машины из Чикагской Ортогенической школы, показывает последовательность разработок края, переходящую от машин страшных ко всё более человеческим и доброжелательным. Кенрад, стремящийся заменить машину для обращения с анальным наслаждением, по-прежнему всемогущ и опасен, его дефекация — тревожащее космическое событие. Митчелл, к которому

275) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 124.

276) Williams D. Si on me touche, je n'existe plus, Paris, Robert Laffont, 1992, P. 100.

277) Ibid.

278) Axline V. Dibs. Développement de la personnalité grâce à la thérapie par le jeu, Paris, Flammarion, 1967, P. 197.

279) Ibid, p. 199.

280) Axline V. Dibs. Développement de la personnalité grâce à la thérapie par le jeu, Paris, Flammarion, 1967, P. 210.

затем привязался Джоуи, вместе с ним является мальчиком-защитником, чья дефекация больше не производит взрывов и огней. Вальвус (Valvus), воображаемый друг, пришедший им на смену, мог саморегулироваться: он мог открываться или закрываться, как клапан (valve), когда это было необходимо. С Вальвусом Джоуи обрёл контроль над мучившей его дефекацией. Очевидно, что прогрессия воплощений края происходит через повторяющиеся, многократное удаление (vidage) размещенного в нём чрезмерного наслаждения. В конце концов, похоже, что, стерев двойников, Джоуи удалось свести свой край к специальному интересу — электрическим машинам, поскольку он сделал их обслуживание своей профессией.

Приоритет знака в мышлении аутичных людей вызывает развитие исключительных мнемонических способностей. Некоторые превращают свои таланты в этой области в специальный интерес, извлекая из него некоторую прибыль и пуская в социальный обмен. Перебрав несколько профессий, Вениамин Черечевский стал мнемонистом, выступая со сцены. Однако иногда его безграничное запоминание вызывало у него трудности. Не имея возможности стереть из памяти предъявленные ему во время закрытых выступлений данные, он опасался, что они будут накладываться друг на друга и приведут к ошибкам. Он начал записывать, а потом даже сжигать бумажки, на которых было написано то, что он должен был забыть. Однако эта конкретная потеря, воплощенная в образах, не сработала.

Однажды, — сообщает он, — я выступал 3 раза за вечер. Я физически устал и стал думать, как мне провести четвертое выступление. Сейчас вспыхнут таблицы трех первых... Это был для меня ужасный вопрос... Сейчас я посмотрю, вспыхнет ли у меня первая таблица или нет... Я боюсь, как бы этого ни случилось. Я хочу — я не хочу... И я начинаю думать: доска ведь уже не появляется, — и это понятно почему: ведь я же не хочу! Ага!... Следовательно, если я не хочу, значит она не появляется... Значит, нужно было просто это осознать!²⁸¹

Удивительно, — комментирует Лурия, — но этот приём дал свой эффект. Но если мы увидим в этом сознательное решение отделиться от части своего края, привнеся в него успокаивающую нехватку, то феномен представляется уже не столь удивительным. Изменение субъективной позиции Вениамина, сопровождающее это спасительное отделение (décollement), как бы подтверждает ее:

Я сразу почувствовал себя свободно, — заметил он. Сознание того, что я застрахован от ошибок, даёт мне больше уверенности. Я разговариваю свободнее, я могу позволить себе роскошь делать паузы, я знаю, что если я не хочу — образ не появится, и я чувствую себя отлично²⁸².

Ему удалось присвоить себе часть того наслаждения, которое он размещал в своём крае. Вырезание края позволяет высокофункциональным аутистам устранить первоначальное нарушение коммуникации, которое коренится в удержании объектов влечения. Грандин выражает это очень чётко:

[...] что-то, — пишет она, — произошло в процессе, который разорвал «нить» в мозгу, связывающую ребёнка с его матерью и другими людьми, дарящими ему тепло. Только когда я стала достаточно взрослой и достаточно компетентной, чтобы построить зажимающую машину, эта связь была восстановлена²⁸³.

281) Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). — М.: Эйдос, 1994. С. 46-47

282) Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). — М.: Эйдос, 1994. С. 47

283) Grandin T. Ma vie d'autiste (1986). Paris, Odile Jacob, 1994, P. 128.

Однако, если крепление к Другому восстанавливается, то, похоже, оно должно по-прежнему опосредоваться краем, чаще всего сведённым к специальному интересу: «Изобретение — единственное «лекарство» для аутичного субъекта, — подчёркивает Эрик Лоран, — и оно каждый раз должно включать «остаток», т. е. то, что остаётся на границе его отношений с Другим: его аутичные объекты, его стереотипии, его двойники»²⁸⁴.

Часто бывает трудно начать аналитическую терапию с аутичным ребёнком. В начале перенос затруднен. Когда аналитику с помощью неинтрузивного отношения в сочетании с зеркальным или параллельным поведением удаётся добиться принятия, тогда устанавливается перенос-слияние, где аналитик становится двойником. Затем вырезание края приводит к отделению (*décollement*) от двойника и сдержанному инвестированию специального интереса.

Тревоги, связанные с уступкой объектов влечений, приводят аутистов к одиночному освоению языка, что вызывает в этом процессе чрезмерный акцент на визуальном и тактильном восприятии, порождает приоритет знака и формирует край, который является помещением в-форму объекта наслаждения. Методы обучения знакам, пропагандируемые для помощи аутистам, натываются на свой предел, когда не признают, что опора на край является необходимым условием для их субъективного устройства. Однако недостаточно просто признать наличие края, необходимо также сопровождать работу над вырезанием излишнего наслаждения, уважая при этом специальный интерес.

То, что эволюция края происходит путём творческих скачков, порождённых принятием утраты, а первоначальные тревоги аутиста коренятся в удержании объектов влечений, — это понятия, которые неизбежно остаются чуждыми когнитивистским подходам, даже наиболее релевантным, которые поощряют использование «сильных сторон» в качестве основы для лечения. Поэтому, не в обиду специалистам будет сказано, психоаналитический подход остается необходимым для ориентации в работе с аутистами.

Опубликовано на французском: *Jean-Claude Maleval. "De la structure autistique". Revista aSEPHallus de Orientação Lacaniana. Rio de Janeiro, N° 13(26).*

Перевод с французского Ивана Жарука.

Редактура перевода Глеба Напреенко, Дины Силкиной и Полины Чижовой.

284) Laurent É, *La Bataille de l'autisme. De la clinique à la politique*, Paris, Navarin / Le Champ freudien, 2012. Édition actualisée, mars 2018, P. 65.

Вместо послесловия. Этические резонансы специфики понятия «означающее» в психоанализе

Глеб НАПРЕЕНКО

В качестве своеобразного послесловия мы развернём следующий тезис: *существует определённая связь между особым подходом к означающему в психоанализе и психоаналитической этикой, включая позицию психоаналитика* — между той этикой и той позицией, что отличают психоанализ от психотерапии, а также выделяют психоанализ как способ исследования недомогания в цивилизации.

Центральным вопросом аналитической этики является вопрос о наслаждении и о возможности или невозможности с ним обходиться. Поэтому, прежде чем перейти к вопросу этики, мы можем определить несколько самых общих моментов, касающихся отношений между означающим и наслаждением.

1) *Означающее отделено от смысла, но связано с наслаждением.* Можно сказать, что в психоанализе означающее подвергается двойной операции: оно отделено от значения и увязано с наслаждением, что отличает психоанализ от других дисциплин, в частности от лингвистики или общей психологии, а также от большей части критической теории общества, политики, культуры и гендера. Психоанализ отличается тем, что означающее рассматривается как то, что может нести наслаждение, а не как то, что всегда несёт смысл. В то же время сам смысл в психоанализе — смысл как особая практика обхождения с означающим — обнаруживает себя важным источником наслаждения.

2) *Означающее в узле RSI.* Этот двойной жест психоанализа по отношению к означающему перекликается с вопросом о различении и сопряжении трёх регистров — символического, воображаемого и реального — в каждом конкретном клиническом случае. Каждый раз мы можем спросить себя, какую позицию занимает означающее по отношению к наслаждению, как организована связь или отсутствие связи между означающим и наслаждением, какое место здесь занимают тело и воображаемое.

3) *Означающие не равноценны по отношению к наслаждению.* Именно на основе ответов на эти вопросы мы можем также различить функции и значение означающих в анализе. Означающие в психоанализе различаются, но их специфически психоаналитическое различие строится не так, как в лингвистике или социальных науках. Значимое различие между означающими для психоанализа — это различие в функции и ценности того или иного означающего по отношению к наслаждению; отсюда, в частности, вытекает понятие господствующих означающих (*signifiant-maître*). Это имеет и диагностические последствия: мы идентифицируем невроз как структуру, определяемую присутствием означающего, функционирующего определённым образом по отношению к наслаждению.

4) *Означающее ирреализует*. Отношения между означающим и наслаждением также позволяют понять, что наслаждение не относится ни к какой универсальной, общей, разделяемой реальности — поскольку означающее не является следом присутствия, оно, как показывает Лакан, является стёртым следом, или, как выражается Жак-Ален Миллер, «означающее ирреализует мир»²⁸⁵, «референция всегда пуста»²⁸⁶. Упрощая, наслаждение можно разделить на то, что подчинено принципу удовольствия и то, что лежит по ту его сторону. Фрейд возвёл принцип удовольствия в попытку галлюцинаторного удовлетворения желания; этот принцип требует, чтобы мы непрерывно спали, даже когда бодрствуем, что Лакан переводит в терминах удовлетворения бессознательной означающей цепочкой, где означающее отсылает не к присутствию, а к другому означающему. Но есть также то в наслаждении, что остаётся по ту сторону принципа удовольствия, то, что не может быть полностью абсорбировано движением означающей цепочки, промах в галлюцинаторном по своей сути удовлетворении желания, который мы можем назвать вслед за Лаканом реальным, и место этого промаха уникально для каждого субъекта²⁸⁷. Чтобы попробовать подобраться к этому пункту в наслаждении, важна другая сторона означающего — не означающее как отсылающее к другому означающему, а означающее как имя, как следствие именованного. Наконец, есть вопрос об означающем в реальном²⁸⁸: с таким означающим можно столкнуться в психозе, что не отменяет тезиса о том, что референция всегда пуста. Как пишет Жак-Ален Миллер: «Только когда отношение между двумя означающими пресекается, когда прерывается цепочка означающих, обрывается фраза, — тогда символ присоединяется к Реальному. Но он присоединяется к нему не в форме репрезентации. ... Означающее несколько не представляет реальное, оно врывается в него, то есть часть символического становится реальным»²⁸⁹.

5) *Наслаждение не разделяется между людьми, но означающие циркулируют в обществе*. Следствием предыдущего пункта является то, что наслаждение не разделяется, но означающие могут циркулировать в обществе и быть носителями определённого отношения к наслаждению, устанавливая тот или иной дискурс — даже если дискурс никогда не исчерпывает всего наслаждения субъекта.

6) *Означающее — это ещё не всё*. Мы можем утверждать это именно в связи с отношением между означающим и наслаждением. Не всё в наслаждении определяется и схватывается означающим. Это оставляет место постоянно возобновляющимся усилиям особого, индивидуального использования означающего в попытках определения и схватывания наслаждения, в том числе в ходе анализа²⁹⁰.

7) *Означающее и дыра*. Означающее как понятие предполагает определённую прерывность и единичность, а также возможность структурирования, соотношения этой единичности с другими элементами. Но эту единичность означающего, равно как и структуру, определяемую означающим, психоанализ предлагает мыслить исходя из дыры. Об этом свидетельствуют попытки Лакана представить оз-

285) Миллер Ж.-А. «Ироническая клиника». МПЖ №2, С. 66 ; Miller J.-A. "La clinique ironique", La Cause freudienne, n°23 (Février 1993). <https://acf-lareunion.fr/wp-content/uploads/2016/09/Clinique-ironique-JAM.doc>

286) Там же, С. 70 русского перевода.

287) Другой вопрос, не является ли промах необходимой частью сна?

288) Лакан Ж. Семинар. Книга 3. Психозы. Логос/Гнозис, 2014. С. 173-190.

289) Там же. С. 69 русского перевода.

290) Об этом пишет Эрик Лоран в своей статье в этом собрании переводов.

начающее как глиняный сосуд, построенный вокруг пустоты, в Семинаре по этике психоанализа²⁹¹, или как верёвочное кольцо в Семинаре «Ещё»²⁹², как и различные лакановские топологические модели, например, структуры Другого в форме тора в Семинаре по идентификации²⁹³. Один из способов мыслить означающее как предполагающее дыру — это отталкиваться от того факта, что означающее всегда предполагает потерю. Эту потерю Лакан на протяжении своего преподавания концептуализирует по-разному, разрабатывая различные её версии; например, в логике отчуждения в Семинаре XI²⁹⁴ речь про потерю либо бытия, либо смысла, что можно прочесть как выбор между утратой бытия объекта (в случае невроза «слово убивает вещь») и утратой «доступа по умолчанию» (default access) к дискурсивной связи, возникающего за счёт символизации утраты объекта (говоря языком первого периода преподавания Лакана, в психозе форклюзировано Имя-Отца, то есть основа доступа по умолчанию к дискурсивной связи). Как бы то ни было, вопрос о дыре остается ключевой точкой отсчёта, и всегда, когда речь идёт об означающем в психоанализе, мы всегда можем задать вопрос: где в данном случае находится дыра?

Теперь мы можем поставить вопрос: каковы следствия предыдущих тезисов для этики психоанализа, в том числе для этической позиции психоаналитика?

1) *Означающее как ориентир в клинической практике.* Отношения между означающим и наслаждением являются нашей точкой отсчёта в технике анализа — с самого первого сеанса мы пытаемся, во-первых, оценить позицию субъекта и место его наслаждения по отношению к означающему (можно назвать это диагностическим аспектом, включая то, что субъект способен или не способен вынести в плане обращения с означающим), во-вторых, обнаружить особые означающие, нагруженные наслаждением в его жизни, и, в-третьих, дать возможность субъекту использовать означающее особым уникальным образом в аналитической работе для обхождения с наслаждением. При этом мы осознаём, что означающее не исчерпывает всего в отношении к наслаждению и что оно предполагает дыру — то есть, что анализ ориентирован в своей этике на несостоятельность Другого, на невозможность сказать всё, устроенную уникальным образом для каждого и для каждой, и на возможность заставить резонировать пустоту референции, сопряженную с означающим как кажимостью. Именно для этого и может быть использована аналитическая интерпретация: чтобы заставить эту пустоту резонировать²⁹⁵.

Когда субъект имеет дело с означающим в Реальном, то есть в случаях психозов, ориентация на означающее позволяет, как указывает в своей статье «Интерпретировать психоз в повседневности»²⁹⁶ Эрик Лоран, не потеряться в аналитической работе, не быть унесённым движением смысла, в конечном счёте всегда бредовым. Лоран даёт указание: выстраивать работу, ориентируясь на специфику элементарного феномена для каждого конкретного субъекта, на специфику «изолированных

291) Лакан Ж. Семинар. Книга 7. Этика психоанализа. Логос/Гнозис, 2006.

292) Лакан Ж. Семинар. Книга 20. Ещё. Логос/Гнозис, 2011.

293) Lacan J. Le Séminaire, Identification, inédit.

294) Лакан Ж. Семинар. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. Логос/Гнозис, 2004. С. 223-229, 267-270.

295) Cf. Miller J.-A. “En deça de l’inconscient”. La Cause du désir, n° 91, p. 125, 126.

Здесь можно сослаться также на выступление Вероник Воруз об интерпретации в рамках Лондонской мастерской Фрейдова поля в 2024 году (не опубликовано).

296) Laurent E. Interpréter la psychose au quotidien, Mental N°16. (Octobre 2005). <https://ru.scribd.com/document/489214166/E-Laurent-Interpreter-la-psychose-au-quotidien-Mental-N-16>

S1, которые навязывают себя субъекту»²⁹⁷, на специфику означающих в реальном, вторжение которых можно вычленивать и локализовать в жизни субъекта, не добавляя к ним смысла. Перед анализом стоит задача «повторно центрировать субъекта на элементарных феноменах»²⁹⁸.

2) *Означающее и симптом*. Именно первичная связь между означающим и наслаждением обеспечивает то, что наслаждение «никогда не перестаёт»²⁹⁹: в сердцевине симптома лежит метка встречи говорящего тела с означающим, запись, которая вне-существует, не переставая писаться³⁰⁰, и в то же время соседствует с тем, что никогда не перестает не писаться³⁰¹, неустранимой дырой. Уже один этот факт даёт важный ориентир для этики психоанализа: невозможно полностью устранить наслаждение, лежащее в основе симптома, с которым субъект приходит к психоаналитику, всегда остаётся наслаждение, которое не перестаёт — и именно запись этого наслаждения, а также очерчивание и стягивание того, что не перестаёт не писаться, может стать ориентиром для аналитической этики. И наоборот, невозможно ввести метку означающего в симптом, если субъект не подвергся этой метке — и тогда воздержание от любой попытки такого рода также служит этическим предписанием для аналитика.

3) *Приостановка смысла: от истины к реальному*. Разделение означающего и смысла предполагает не слишком увлекаться тем или иным смыслом, но оставлять место в перспективе возможной аналитической работы (взвешивая момент анализа, когда это будет уместно для субъекта) для эффектов разделения означающего и смысла — во-первых, для движения истины, нетождественности субъекта самому себе, разрыва между высказанным и актом высказывания; во-вторых, для открытия реального в той мере, в какой оно находится вне смысла. И если движение истины невозможно без движения смысла и предполагает Другого как место истины, то реальное вне смысла открывает вопрос об означающем Одним-самом-по-себе, без отсылки к Другому как месту истины, и о его отношении к наслаждению.

4) *Кажимость как средство обхождения с реальным*. Чтобы достичь этого наслаждения вне смысла, часто (но не всегда!) необходимо использовать смысл (по аналогии с высказыванием Лакана «обойтись без Имени-отца, сумев им воспользоваться»³⁰²) — использовать его и в ходе анализа. Так или иначе доступ к реальному возможен только с помощью кажимостей. Один из способов сделать это — то, что Лакан назвал *bien-dire*, что можно перевести как «хорошо сказано», акт высказывания (*dire*), действующий то, что вне смысла (в том числе в форме именованного или экивока (*équivoque*)). Но возможно и другое использование кажимости и означающего в аналитической практике — например на уровне кажимости травмы, отголоска означающего в теле. Также, например, бывают случаи, где способ обращения субъекта с реальным основывается не на означающем, способном господствовать над смыслом, а на образе, который служит для субъекта опорой и ориентиром.

5) *Узлы и bien-dire*. Отделение означающего от смысла позволяет также обнаружить структуру как соотношение означающего, образа (в том числе образа тела) и

297) Ibid.

298) Ibid.

299) Апостол Павел в 1-м послании к Коринфянам пишет, что «любовь никогда не перестаёт».

300) Cf. Lacan J. La troisième. Lettres de l'École Freudienne, Paris, n°16, 1975. P. 186.

301) Лакан Ж. Семинар. Книга 20. Ещё. С. 71, 72, 112.

302) Lacan J. Le Séminaire, Livre XXIII, Le sinthome. Seuil, 2005. P. 136.

наслаждения, прояснить уникальный в каждом случае узел воображаемого, символического и реального, поскольку сам этот узел не является смыслом, но определяет возможность любого смысла. В конечном счете, анализ направляется попыткой произвести акт высказывания, *dire*, который наилучшим образом отвечал бы этой структуре, особой для каждого говорящего существа. Можно сказать, что это и есть острое аналитического *bien-dire* — а *bien-dire* оказывается этическим ориентиром психоанализа.

6) *Господствующие означающие и несуществование Другого*. Этика анализа — это в конечном счёте этика несуществования Другого, поскольку она не стремится приспособить субъекта к якобы «объективной» реальности, признавая значимость конструирования своего Другого каждым субъектом, но при этом осознаёт способность означающего производить эффект господства — в том числе в общественных связях. Само выражение «господствующее означающее» имеет политические и, следовательно, этические последствия. Именно в свете несуществования универсального Другого и несуществования общей для всех реальности мы можем увидеть единичность и контингентность господствующих означающих для определённого субъекта и их отношение к наслаждению (иногда смертоносному) по ту сторону идеалов, которые эти означающие порой представляют. Но в то же время мы видим и силу господствующих означающих, объединяющих ту или иную социальную группу и формирующих определённый дискурс, разделяемый этой группой.

7) *Именование, экивок, кажимость травматизма — необходимые элементы аналитической практики*. Всё сказанное подчёркивает важность в аналитической практике этих трёх способов не быть слишком захваченным смыслом. Остановимся на них чуть подробнее.

Имя находится на периферии системы смыслов и обособлено от неё; именование дырявит эту систему смыслов, но вместе с тем имя затыкает эту дыру, как то подробно разбирает Эрик Лоран в своей статье «Симптом и имя собственное»³⁰³. Иначе говоря, имя очерчивает точку несуществования Другого (*S(A)*), закупоривая, зашивая её. Именование может позволить субъекту приостановить утечку или разрастание смыслов, найти перед лицом их ненадёжности или скольжения определённую стабилизацию, в том числе в случаях психоза. Так, именование способно ввести определённое означающее для обхождения субъекта с симптоматическим наслаждением.

Экивок использует измерение смысла, чтобы обнаружить, раздвоив или умножив его, материализм (лакановский неологизм из слов материализм и *mot*, слово) означающего вне смысла. В своей теории психоаналитической интерпретации как экивока, изложенной в “*L’Étourdit*”, Лакан выделяет три типа экивока: омофонический, грамматический и логический³⁰⁴. Как отмечает Лакан, экивок не следует рассматривать как «уловку»³⁰⁵, как способ уйти от ответа. Напротив, экивок — это точный инструмент. Он заставляет наслаждение и удовлетворение резонировать в их отношении к означающему и к *dire*, а значит, способен проникнуть в самую сердцевину симптома. Но это возможно именно потому, что экивок через означающее указывает на то, что означающее — это еще не всё; она заставляет резонировать пу-

303) Laurent E. Symptôme et Nom Propre. *La Cause freudienne*, n° 39, mai 1998, P. 24.

304) Lacan J. *L’Étourdit*. Op. cit. P. 491 — 492.

305) Там же. P. 459.

стоту в *dire*. Как говорит Эрик Лоран в своей статье «Интерпретировать психоз в повседневности»: «Интерпретационный экивок не означает, что мы имеем дело с интерпретацией, в которой мы ничего не понимаем, интерпретацией, открытой для всех смыслов, как говорил Лакан. Экивок не означает, что все смыслы возможны. Экивок означает, что игра смысла достаточна для того, чтобы наступило молчание, чтобы означающее разложилось, рассыпалось, чтобы не было ни бесконечной конкатенации, ни застывшего значения»³⁰⁶.

В своей статье «Невозможное именование, его кажимости, его синтом», опубликованной в этом собрании переводов, Эрик Лоран сближает именование и экивок как формы усилий со стороны субъекта по обходу с дырой с помощью означающего: «усилия ... субъекта по именованию, то есть с его усилия заставить обычный язык экивокировать, звучать двусмысленно (*équivoquer*), чтобы достичь объекта своих пожеланий, партнёра-симптома, которому он адресует своё влечение и при котором он восстанавливает часть утраченного объекта»³⁰⁷. Лоран настаивает на этом измерении непрекращающегося усилия в синтоме — и в этом плане конец анализа не означает окончания усилий. Но на любом этапе анализа аналитик должен распознать и воздать должное усилиям субъекта в пользовании означающим. Это рифмуется с темой ответственности за *dire*, звучащей в статье Софи Марре-Мальваль в этом выпуске.

Наконец, интервенция аналитика как кажимость травматизма также напрямую связана с вопросом о синтоматическом решении. Травматизм — эффект расхождения между означающим и наслаждением: наслаждение говорящего существа не существует без означающего, но и не абсорбируется им полностью. Как говорит Жак-Ален Миллер: «Поскольку Лакану удалось пригласить аналитика занять место объекта маленькое *a*, в Семинаре о синтоме он формулирует: «Аналитик — это синтом». Его поддерживает бессмыслица, поэтому мы избавляем его от мотивов; он не будет объясняться. Скорее, он будет играть в события тела, в кажимости травмы. И ему придётся многим пожертвовать, чтобы заслужить право быть или быть принятым за часть реального»³⁰⁸.

Матема *S1*, вынесенная в заголовок опубликованного тут собрания из четырех переводов, как и другие лакановские матемы, может быть прочитана различными способами, и по-разному читают её авторы статей в этом выпуске. Однако это не отменяет резонансов между этими прочтениями.

Статья Лорана посвящена логике анализа невротического субъекта в его возможности быть доведённым до завершения. Именно в невротической структуре сходятся различные прочтения матемы *S1* в учении Лакана: как особых означающих, таких как господствующие означающие, которые ориентируют любой возможный смысл; как попытка именовать метку травматического воздействия языка вне смысла; как способность субъекта держаться на уровне акта высказывания (*dire*). Связь этих прочтений обеспечивается тем, что *S1* в неврозе находится в скре-

306) Laurent E. *Interpréter la psychose au quotidien*. Op. cit.

307) Лоран Э. Невозможное именование, его кажимости, его синтом. В этом собрании.

308) Miller J.-A. *L'inconscient et le sinthome*. *La Cause freudienne* 2009/1 (N° 71), P. 79. <https://www.cairn.info/revue-la-cause-freudienne-2009-1-page-72.htm>

плении с объектом **a**, — и это скрепление, о котором пишет Софи Марре-Мальваль, специфично именно для невроза. Именно вокруг определённого объекта **a** вращаются различные господствующие означающие такого субъекта, и тем самым скрепление (S1, **a**) ориентирует смыслы; именно этот объект как кажимость претендует заткнуть дыру первичной встречи с языком; и именно этот объект поддерживает тут акт высказывания. Но в других психических структурах мы видим своего рода дифракцию этих различных прочтений S1 — например, есть случаи психоза, где налицо ключевые, отметившие жизнь человека означающие, но они не связаны с потерей наслаждения и не подчинены полю тяготения объекта **a**, претендующего восполнить эту потерю. Статья Софи Марре-Мальваль ставит вопрос как раз о месте S1 и именовании в психозе на примере судьбы Джима Моррисона.

Сам Лоран в своей статье проговаривает несколько видов S1: «В конце анализа, пройдя через свои идентификации, через своё имя фантазма и прикоснувшись к своему имени синтома, субъект, не обязательно психотический, также обнаруживает себя в какой-то мере в “Finnegans Wake”³⁰⁹». Тут можно различать «идентификации», «имя фантазма» и «имя синтома» как три разные версии S1. Но все эти версии опираются на фундаментальную, изначальную функцию S1 — функцию S1 как первичного эффекта акта высказывания (*dire*), предшествующего любому возможному смыслу. Бесконечная прямая линия, составленная из серии означающих S1, серии пересекаемых идентификаций, которую рисует в своей статье Лоран, может быть прочитана как прочерченная воздействием акта высказывания (*dire*) как такового, и здесь S1 как *dire* предстает в своем асемантическом качестве (помимо всякого смысла). Это именно то значение S1, которое выступает на первый план в статье Софи Марре-Мальваль: первичное S1 *dire* как не предполагающее существования Другого и ориентирующее аналитическую этику вопросом о возможной ответственности за это S1.

Вопрос дифференциальной диагностики, который мы уже неоднократно затронули — это также вопрос направления аналитической работы и, соответственно, вопрос этики. Именно особенностям диагностики и направления работы в различных случаях психозов исходя из узла воображаемого, символического и реального посвящена в этом выпуске статья Жиля Кароза. В свою очередь статья Жана-Клода Мальваля отстаивает гипотезу об отдельной аутистической структуре как отличной и от невроза, и от психоза, пытаясь сформулировать, среди прочего, специфику функции S1 в этой структуре³¹⁰, и подчёркивает важность аналитической ориентации для работы с аутизмом.

309) Лоран Э. Op. cit.

310) «Он [аутистический лаланг] состоит из одиноких S1 самих по себе, расположенных бок о бок. Они служат не коммуникации, а одинокому удовлетворению. Бедность аутистического лаланга заключается в том, что его S1 не обладают потенциалом стать господствующими означающими, способными отметить тело буквой по принципу синтома». (Мальваль Ж.-К. Аутистическая структура. В этом выпуске.)